

Г. УЭЛЛС

Крах психоанализа

От Фрейда к Фромму

THE FAILURE
OF PSYCHOANALYSIS

From Freud to Fromm

by HARRY K. WELLS

New York

International publishers

Г. УЭЛЛС

Крах психоанализа

От Фрейда к Фромму

Перевод с английского

Общая редакция и послесловие
действительного члена АМН
проф. А. В. СНЕЖНЕВСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
МОСКВА 1968

Перевод с английского

И. Т. Татагощиной, М. Е. Холодовской

и канд. пед. наук *М. И. Лисиной*

Редакция литературы по вопросам философии и права

Памяти моей сестры
Фрэнсис Уэллс Дисанти

Предисловие

Ни один комплекс идей, за исключением, пожалуй, прагматизма, не сыграл более важной роли и не оказал более глубокого влияния на формирование американского сознания двадцатого века, чем психоанализ.

В настоящее время и в течение последних пятидесяти лет Соединенные Штаты являются второй родиной психоанализа. Хотя Вена была местом его рождения, а Цюрих — первой экспериментальной базой, тем не менее только в Америке сумел он пропитать собой не только сферу психиатрии, но также и всю национальную культуру.

Соединенные Штаты стали вместе с тем свидетелем внутренней теоретической эволюции психоанализа от классической его формы до последующей ревизии, реформации и реконструкции.

В предлагаемой работе автор намеревается изложить историю психоанализа в США, дать оценку его различным формам, определить природу и степень его влияния и предложить альтернативный подход к решению важной проблемы человеческой психики — больной и здоровой.

Гарри К. Уэллс

ЧАСТЬ I

Психоанализ Фрейда

Психоанализ появляется в Америке

Появление психоанализа Фрейда в Соединенных Штатах в значительной мере связано с судьбой ныне покойного А. А. Брилла. В каком-то отношении его история повторяет обстоятельства жизни Фрейда в Вене и объясняет, почему Брилл был всего лишь первым из легиона молодых неврологов, психологов, психиатров и социологов, обратившихся к психоанализу в поисках средства избавления от неудовлетворенности своей профессиональной деятельностью.

А. А. Брилл

После окончания Колледжа лечебной медицины и хирургии молодой доктор Брилл поступил в 1903 году на службу в Нью-Йоркскую государственную больницу. Он изучал невропатологию и психиатрию в Нью-Йоркском институте психиатрии под руководством д-ра Адольфа Майера, которому обычно приписывается заслуга превращения домов для умалишенных в больницы для душевнобольных. Доктор Майер дал ему основательную подготовку в области классического метода органического исследования психических расстройств и познакомил его с работами немецких психиатров — Эмиля Крепелина и Карла Вернике.

После двух лет учебы и жизни в Нью-Йорке ему было поручено заведование приемным пунктом службы неотложной помощи при Центральной государственной ислипской больнице, где он принимал и обследовал всех первичных больных из Манхеттена и Бронкса.

В то время это первичное физическое и нейропсихиатрическое обследование, изложенное на 10—16 машинописных страницах, было самым серьезным моментом в судьбе госпитализированного душевнобольного. На этом этапе ставился диагноз и давалось направление в соответствующую палату, где дальнейшая процедура сводилась к наблюдению, выжиданию и ведению истории болезни, а тем временем больных пользовали определенными дозами снотворных или возбуждающих средств в целях противодействия излишней активности или депрессии. Это лечение велось в соответствии с формулярным предписанием Вандербильтской клиники, именовавшимся «Микстуры для лечения заболеваний нервной системы». В таких условиях мало что или почти ничего нельзя было сделать для больных, и спустя два года Брилл начал испытывать тоску и нетерпение. По его словам, «все выглядело совершенно безнадежным, а следовательно, неинтересным»¹.

Была еще и другая причина, почему он не мог мириться с больничной рутинной и несостоятельностью клинических методов. Он встретил девушку, на которой хотел жениться, но, поскольку ни оклад, ни жилищные условия в Центральной психиатрической больнице не удовлетворяли молодоженов, он решил заняться частной практикой. Поступив таким образом, Брилл последовал примеру Фрейда, и, подобно Фрейду, ему, неврологу-психиатру, получившему подготовку лишь в области диагностики и лечения органических душевных заболеваний, встречающихся в больницах, пришлось столкнуться с проблемой лечения таких функциональных расстройств, с которыми больные обращаются к частнопрактикующим врачам.

На заре нашего столетия функциональные душевные болезни подразделялись на основе симптомов на три типа: истерию, психастению и неврастению. Последнюю называли «мусорницей» медицины душевных болезней, ибо к ней относили все, что нельзя было объяснить органической природой. Как только ставился диагноз «неврастения», больного чаще всего принимали за симулянта и начинали пользоваться чисто символиче-

¹ A.-A. Brill, Introduction, The Basic Writings of Sigmund Freud, Modern Library, New York, 1938, p. 25.

скими средствами или «ублажать», по выражению частнопрактикующих врачей. В больницах или клиниках для лечения как функциональных, так и органических заболеваний применялись одни и те же терапевтические средства — гиосцин, морфий, хлорал, паральдегид, а также гидро- и электротерапия в зависимости от случая.

Д-р Брилл приобрел достаточно большой опыт в больнице, чтобы убедиться в бесполезности всех этих средств. Кроме того, эти методы не вполне подходили для лечения амбулаторных «невротиков», с которыми ему пришлось бы иметь дело в частной практике. Столкнувшись с такой дилеммой, он, естественно, со временем стал интересоваться сообщениями о новых психотерапевтических методах, особенно о методе гипнотического внушения, как опять-таки в свое время поступил и сам Фрейд.

Такого рода практика была, по-видимому, распространенной среди невропатологов и психиатров. Первыми этот путь проложили Фрейд и Пьер Жане, а затем в течение 20—30 лет он был повторен бесчисленным множеством практикующих врачей во всех развитых странах мира. Физиология, патофизиология и медицина не могли дать ответ на вопрос о причине и природе невроза, ни указать средство лечения этого недуга. Таким образом, практикующий врач вынужден был искать ключ к разгадке в чем-то ином. Он должен был найти какие-то средства лечения пациентов. Он не мог просто ждать, пока другие науки дадут необходимые знания, ибо нельзя ждать, когда речь идет об облегчении страданий больного. Вот как случилось, что неизбежно вступил в действие кантовский *практический разум*: когда недостает знаний, а вместе с тем необходимо действовать (как это бывает при лечении больного), должны быть использованы имеющиеся под рукой наиболее подходящие средства. На рубеже нашего века психиатрия в целом располагала очень небольшим количеством лечебных средств, что же касается частнопрактикующих врачей, то они почти вовсе были лишены этих средств. В Соединенных Штатах психотерапия как особая дисциплина еще не существовала, и специалистов-психотерапевтов там еще не было.

В течение двух тысячелетий медики применяли терапию *словом* в качестве дополнения к медицинскому

лечению. В последнее десятилетие прошлого века развитие психотерапии получило большой толчок, когда для лечения легких форм душевных расстройств стал применяться гипноз. В Европе Ж. М. Шарко, Огюст Форель и Левенфельд опубликовали сообщения о замечательных, если не чудодейственных результатах применения этого метода. В Соединенных Штатах внушение посредством гипноза применяли Мортон Принс и Борис Сидис; они описали эффективность гипноза как метода психотерапии.

Таким образом, когда Брилл собирался открыть частный кабинет для лечения амбулаторных больных, страдавших нервным расстройством, существовал всего лишь один строго психотерапевтический метод — гипнотическое внушение. Больной погружался в состояние гипнотического сна, а затем ему давалась команда: «Довольно, перестаньте», — которая должна была продолжать действовать по окончании сеанса гипноза; эта команда относилась к любым симптомам нервного расстройства. Брилл описывает один из таких случаев. Его пациент некоторое время страдал громкой отрыжкой, носившей характер нервного тика. Раз начавшись, она не прекращалась часами. «Я около часа пытался воздействовать на этого незадачливого человека убеждением, — сообщает Брилл, — вид у него был растерянный, и он продолжал рыгать так же громко, как прежде. Тогда его глупость, ибо так я расценивал его поведение, стала меня раздражать и я прибег к гипнозу, которому он легко поддался. Теперь ничего не стоило устранить его симптомы с помощью непосредственной команды. Я приказал ему перестать рыгать, а когда он все-таки рыгнул, я прямо-таки завопил: «Молчать!», и в конце концов он умолк. Затем я приказал ему никогда больше этого не делать»¹. Таким путем Брилл в ряде случаев добивался поразительных успехов. Однако — и это Фрейд обнаружил еще до него — за блистательными результатами немедленного воздействия часто скрывалась неспособность этого метода действовать на протяжении длительного периода времени. «Излечение» в лучшем случае носило крайне временный харак-

¹ Brill, Freud's Contribution to Psychiatry, Norton, New York, 1944, p. 22.

тер, а в худшем оказывалось невозможным, ибо многие больные просто-напросто не поддавались гипнозу.

Сначала Брилл, как и Фрейд до него, полагал, что его неспособность подвергнуть гипнозу большое число своих пациентов объясняется недостатком знаний и навыков. Эти соображения заставили его прочесть все, что ему удалось найти по технике гипноза. Наконец в одной из газет он прочел, что некий доктор Джон Д. Куэкенбос дает в Нью-Йорке сеансы гипнотического внушения и добивается при этом чудодейственных результатов. Брилл нанес ему визит с целью выяснить, как достичь такого высокого профессионализма, чтобы гипноз действовал на всех больных. «Доктор Куэкенбос,— писал Брилл,— был образованным джентльменом блистательной внешности более или менее свенгэльского¹ типа. Он выслушал с улыбкой мой рассказ о недостатках, присущих мне как гипнотизеру, а затем повел меня в комнату довольно большого размера, поделенную на несколько спален. Там я увидел больных, которые, вытянувшись на койках, крепко спали и храпели. Восхищенный, я спросил его: «Как вы это делаете?» Тогда он сообщил мне, что вначале испытывал те же самые трудности, что и я, но потом решил проблему, отказавшись от мысли усыплять пациентов с помощью одного только словесного внушения. Он сказал: „Если они не поддаются внушению и не засыпают, я просто-напросто даю им сильную дозу паральдегида, и вскоре они погружаются в сон“». Услышав это, Брилл почувствовал разочарование, и «свенгэлеподобный образ доктора вдруг заметно потускнел» в его глазах².

И все же, несмотря на все трудности, гипнотическое внушение оставалось главным средством психотерапевтического воздействия. По-видимому, другим единственно возможным методом было воздействие на больного убеждением с целью перевоспитания его в дальнейшем. Книга парижского врача Дюбуа «Психическое лечение душевных расстройств» («The Psychic Treatment of Men-

¹ От имени Свенгэли — гипнотизера, злоупотреблявшего своим даром, из романа Дю Морье. Отсюда нарицательный смысл этого имени: всякий, кто пытается использовать в порочных целях убеждение или силу, стремясь заставить другого исполнить свое приказание.— *Прим. перев.*

² Brill, Freud's Contribution to Psychiatry, p. 23.

tal Disorders»), опубликованная в 1905 году, утверждала этот метод как наиболее эффективный и оспаривала правомерность метода гипнотического внушения, поскольку его действие было преходящим, а устранение симптомов носило поверхностный характер, не затрагивая причин болезни. Соображения д-ра Дюбуа произвели на Брилла впечатление, но тем не менее он полагал, что так называемая «рациональная психотерапия» не эффективна в борьбе с «иррациональными», эмоционально окрашенными убеждениями, установками и конфликтами нервных больных. Однако эта работа заронила в его душу серьезные сомнения относительно правомерности метода гипноза, сомнения, которые в конце концов привели его в объятия психоанализа.

А между тем, стремясь овладеть техникой гипноза, он тщательно изучил «Лекции» Жана Мартена Шарко, посвященные этому вопросу, и в результате решил съездить в Париж в Сальпетриер.

В 1905 году в Европе Брилл впервые услышал имя Фрейда. «В Бельгии, — рассказывает он, — во время посещения выставки в Льеже я случайно встретился с одним австрийским лейтенантом артиллерийской службы. Мы оказались соседями по столу в ресторане и таким образом познакомились. Затем несколько дней мы путешествовали вместе, а расставаясь, выразили надежду, что когда-нибудь снова встретимся. Я сказал, что собираюсь посетить Европу в 1907 или 1908 году и что, возможно, съезжу в Париж. На это он ответил: «А почему бы вам не съездить в Вену и не позаниматься у Фрейда?» На мой вопрос, кто такой Фрейд, он ответил: «О, это, должно быть, человек известный, иначе у него не было бы столько противников»¹.

Брилл взял в больнице отпуск и в 1907 году отправился в Париж в Сальпетриер. К тому времени прошло уже 15 лет как умер Шарко. Брилл совершил свою поездку спустя 22 года после аналогичного путешествия Фрейда, предпринятого с той же самой целью совершенствования в технике гипноза. Однако теперь Брилл был глубоко потрясен и огорчен тем обстоятель-

¹ Brill, Freud's Contribution to Psychiatry, p. 25.

ством, что последователи Шарко утратили интерес к методу гипнотического внушения и поддерживали модифицированный американский метод Уэйра Митчелла, метод лечения покоем под названием «изоляция». Брилл прибыл в Париж, надеясь получить здесь все необходимые психотерапевтические знания для завершения своей подготовки к началу частной практики. Последовавшее разочарование привело его в отчаяние. Он был готов отказаться от психиатрии, ибо где еще, кроме Парижа, мог он получить ответ на интересовавшие его вопросы? Он нуждался в методе, который позволил бы ему начать лечение нервных больных с помощью психотерапии, то есть терапии *словом*, в амбулаторных условиях частной практики. Оставалось одно — либо найти такой терапевтический метод, либо оставить психиатрию и заняться лечением уха, горла, носа, как он и намеревался поступить. В припадке отчаяния он написал письмо человеку, с чьей помощью избрал психиатрию своей специальностью, д-ру Фредерику Петерсону, бывшему в то время председателем Нью-Йоркского государственного комитета по психическим заболеваниям (ныне Комитет психогигиены). Д-р Петерсон ободрил его, убеждая остаться психиатром, и посоветовал посетить клинику Бургхёльцли в Цюрихе, где, как он писал, «фрейдовские теории проверяются на лечении психозов, что, как мне кажется, должно вас заинтересовать»¹. Брилл последовал этому совету и отправился в Цюрих. Это было решающее событие в его жизни, так как оно сделало его последователем психоанализа и своего рода миссионером, с помощью которого фрейдовское учение проникло в Америку.

Всего за шесть месяцев до приезда Брилла в клинику Бургхёльцли под руководством Э. Блейлера и его главного ассистента К. Г. Юнга стали применять фрейдовскую теорию для лечения больных, страдающих психозом. Событие это ознаменовало первый настоящий провал психоанализа и в то же время положило конец «одиночному периоду» поисков, по выражению Фрейда. Блейлер и Юнг радушно встретили Брилла и в ответ на его просьбу разрешили ему работать вместе с ними в клинике.

¹ Там же, стр. 26.

Первое собрание персонала клиники, на котором присутствовал Брилл, произвело на него неизгладимое впечатление. Ничего не зная о психоанализе, растерянный и словно замороженный, слушал он разбор истории болезни. Его растерянность была вызвана расхождением между психоаналитическим методом, с одной стороны, и всей его подготовкой в области лечебной медицины и психиатрии — с другой. Его учили согласно классической традиции, ведущей свое начало от Бенджамина Раша, что мозг — это орган психики и всякие патологические нарушения психической деятельности есть следствие нарушения деятельности мозга соматогенного или психогенного характера. Согласно этой традиции, за нервными и психическими симптомами велись тщательные наблюдения безотносительно к их словесному или символическому значению, а лишь с целью установить, какой участок мозга поражен и как именно, чтобы затем можно было принять меры к устранению расстройства. Это была *классическая теория*. В целом она оправдывала себя при лечении расстройств *органического* характера, то есть таких расстройств, когда вследствие заболевания или физической травмы мозг оказывался действительно поврежденным. Трудности возникали тогда, когда в *анатомическом субстрате* мозга не удавалось обнаружить никаких физических повреждений. Перед этими *функциональными* типами психических болезней — неврозами и некоторыми видами психоза — психиатрия была почти совершенно беспомощна, так как для развития теории недоставало фактов. Поэтому она ограничивалась прагматическими методами лечения, действуя исключительно по принципу проб и ошибок.

Возбужденно-радостное состояние Брилла на первом заседании в клинике Бургхельцли объяснялось этим, казалось, полным освобождением от дилеммы, стоявшей перед современной психиатрией. Перед ним открывался обходный путь, позволявший миновать оба полюса дилеммы: принцип, согласно которому основой психических заболеваний является мозг, и неспособность науки пока еще раскрыть мозговую основу функциональных психических заболеваний. Этот принцип не только исключался, но применительно к неврозам и психозам превращался в свою противоположность. Не

мозг, утверждалось теперь, а сама психика служит источником функциональных психических заболеваний. При такой постановке вопроса не было больше теоретической необходимости в поисках нарушений в функционировании головного мозга как причины неврозов и некоторых видов психозов, и поэтому такие поиски прекращались.

Эта дилемма угрожала Бриллу драматической развязкой, когда он готов был вообще оставить психиатрию, ибо ему никак не удавалось выйти из тупика и получить ответ на вопросы, интересовавшие его в связи с неврозами. Ни в Нью-Йорке, ни в Париже не находил он и намека на нужный ему ответ. Тогда он отправился в Цюрих, и здесь внезапно проблема, хотя и не получила решения, перестала для него существовать. Дилемма была ловко обойдена. Брилл ликовал, потому что избавился от мучительного противоречия. То, что случилось с Бриллом, произошло буквально с сотнями и тысячами неврологов и психиатров во всем мире. Фрейд пережил почти то же самое с той лишь разницей, что он не нашел готового рецепта, а должен был сам изобрести его, складывая целое из кусочков, скрупулезно собранных из разных мест. Для Брилла же «психоанализ был фактически уже готовым продуктом»¹, когда он впервые познакомился с ним в 1907 году.

Выход из тупика был найден благодаря отказу от медицинской психиатрии и физиологии головного мозга и обращению к *чистой* психологии, к изучению здоровой и больной психики безотносительно к органу, функцией которого она является. Именно этот «выход из положения» позволил Бриллу воспрянуть духом, когда он впервые узнал о нем на совещании врачей в Цюрихе. «Меня поразило и захватило то, что я увидел и услышал на этом собрании»², — писал он.

Первый же случай психического заболевания, обсуждавшийся в присутствии Брилла в клинике Бургхельцли, наглядно показывает, насколько велика пропасть, разделявшая традиционный научный подход и «новый» чисто психологический метод, разработанный

¹ Brill, Freud's Contribution to Psychiatry, p. 40.

² Там же, стр. 28.

Фрейдом. При характеристике заболевания были наскоро перечислены симптомы болезни и процесс их развития, что заняло в общей сложности всего несколько минут. Затем на протяжении нескольких часов шло описание и объяснение символического содержания речи больного и его действий. Классический медицинский и физиологический подход был и остается необходимым при наблюдении за нарушениями речи и поведения больного, говорящими о нарушениях в его высшей нервной деятельности, а затем на основании этих симптомов делается попытка определить точную природу нарушения равновесия мозговых процессов. В целом этот принцип сводится к тому, что неадекватное поведение есть следствие нарушений нервной деятельности, вызванных соматогенными или психогенными факторами либо сочетанием тех и других.

С другой стороны, с точки зрения чисто психологического — психоаналитического — метода, который готов был принять Брилл, неадекватное поведение и речь рассматривались сами по себе и при этом анализировалось скрытое *значение* словесных образов и поступков. Технику толкования субъективного содержания неадекватного поведения душевнобольных предложил Фрейд, сделав тем самым свой, быть может, самый большой подарок неврологам-психиатрам, работавшим в амбулаторных условиях. Интерпретируя сновидения, фантазии, свободные ассоциации, симптоматические действия, обмолвки, остроты и шутки, практикующий врач глубоко проникал в самые тайники личной жизни пациента, пытаясь понять, почему в его сновидениях и фантазиях встречаются именно такие образы, а не иные.

Перед Бриллом открывался совершенно новый мир, мир, прямо противоположный тому, что было ему известно из курса усвоенных им наук. «В Бургхёльцли, — писал он позднее, — все было совершенно иным: вместо того чтобы диагностировать ту или иную форму шизофрении, а определить ее можно, имея некоторый опыт, с первого взгляда, мы сосредоточивали свое внимание на специфических выражениях больного. Вместо того чтобы просто констатировать, что больной страдает слуховыми галлюцинациями, мы пытались выяснить, почему он слышит именно те или иные голоса, ибо вслед за Фрейдом мы неизменно считали, что дан-

ные галлюцинации могут быть свойственны лишь данному пациенту. Они говорили о борьбе, происходившей в его индивидуальной больной психике»¹. Чтобы понять, почему больной слышит именно те, а не другие голоса или видит перед глазами те или иные картины, необходимо было время; эта задача требовала присутствия штатного врача-аналитика, который посвящал бы этому занятию весь день. Фрейд установил такую практику, когда за больным ежедневно велось наблюдение в течение одного часа, однако при таких условиях он не смог завершить ни единого анализа, хотя многие из этих наблюдений велись по нескольким лет.

Брилл пробыл в Бургхёльцли два месяца, прочитав за это время все имевшиеся тогда основные работы Фрейда, включая «Толкование сновидений», «Историю болезни Доры», «Три дополнительных начала к теории секса» и «Психопатологию обыденной жизни». Однажды в воскресенье вечером в свободное от работы время Брилли представился случай проверить теорию Фрейда на самом себе. Он читал какую-то историю болезни, напомнившую ему вдруг об одном случае заболевания, которое ему пришлось лечить в Ислипской государственной больнице. Вспоминая, он стал делать записи на полях, как вдруг обнаружил, что забыл имя своего бывшего пациента. Налицо был небольшой провал памяти. Согласно Фрейду, имя забывается постольку, поскольку оно связано с чем-то болезненным или неприятным, таким образом, Брилли оставалось выяснить, какие именно неприятные обстоятельства заставили его забыть это имя. Он перебрал в памяти все возможные ассоциации, дав полный простор своему воображению; его мысль, не ограниченная ничем, касалась вещей, имевших ко всему этому самое отдаленное отношение, а порой и совсем никакого. Шел час за часом, было уже далеко за полночь, наступило утро, а он все перебирал в памяти ассоциации, заполняя своим убогим почерком целые страницы подробным изложением всех приходивших ему на ум обстоятельств, которые так или иначе могли ассоциироваться с забытым именем. Однако все было напрасно. Он прилег и

¹ Brill, The Basic Writings of Sigmund Freud, p. 26.

уснул на четыре часа, а проснувшись, тщательно записал все, что видел во сне, и все свободные ассоциации, возникавшие в воображении, но и это не помогло. Имя оставалось забытым.

Событие приобрело важное значение. Речь шла не просто о восстановлении забытого имени, а скорее о проверке всего фрейдовского метода. Наконец, когда Брилл готов был сделать вывод, что теория Фрейда никчемна, он вспомнил, что Фрейд настаивал не только на анализе сновидений и интерпретации свободных ассоциаций, но и на символическом толковании образов этих сновидений и ассоциаций. «Будучи неопытным, — писал он, — я не заметил самого главного, что подчеркивал Фрейд, а именно завуалированного символического их выражения»¹. Посвятив несколько часов толкованию символов, Брилл наконец, спустя 18 часов после начала поисков, вспомнил имя. Испытание было выдержано, Фрейд реабилитирован, а Брилл убежден. «Нельзя описать, — сообщает он, — ту огромную радость и удовлетворение, какие я испытал, вспомнив около пяти часов утра забытое имя. Я с трудом мог дожидаться совещания врачей, чтобы сообщить коллегам о своем опыте. «Теперь, — заметил кто-то из них, — вы станете фрейдистом». И с тех пор я фрейдист»².

Читая истории болезней в клинике, Брилл первоначально испытал тревожное чувство, когда, ознакомившись с фрейдовскими механизмами и символами, обнаружил, что они затрагивают знакомые струнки его собственных психических переживаний. «Но вскоре я заметил, — сообщает он, — что то, с чем я встречался у больных, даже тогда, когда имел дело с навязчивыми идеями или маниями, было всего лишь преувеличенным или искаженным выражением того, что присуще каждому нормальному человеку»³. В действительности он столкнулся с одним из главных следствий отказа от опоры на науку о мозге, его функционировании и нарушении этого функционирования. В фрейдовском чисто психологическом методе стирается грань между здоро-

¹ Brill, Freud's Contribution to Psychiatry, p. 102.

² Там же, стр. 103.

³ Там же, стр. 33.

вой и больной психикой, и последняя выступает как простое «преувеличение» первой. По этой теории невротические симптомы не являются выражением нарушений в деятельности мозга, а обуславливаются скорее неприятными воспоминаниями, когда-то подавленными, а теперь вновь вернувшимися в сознание в преувеличенном и искаженном виде.

Важный вклад Фрейда в психиатрию, утверждает Брилл, состоит в открытии приемов, с помощью которых бессознательные подавленные воспоминания могут стать осознанными. К числу таких приемов относятся толкование сновидений, свободные ассоциации, явления перенесения и другие менее существенные методы, используемые в процессе расшифровки и анализа символов. Считается, что, вместе взятые, они выступают как бы в роли микроскопа в процессе психологического исследования. «Всем нам казалось, что Фрейд дал нам в руки микроскоп для изучения психики», — пишет Брилл. С его помощью «мы искали теперь те нити, которые вели непосредственно от симптомов к какому-то моменту в прошлой жизни больного, обусловившему появление этих симптомов»¹.

В качестве простого примера он приводит случай заболевания, который анализировался в клинике. Больной судорожно взмахивал руками, словно страдал от нервного тика. С помощью микроскопа, каким является толкование сновидений, свободных ассоциаций, символических образов, аналитики-фрейдисты, включая Юнга и Блейлера, пришли к заключению, что это бессмысленное движение выражало попытку больного отогнать от себя идею, навязчивую мысль о том, что в него может проникнуть бог. Проследившая с помощью того же самого микроскопа прошлую жизнь больного, они воссоздали сцену, когда-то травмировавшую его. Во время этой сцены грубоватые приятели больного насильно заставили этого человека — убежденного пуританина — наблюдать случку собак на улице. Объяснение навязчивой идеи, как тогда было решено, заключалось в том, что слово «god», если его прочесть наоборот, превращается в слово «dog»². В судорожном взмахивании ру-

¹ Там же.

² God (англ.) — бог; dog (англ.) — собака. — *Прим. перев.*

ками увидели тогда попытку отгородиться от этого «god-dog» и не позволить ему «проникнуть» в себя. Считали, что динамика, которую эта сцена претерпела в психике больного, заключалась в вытеснении воспоминания о половом акте в область бессознательного, однако это воспоминание, обладавшее высоким зарядом психической энергии, проникло окольными и скрытыми путями в сознание в форме судорожных движений и навязчивой идеи ограждения себя от бога.

Помимо того что такой способ обнаружения источника психических реакций удовлетворяет интеллектуальную любознательность, он, как предполагалось, должен был избавить больного от свойственных ему симптомов путем возвращения в сознание в неискаженном виде первоначально подавленных воспоминаний. В этом — ядро терапевтической теории психоанализа. Несчастье, по мнению Фрейда, заключается в том, что такое выявление конкретных истоков данных симптомов, хотя оно и *может* снять эти симптомы, не затрагивает особенностей характера пациента. В результате нередко вместо старых симптомов развиваются новые. Поэтому Фрейд говорит о гипотетически совершенной «непрерывной цепи анализа», задача которой сводится к прослеживанию основных мыслей, эмоций и отношений больного и коренному изменению его характера на этой основе.

Такой подход применим в равной степени как к здоровой, так и к больной психике. Анализ человеческого характера фактически составляет основу подготовки психоаналитиков. Свободные ассоциации в сновидениях и толкование возможного символического значения раскрытых образов с самого начала служили столбовой дорогой фрейдовского познания психики. В течение всего своего пребывания в клинике Бургхёльцли Брилл прибегал к услугам Юнга и Блейлера, которые по его просьбе толковали ему его сны, а в последующий период своей жизни он выработал привычку ежедневно анализировать собственные сновидения, часто отсылая подробные записи своих снов и их толкование Фрейду, Шандору Ференци или какому-нибудь другому опытному аналитику для «объективной» оценки. «Считалось, — говорит Брилл, — что лучше всего изучать пси-

хоанализ на примере анализа собственных сновидений»¹.

В клинике над всем и вся витал дух Фрейда. Нельзя было оговориться, без того чтобы от человека, допустившего обмолвку, сейчас же не потребовали свободных ассоциаций, дабы раскрыть скрытый психический механизм этой обмолвки. Существовал также кружок психоанализа, собиравшийся каждый месяц под председательством Карла Юнга. Для Брилла и других сотрудников клиники Фрейд был аллахом, а Юнг — его пророком.

После того как Брилл, все еще находясь в клинике, проанализировал симптомы одного заболевания с занесением соответствующих записей в историю болезни, он прочно вошел в так называемый фрейдовский «внутренний круг». Упомянутый случай включал в себя сложный ряд толкований символов, против которых возражал Юнг. Дело кончилось тем, что Юнг направил отчет о болезни, составленный Бриллом, Фрейду с просьбой дать свое заключение. В письме, адресованном Бриллу, Фрейд писал: «Ваша работа меня очень заинтересовала. Я обменялся относительно нее мнениями с Юнгом. Ваше толкование, на мой взгляд, правильно; я познакомил с ним коллег, посещающих Среды (в том числе Ференци и Альфреда Адлера), и они согласились с вашей трактовкой». Несколько дней спустя Брилл получил от Юнга записку следующего содержания: «Что касается составленной вами истории болезни, то я могу сообщить вам нечто безусловно для вас приятное. Фрейд полностью одобрил ваше толкование и всецело с ним согласен». Аллах сказал свое слово, и его пророк вторил ему, хотя гордому и честолюбивому Юнгу поступить так было нелегко. Для Брилла же этот случай ознаменовал победу и начало личных взаимоотношений с Фрейдом, не прекращавшихся до конца жизни. «Получив одобрение «аллаха и его пророка», как мы имели тогда обыкновение называть Фрейда и Юнга, а также Венского психоаналитического общества, я необычайно обрадовался и опубликовал свой отчет»².

¹ Brill, Freud's Contribution to Psychiatry, p. 42.

² Там же, стр. 95.

Вскоре после этого Брилл посетил Фрейда в Вене и предложил ему перевести некоторые его книги и доклады на английский язык. Он побывал также на заседании Венского психоаналитического общества и там встречался с тесно спаянным кружком первых учеников Фрейда, сгруппировавшихся вокруг своего учителя, когда тот начал выходить из «периода поисков в одиночку».

Вернувшись в Бургхёльцли, Брилл взялся также за перевод книги Юнга «Психология врожденного слабоумия»; эта работа поставила его в ряд пионеров психоаналитиков.

Наконец, весной 1908 года Брилл вернулся в Нью-Йорк подлинным проповедником фрейдизма, посвятившим себя распространению нового Евангелия среди американских язычников. Он привез с собой огромные пачки литературы по психоанализу, собранной им во время пребывания в Цюрихе. Полный веры в будущее психоанализа в области наук о человеке, не только в психотерапии, но также психологии, педагогике, воспитании детей, антропологии, мифологии и социологии, он сразу же в беседах и на лекциях начал убеждать своих соотечественников в ценности новой науки, которая, по его утверждению, осуществит переворот в широких сферах американской мысли.

Вначале его слушали с интересом, но затем возникла оппозиция, которая стала заметно усиливаться. Брилла как переводчика и комментатора Фрейда упрекали в одержимости сексом, увлечении непристойностями и порнографией. Брилл оборонялся, интерпретируя действия своих преследователей с позиций психоанализа, как в свое время поступал и Фрейд. Осыпая его бранью, «они в какой-то мере давали разрядку своему собственному подавленному половому инстинкту»¹. Обстановка так накалилась, что, когда ему приходилось слышать такого рода обвинения на собраниях или обедах, он набрасывался на говорящего с требованием указать, где Фрейд или он сам высказывался подобным образом и предлагал 100 долларов на благотворительные цели, если такое высказывание будет найдено. Со временем он осмелел и поднял ставку до 500 долларов

¹ Brill, Freud's Contribution to Psychiatry, p. 194.

и выше. Ему казалось, что такого рода находчивые ответы лучше всего действовали на его коллег, умеряя их дикие фантазии относительно фрейдовских идей о сексе. Однако против препон, воздвигнутых на пути психоанализа в популярных газетах и журналах, столь простых методов воздействия не существовало. Этот начальный период деятельности Брилла был полон трудностей; к числу не самых малых из них относились выпады против него бывших его учителей и соучеников, видевших в нем «восторженного юнца, слепо идущего по пятам фальшивого пророка».

Вскоре по приезде в Нью-Йорк Брилл открыл частный кабинет и объявил, что он располагает всем необходимым для лечения больных по методу фрейдовского психоанализа. Первые несколько лет он был единственным психиатром на всей территории Соединенных Штатов, который пользовался этим методом. Его ближайшим коллегой был доктор Эрнест Джонс из Торонто, позднее переехавший в Лондон и ставший официальным биографом Фрейда. Джонс часто приезжал в Соединенные Штаты читать лекции; тем самым он помог Брилли подготовить почву для крупнейшего события в истории психоанализа, а также для наступления переломного момента в американской психологии и психиатрии, равно как и в других науках.

Фрейд в Америке

27 августа 1909 года Фрейд прибыл в Нью-Йорк вместе с Юнгом, которого он теперь называл своим кронпринцем. Он был приглашен прочитать курс из пяти лекций в Кларкском университете в Вустере, штат Массачусетс, в связи с двадцатой годовщиной его основания. Брилл был тут же, чтобы встретить его и показать достопримечательности города, в том числе и кинофильм — первый в жизни Фрейда. Из Нью-Йорка все они направились пароходом в Нью-Хейвен, а оттуда поездом в Бостон и Вустер. Фрейд остановился в доме ректора университета Дж. Стенли Холла, основателя экспериментальной психологии в Соединенных Штатах. Именно Холл пригласил его прочесть лекции, совершив тем самым весьма опрометчивый шаг, если вспомнить,

какому всеобщему остракизму подвергались Фрейд и психоанализ в научных и интеллектуальных кругах Англии и континентальной Европы. До этого ни одно учреждение, будь то больница, университет или профессиональное общество, не признавали Фрейда. Он и его учение были окружены полным презрением.

В Новой Англии, однако, он нашел тщательно подготовленную почву. В 1908 году Эрнест Джонс провел два или три коллоквиума, на которых присутствовал среди прочих важных особ Дж. Дж. Патнем, хорошо известный профессор неврологии Гарвардского университета. Патнем был полностью покорен психоанализом и стал первым «большим именем», поддержавшим Фрейда в Америке и во всем мире. Патнем и Джонс прочли несколько лекций в течение года, предшествовавшего годовщине Кларкского университета; они также представили на важный конгресс в Нью-Хейвене два доклада, вызвавшие горячую дискуссию. Таким образом, о лекциях Фрейда было широко известно, и их ждали с большим нетерпением и любопытством.

Лекции начались 6 сентября и продолжались пять дней. Они читались по-немецки перед одной из самых избранных аудиторий, когда-либо собиравшихся на дискуссию по психологии¹. Помимо Холла, Патнема, Юнга, Джонса и Брилла, там присутствовали Уильям Джемс, ведущий американский психолог и философ, Э. Б. Титченер, Франц Боас, Адольф Майер, Шандор Ференци, Э. Б. Холт и множество других известных психологов, психиатров и неврологов. На заключительной церемонии Фрейду была присвоена степень почетного доктора права, на что он ответил короткой речью, начинавшейся словами: «Это первое официальное признание наших начинаний»².

¹ Лекции переводил член научного общества при Кларкском университете психолог Гарри У. Чейз, впоследствии ставший ректором Нью-Йоркского университета. Они были опубликованы и пользовались большим спросом в Соединенных Штатах и во всем мире. Маленькая книжка под названием «Пять лекций по психоанализу» считается теперь фрейдовской «классикой», и миллионы экземпляров ее были распроданы в США. В этих лекциях Фрейд рассматривает основные понятия своей системы: бессознательное, подавление, инстинкт, формирование реакции, сублимация, теории детской сексуальности и пр.

² Ernest Jones, *The Life and Works of Sigmund Freud*, vol. II, Basic Books, New York, 1955, p. 57.

В Кларке в 1909 году американский академический мир в лице своих наиболее выдающихся представителей слушал в торжественной обстановке, как сам создатель учения говорил о таких гипотетических структурах, как две врожденные фазы детской сексуальности, каннибально-оральная и садистско-анальная, предопределенных элементах эдипова комплекса с его фатально обусловленной боязнью кастрации для мужчин и завистью к пенису для женщин. Фрейд сказал собравшимся ученым и философам, что его метод подхода к этим психическим структурам и динамическим механизмам заключается в первую очередь в анализе сновидений и их толковании на основе перевода стереотипных символов, биологически унаследованных от человека первобытных племен. Никогда ранее ученые не снисходили до того, чтобы выслушать Фрейда. На континенте его обычно отвергали как глупца, дилетанта или шарлатана — суждение, созданное его опубликованными работами, прежде всего «Толкованием сновидений». Но здесь, в Америке, сливки интеллектуального мира прослушали все пять лекций и были поражены. И хотя лишь немногие сохранили впоследствии интерес к психоанализу, само присутствие и терпимость остальных наложили на учение Фрейда печать академической респектабельности.

Однажды, когда Уильям Джемс и Фрейд прогуливались вместе во время конференции в Кларке, у Джемса случился легкий сердечный приступ. Говоря о «незабываемом впечатлении», какое произвел на него Джемс, Фрейд писал: «Я никогда не забуду одну маленькую сценку во время нашей совместной прогулки. Он неожиданно остановился, протянул мне свой портфель и попросил меня идти дальше, сказав, что догонит меня, как только пройдет приступ стенокардии, который только что начался. Он умер от этой болезни год спустя, и я всегда хотел быть таким же бесстрашным, как он, перед лицом надвигающейся смерти»¹.

По крайней мере один историк психологии А. А. Робек полагал, что благодаря этому сердечному приступу был упущен великий момент: «Нет сомнения, что в этом

¹ Sigmund Freud, *An Autobiographical Study*, Norton, New York, 1936, p. 94.

случае два интеллектуальных гиганта должны были выяснить, насколько близки их взгляды, но, увы... случай был упущен, а в следующем году Джемс умер»¹. По общим психологическим вопросам эти двое должны были достичь полного взаимопонимания — оба рассматривали *инстинкты* как решающий фактор психической жизни, оба были психологами «инстинктов». Однако заурядные буржуазные инстинкты частной собственности, накопления, агрессии и джентльменства, о которых говорил Джемс, бледны и недраматичны в сравнении с подспудными силами, которыми Фрейд наделил бессознательное «оно». Возможно, Джемс имел в виду это различие в потенциальной привлекательности для публики, когда, как пишет Эрнест Джонс, он похлопал при прощании Фрейда по спине и сказал: «Будущее психологии принадлежит вашим работам»².

В письмах, написанных вскоре после конгресса в Кларкском университете, Джемс не выражает такой уверенности ни в Фрейде, ни в психоанализе. В одном из них он писал: «Я надеюсь, что Фрейд и его ученики разовьют свои идеи до конца, так что мы сможем понять, что они из себя представляют. Они не могут не пролить свет на человеческую природу, но, признаюсь, лично на меня он произвел впечатление человека, одержимого навязчивыми идеями. Я ничего не могу извлечь лично для себя из его теории сновидений, а «символизм», совершенно очевидно, весьма опасный метод». В другом письме он говорит просто и прямо: «Я сильно подозреваю, что Фрейд с его теорией сновидений явно галлюцинирует»³.

Однако, несмотря на свои личные убеждения, Джемс, глава и старейшина американской психологии, а также философии, никогда не выступал против Фрейда публично. Напротив, он занял безопасную нейтральную позицию, но в то же время его присутствие в Кларкском университете и его внимание к Фрейду,

¹ A. A. Roback, *History of American Psychology*, Macmillan, New York, 1952, p. 287.

² Ernest Jones, *The Life and Works of Sigmund Freud*, vol. II, p. 57.

³ Цит.: Ralph Barton Perry, *The Thought and Character of William James*, Harvard Univ. Press, vol. II, New York, 1955, pp. 122—123.

как и благоприятные отзывы в лекциях и статьях, послужили полуоткрытым признанием теорий Фрейда. Объективно большой авторитет Джемса в интеллектуальном мире поддержал психоанализ в то время, когда он в этом отчаянно нуждался.

«В Европе, — писал Фрейд, — мне казалось, что меня презирают; но здесь, в Соединенных Штатах, я увидел, что самые выдающиеся люди принимают меня как равного»¹. Среди них был, конечно, заслуженный отставной профессор Джемс Патнем. Фрейд ссылаясь на него как на человека, «который, несмотря на возраст, был пылким сторонником психоанализа и обратил все свое влияние, влияние человека, пользовавшегося всемирным уважением, на защиту общекультурной ценности анализа и чистоты его целей»². Через пять лет после чтения лекций в Кларкском университете Фрейд писал, что Патнем «рекомендовал его (психоанализ) своим соотечественникам и коллегам в курсе лекций, столь же богатых по содержанию, как и блистательных по форме». Далее он продолжал: «Почет, которым он пользовался в Америке благодаря своему высоконравственному характеру и неукротимой любви к истине, оказал большую услугу психоанализу и защитил его от критики, которая в противном случае могла бы погубить его на раннем этапе его существования». Фрейд заключает словами, что и в 1914 году Патнем «остаётся главным столпом в распространении психоанализа в своей родной стране»³.

Если Патнем был столпом психоанализа, то Джонс и Брилл выступали проводниками и пропагандистами теории психоанализа в стране. «За дальнейшее распространение этого движения, — говорит Фрейд, — Брилл и Джонс заслуживают наибольшего признания; они достигли этого путем самоотверженного труда и многократного привлечения внимания своих соотечественников к легко наблюдаемым фундаментальным фактам повседневной жизни, находящим отражение в сновидениях и неврозах»⁴. В области психиатрии Брилл и

¹ Sigmund Freud, An Autobiographical Study, p. 95.

² Там же, стр. 194.

³ Freud, The History of the Psychoanalytic Movement, in Collected Papers, vol. I, Hogarth Press, New-York, 1924, p. 315.

⁴ Там же.

Джонс поначалу пользовались существенной поддержкой Адольфа Майера и Мортон Принса, а позднее эту поддержку им оказывали С. Э. Джelifф и У. Э. Уайт, все уважаемые психиатры. Доктор Мортон Принс конкретно продемонстрировал свою поддержку, предоставив Фрейду и психоанализу страницы своего «Журнала патологической психологии» («Journal of Abnormal Psychology»). Джelifф был ведущей фигурой в американской психиатрии и главным редактором «Журнала нервных и психических заболеваний» («Journal of Nervous and Mental Disease») и его монографий. Уайт был главным психиатром больницы св. Елизаветы в Вашингтоне. Оба успешно отстаивали психоанализ в первое десятилетие его проникновения в Новый Свет.

Дж. Стенли Холл и Э. Б. Холт были ведущими академическими психологами экспериментальной школы, и поэтому их одобрение учения Фрейда было важным шагом в открытии Америки для психоанализа. Холт, профессор Гарварда, написал книгу под названием «Фрейдистские желания»; то была первая из сделанных в этой стране попыток сочетать бихевиоризм с фрейдизмом.

После посещения Фрейдом Вустера его слушатели, к которым ежегодно присоединялось все больше коллег, образовали передовую фалангу психоаналитического движения в Америке. Прежде всего они создали важные форпосты в неврологии, психиатрии и психологии, а в последующие годы широко проникли не только в эти дисциплины, но также в большую часть наук о человеке и во многие области культуры.

В 1910 году Джемс Патнем имел смелость представить хвалебный доклад под названием «Личный опыт применения психоаналитических методов Фрейда» на собрании недружелюбной в то время к фрейдизму Американской неврологической ассоциации — специально ради тех сторонников Фрейда, которые жили за пределами столичного округа. Патнем был первым президентом, а Джонс — секретарем этой ассоциации. Нью-Йоркские члены ее входили также в национальную организацию, собиравшуюся ежегодно в разных городах, до тех пор пока в 1932 году этот порядок не был изменен. К этому времени все главные города имели свои собственные психоаналитические общества, и национальная

ассоциация стала формальным символом единства, лишенным самостоятельных функций.

После 1915 года психоанализ стал быстро набирать силу, поскольку все большее число частнопрактикующих врачей находило выгодным использовать этот метод, а пациенты требовали его. В течение двадцати лет, между 1915 и 1935 годами, психоанализ органически вошел в различные медицинские учебные заведения по всей стране. Такие университеты, как Колумбийский и Чикагский, основали специальные психоаналитические институты, а психиатрические больницы, клиники и учреждения, существующие на пожертвованные фонды, в том числе Фонд судьи Бейкера в Бостоне и Фонд Меннингера в Толпике стали на сторону новой терапии. Фрейдовская терминология проникла в доклады о психических заболеваниях и литературу по психиатрии, а также вошла в обиходный язык. Америка быстро становилась экспериментальной базой практического психоанализа.

В отличие от того, как сложилась судьба психоанализа в Европе, где он практически был изгнан из университетов, больниц и клиник, в Соединенных Штатах он вскоре был официально признан. В Европе ведущие частнопрактикующие врачи были непрофессиональными аналитиками, поскольку медики в целом презирали и отвергали все, что воспринималось как ненаучное, как возрождение средневековых «демонологических» теорий психических заболеваний. Поэтому на континенте психоанализ распространился только на периферийные области культуры, тогда как в Соединенных Штатах он непосредственно проник в главные сферы, в результате чего он пропитал собой всю американскую жизнь и мысль. О степени его влияния и популярности говорит тот факт, что в 1925 году книжный магазин в Нью-Йорке имел в продаже около 200 популярных книг на эту тему. Приблизительно в то же время юмористический журнал Колумбийского университета «Джестер» («Jester») острит: «Раскрепостим наше либидо и победим наконец полураздетые на лиду».

В эти годы американские неврологи и психиатры толпами устремлялись в Вену для прохождения курса *дидактического*, или *тренировочного*, анализа у Фрейда и других членов Венского кружка. Паломничество при-

няли такие размеры, что были организованы специальные лекции и курсы для обучения американских пилигримов. Прошедшие эту подготовку возвращались в Штаты полные новых сил и идей и, разумеется, укрепляли позиции психоанализа в психиатрии. Уже в 1919 году их влияние было так велико, что стоило какому-нибудь видному американскому психиатру воскликнуть на собрании, что-де «пришло время освободить американскую психиатрию от господства папы из Вены», как это предложение тотчас же квалифицировалось с позиций психоанализа, как «сильно напоминающее универсальный и неискоренимый эдипов комплекс и развенчивание отца»¹.

С подъемом нацизма и аннексией Австрии началась массовая миграция аналитиков в другие страны, отчасти в Англию, куда уехал и сам Фрейд, но главным образом в Соединенные Штаты. После второй мировой войны Америка, и особенно Нью-Йорк, стали, бесспорно, центром психоанализа. Оба президента Международного психоаналитического общества в послевоенное время были американцы, все предыдущие официальные лица — европейцы. Теперь более половины членов Международного общества составляют американцы. В огромном влиянии психоанализа на психиатрию и медицину в Соединенных Штатах сегодня можно убедиться на основании того факта, что более 500 из 800 врачей-психиатров, являющихся членами Американской психоаналитической ассоциации, занимаются ныне преподаванием принципов и практики психоанализа в ведущих медицинских школах и высших учебных заведениях по всей стране. Кроме того, имеются тысячи социальных работников и особенно социальных психиатров наряду с бесчисленным множеством психологов или консультантов по психологии. Последних значится около двухсот в одном только телефонном справочнике Нью-Йорка. Это американский вариант европейских аналитиков-непрофессионалов. Можно упомянуть и о том, что современные централизованные начальные и средние школы, как государственные, так и частные, имеют психиатров-консультантов, которые большей ча-

¹ C. P. Oberndorf, *A History of Psychoanalysis in America*, Grune, New York, 1953, p. 136.

стью исповедуют психоанализ. Точно так же при колледжах насчитывается около 500 психиатров, которые, работая в штате или по совместительству, лечат студентов от «нервного напряжения, тревоги, депрессии и страхов»¹. Существует также бессчетное множество психиатров, психологов и особых социальных работников при магазинах, заводах, фабриках, крупных корпорациях и правительственных учреждениях по всей стране, большая часть из них испытывает в той или иной мере пристрастие к психоанализу.

О степени влияния психоанализа даже на весьма отдаленные области знания говорит тот факт, что в 1939 году в связи с восьмидесятилетней годовщиной со дня рождения Фрейда «Американский социологический журнал» («The American Journal of Sociology») посвятил весь ноябрьский выпуск статьям о влиянии психоанализа на вопросы социологии, статьям, написанным профессорами-социологами ведущих университетов страны. Это влияние психоанализа характерно не только для социологии, но и для ряда других областей. Слова, сказанные Бриллом в 1938 году, звучат еще более справедливо сегодня: «Я счастлив отметить... что психоанализ в этой стране завоевал твердые позиции не только в медицине, но и в психологии, социологии, педагогике и антропологии. Он пропитал собой не только науки о психике, но косвенно также и художественную литературу и культурные традиции последнего поколения и произвел их переоценку»². Лионель Триллинг, профессор Колумбийского университета и известный критик, писал в 1955 году: «Фрейдовские идеи прочно утвердились в нашей культуре — психиатрия опирается главным образом на них. Они оказали решающее влияние на наши теории образования и воспитания детей. Они имеют первостепенное значение для антропологии, социологии, литературной критики; даже теологи вынуждены принимать их во внимание. Мы можем сказать, что они стали неотъемлемой частью нашего современного интеллектуального аппарата». И он добавляет: «Едва ли найдется хоть одна пьеса на Брод-

¹ C. P. Oberndorf, A History of Psychoanalysis in America, p. 233.

² Brill, Basic Writings of Sigmund Freud, p. 3.

вее без вариации на тему какой-нибудь фрейдовской идеи, которую публика была бы в состоянии понять»¹.

Хотя после первых десяти лет психоанализ успешно преодолел организованную и оформленную оппозицию, тем не менее все еще раздавались отдельные голоса против всего фрейдистского как псевдонаучного, более родственного астрологии, чем психиатрии. Ведущие нейропсихиатры, такие, как д-р Фостер Кеннеди из Корнельского университета, д-р Чарлз У. Бёр из Пенсильванского университета и д-р Бернард Закс из Нью-Йоркского университета, редко упускали случай сделать выпад против теории и методов Фрейда. Но *явная* оппозиция была в действительности незначительной, многие же ученые и специалисты осмотрительно предпочитали молчание.

За пятьдесят с лишним лет с момента столь драматичного появления Фрейда в Вустере в 1909 году психоанализ глубоко проник в официальную жизнь Америки и в индивидуальное сознание американцев. Презираемый и гонимый на большей части земного шара, фрейдизм нашел себе пристанище в Соединенных Штатах.

Однако он не оставался неизменным на протяжении своей карьеры в Америке, а претерпел значительное внутреннее развитие от ортодоксального фрейдизма через ревизию и реформацию к экзистенциалистской и религиозной разновидностям.

¹ Lionel Trilling, *Freud and the Crisis of Our Culture*, Beacon Press, Boston, 1955, pp. 11—12.

Классический психоанализ: ортодоксальный и ревизованный

Разновидность психоанализа, которую Брилл привез в Америку, была ортодоксальным фрейдизмом. То была замкнутая, самостоятельная, органическая система идей с внутренне связанными и взаимозависимыми элементами. В целом она составляла архитектурную конструкцию, состоящую из теоретических кирпичиков, покоящихся друг на друге и одинаково важных в структурном отношении. Кирпичики, однако, были двоякого рода: они располагались так, что кирпичики одного рода всегда лежали под кирпичиками другого рода, образуя их опору. Так, существовало два ряда теорий, один из них касался элементов индивидуального бессознательного, другой — компонентов родового бессознательного. Они сочетались между собой таким образом, что каждый элемент индивидуального бессознательного покоился, как на фундаменте, на соответствующем компоненте родового бессознательного.

Считалось, что врожденные влечения и табу, рассматриваемые как характерные проявления индивидуального бессознательного современного человека, биологически унаследованы от первобытной орды времен смутно различного прошлого человеческой эволюции. Например, стремление к кровосмешению и табу, запрещающее кровосмешение, имеют якобы своим источником восстание сыновей против тирана-отца, во время которого отец был умерщвлен, а сыновья сделали матерей и сестер своим сексуальным объектом. Возникший хаос привел к тому, что братья заключили между собой до-

говор, объявлявший кровосмешение противозаконным. Таким образом оба исходных элемента эдипова комплекса теоретически связывались Фрейдом с мифом о первобытной орде, а их неуязвимая психическая сила выводилась им из этого далекого источника.

Так же обстояло дело в отношении любого врожденного элемента индивидуального бессознательного. Утверждалось, что все это — индивидуальное воплощение черт родового бессознательного. Родовое бессознательное является якобы хранилищем раннего опыта человека, выходящего из животного состояния. Судьба отдельного человека должна повторять историю этой эволюции. Родовое бессознательное, имманентно присущее каждому индивиду, включает predetermined фазы и проявления, в виде врожденных воспоминаний, обуславливающие путь развития, который должен пройти каждый ребенок, прежде чем стать взрослым.

Эволюционный, филогенетический процесс был процессом подавления влечений первобытной орды. Утверждалось, что цивилизация — это продукт такого сексуального подавления и сублимации либидонозной энергии в производительные и творческие каналы. Онтогенетический процесс развития происходит таким же образом. Младенцы и дети, по этой теории, — это маленькие, обладающие неподавленными инстинктами существа первобытной орды с доисторическими стремлениями к кровосмешению и преобладающими оральными и анальными сексуальными фазами. Считалось, что эмоции и поведение их имманентно подвластны первобытному человеку, неизменно живущему в каждом ребенке. Взросление достигается только за счет подавления того, что фактически слишком сильно, чтобы быть подавленным. Детские сексуальные стремления к кровосмешению и гомосексуализму должны подавляться ребенком в возрасте от одного до трех лет. Ребенок также должен подавлять predetermined первобытной фазой человеческой эволюции страх перед кастрацией от руки своего отца, а также ревность к отцу и желание ему смерти. Это труднопреодолимая, если не безнадежная задача для маленького одно-двух-трехлетнего ребенка, ибо ему нужно подавить не что иное, как родовую историю человечества, существующую ныне как его собственное маленькое бессознательное «оно».

То, как ребенок совершает такой подвиг, предопределяет, согласно данной теории, течение его взрослой жизни. Задача эта настолько нереальна, что неизбежным следствием ее является всеобщий невроз. Человек первобытной орды с подавленными влечениями постоянно стучится в ворота сознания и, пользуясь окольными и замаскированными путями, находит свое выражение в тревожных сновидениях и невротических симптомах.

Главная особенность ортодоксальной фрейдовской системы мысли заключалась в однозначном соответствии между элементами индивидуального бессознательного и компонентами родового бессознательного. Последние обуславливали интенсивность и неизбежность первых. Ярким выражением этой особенности являлась теория, согласно которой каждый человек в своем развитии повторяет историю рода. Вместе взятые, оба уровня теории образуют логически последовательное, прекрасно синхронизированное взаимное соответствие индивидуальной и родовой психики.

Система эта предполагает надежную защиту. Всякое сопротивление ее признанию неизменно рассматривалось как сопротивление первобытному человеку, живущему в бессознательной сфере критика. Таково было впечатляющее, неопровержимое теоретическое завершение системы. Ее симметричность и убедительность служат едва ли не образцом красоты.

Ортодоксальная фрейдовская система мысли была совершенно лишена внутренних противоречий. Это — свидетельство творческой последовательности ее автора. Однако внутренняя логика, сила и симметричность теории достигались ценой игнорирования многих уже приобретенных человеком знаний. Они были куплены ценой противоречия с такими науками, как биология, физиология, медицина, антропология, социология, история и экспериментальная психология. Наиболее очевидным и ярким проявлением нарушения законов науки была доктрина родового бессознательного с ее мифом о первобытной орде. Под ударами единодушных нападок ученых, особенно антропологов, американские теоретики психоанализа были вынуждены поспешно отступить. Они отбросили ту часть фрейдовского учения, которая касалась источников индивидуальных бессознательных влечений, воспоминаний, фаз и табу.

Начавшаяся капитуляция привела к возникновению противоречий внутри самой системы. С одной стороны, все еще утверждалось, что врожденные влечения, воспоминания, фазы и табу — главные признаки «оно», с другой же — отвергались их источники. Чтобы преодолеть противоречие с наукой, в жертву было принесено родовое бессознательное, то есть сдана первая линия обороны. Но, отступая, теоретики-аналитики на ходу перегруппировали свои силы позади второй линии обороны. Необходимо было любой ценой защитить врожденные, бессознательные психические структуры, ибо без них не было бы фрейдизма. Говорили, что эдипов комплекс, детские сексуальные фазы и тому подобное принадлежат одному только «оно», хотя и в виде врожденных свойств. Это внутреннее противоречие в теории психоанализа — основная черта ревизованного фрейдизма, приведшая психоанализ в конечном счете к более прогрессивной фазе реформации. Реформаторы Карен Хорни, Гарри Стэк Салливан и молодой Эрих Фромм достигли успеха, снова превратив психоанализ в нечто самостоятельное как теория, но принесли при этом в жертву то, что ортодоксальные аналитики и аналитики-ревизионисты считали основой фрейдизма: врожденные воспоминания, структуры и предопределения.

Переход от ортодоксальной к ревизованной форме психоанализа был осуществлен ценой внешнего противоречия с наукой и завершился ослаблением структуры, которая теперь состояла из одного только типа теоретических кирпичиков. Процесс удаления компонентов родового бессознательного вызвал напряжение и нарушение в системе и привел к образованию трещин, которые в конце концов стали угрожать зданию обвалом. К концу жизни Фрейд, радуясь популярности своей системы в Соединенных Штатах, горько сетовал на то, что ее серьезно «выхолостили».

Факторы, вызвавшие ревизию психоанализа

Как ни трудно выявить и оценить многочисленные факторы, действовавшие на протяжении более полувека и приведшие к ревизии психоанализа, их можно рас-

пределить по четырем рубрикам: 1) практический опыт аналитиков; 2) академическая экспериментальная психология; 3) экспериментальное исследование психоаналитических постулатов и 4) сравнительная антропология.

1. *Практический опыт аналитиков.* Если в Вене Фрейд лечил преимущественно привилегированный класс, главным образом аристократию, и делал свои выводы на основании этого опыта, то в США аналитики с самого начала имели дело прежде всего с кругом деловых людей, практиков, с представителями среднего класса и специалистов-профессионалов и даже с верхушкой рабочего класса и служащих. Умозрительный, в высшей степени эзотерический, отвлеченный и пессимистический характер фрейдизма резко контрастировал с практичностью, оптимизмом и здравым смыслом многочисленных клиентов. Для удовлетворения пациентов нередко требовалось нечто большее, чем нескончаемый анализ детских воспоминаний и сцен раннего детства. Практическая необходимость вынуждала делать множество уступок.

Поиск бессознательных импульсов с помощью такой техники, как толкование сновидений и свободные ассоциации, должен был при случае уступить место прямому и разумному *сознательному* общению. Конкретные проблемы, связанные с работой, гражданскими обязанностями, браком, детьми, давлением конкуренции, часто заставляли сосредоточивать внимание скорее на текущей жизни, чем исключительно на отдаленном опыте, воспоминаниях, ассоциациях и сновидениях раннего детства. Настойчивые требования наискорейшего восстановления полной работоспособности в большей мере, чем терпение, необходимое для успешного раскрытия символических связей с фрейдовским совершенством, создавали предпосылку для «выхолащивания» классических принципов психоанализа. Фрейд настаивал на пяти сеансах в неделю, но в США это число сокращалось иногда до четырех, трех, двух или даже одного раза в неделю. Подобная практика сыграла немаловажную роль в готовности аналитиков идти на теоретические уступки.

2. *Академическая экспериментальная психология.* Первая половина XX столетия характеризовалась широким развитием экспериментальной психологии в университетских лабораториях по всей стране. В проводивших-

ся экспериментах основное внимание уделялось сенсомоторной деятельности и процессу научения. Согласно фрейдовской системе и терминологии, объектом экспериментальной психологии были «вторичные процессы „я“». Сам Фрейд в значительной степени пренебрегал сенсомоторными функциями и функциями научения и занимался исключительно теориями зависимости таких функций от первичных процессов «оно», то есть врожденными влечениями и подавленными импульсами, а также воспоминаниями, возникающими на их основе. Все возмущавшее число экспериментально полученных фактов и теорий, рождавшихся в академических отделениях психологии и оказывавших большое практическое влияние на такие разнородные области деятельности, как образование и реклама, не могли долго игнорироваться психоанализом. В итоге возникла тенденция делать гораздо большее ударение на вторичные функции, или функции «я», чем это делал сам Фрейд. Подчеркивание чувственного опыта и научения неизбежно сопровождалось ослаблением безраздельного прежде внимания к врожденным формам деятельности. Таким образом, в стене была пробита брешь и психоанализ созрел для нескончаемой ревизии и реформации по линии вынесения на первый план вторичных процессов «я», включая такие нефрейдовские функции, как рациональное мышление и познание внешнего мира.

Сенсомоторная деятельность и процесс научения, мышление и познание предполагали усиление интереса к окружению и его влиянию на психику и человеческую природу — подход, совершенно чуждый психоанализу. Это само по себе в значительной мере способствовало рождению реформаторского движения «культурной» ориентации, отказавшегося от фрейдовских теорий инстинктов. Признание важности чувственного опыта, научения, разума и познания привело также в конечном счете к сосредоточению внимания на текущих жизненных проблемах в противовес безраздельному интересу к генетическим факторам, или факторам детства, столь характерному для классического психоанализа. Поэтому академическая экспериментальная психология оказала чрезвычайно важное влияние на фрейдизм, приведшее к его ревизии и реформации, а в конечном счете к отказу от него некоторых аналитиков.

3. *Экспериментальное исследование постулатов психоанализа.* Академическая экспериментальная психология сыграла еще и другую роль в подрыве основ психоанализа. Она перенесла основные фрейдовские постулаты в лабораторию для научного их исследования. Это не была организованная проверка, ее проводили отдельные психологи и лаборатории по всей стране. Результаты таких независимых исследований в 1942 году были собраны и опубликованы в виде книги профессором детской психологии университета штата Айова Робертом Сирсом¹. Отдельные вошедшие в сборник исследования, публиковавшиеся на протяжении тридцати лет, сыграли, конечно, свою роль еще до 1942 года. Однако опубликование сборника было важным событием для психологии и оказало глубокое, если не сказать неопределимое, влияние на судьбу классического психоанализа, так как оно вело к ревизии, реформации психоанализа и отказу от этого учения.

Подводя итог, профессор Сирс приходит к выводу, что «по критериям точных наук психоанализ не является *настоящей наукой*». Эксперименты показывают, говорит он, что «немногие исследователи чувствуют себя вправе принимать фрейдовские положения за чистую монету». «Причина того,— продолжает он,— что делает психоанализ плохой наукой, в его методе. Психоанализ использует методы, исключающие повторение наблюдений, не обладающие самоочевидностью или безусловной значимостью и допускающие в неопределенных пределах субъективные предположения наблюдателя. Такого рода трудности не могут быть серьезным препятствием в терапии, но когда подобный метод применяется для объяснения психологических фактов, которые должны иметь объективную значимость, он оказывается попросту несостоятельным»². Это — серьезное обвинение в адрес психоанализа и его претензии называться наукой. Оно тем более неоспоримо, что сделанный вывод является результатом тщательного описания и анализа сотен экспериментальных исследований исходных фрейдовских концепций.

¹ Robert Sears, Survey of Objective Studies of Psychoanalytic Concepts, Social Science Research Council, New York, 1942.

² Там же, стр. 133.

По конкретным вопросам «Обзор» Сирса оказался не менее сокрушительным. Относительно фрейдовской теории врожденных детских влечений — орально-каннибалистской, анально-садистской, или агрессивной, и генитальной фаз, а также их последовательных соотношений, фиксаций и регрессий — профессор Сирс на основании экспериментов сделал вывод, что «в любом случае генитальное и догенитальное поведение встречается достаточно часто, чтобы поддержать, но не критически почти всякую гипотезу, основанную на безусловном родстве между ними». И дальше он прямо заявляет: «Природа развития секса в такой степени зависит от различного рода поощрений и наказаний, воспитания и ограничений, что *никакие* обобщения типа фрейдовских нельзя считать правильными». Воспитание и образование, а не врожденные влечения, тенденции и фазы являются, согласно экспериментам, рассмотренным Сирсом, решающим моментом.

Фрейд пренебрегал логикой, а также общепринятой процедурой научного исследования, постулируя универсальные истины, исходя из субъективного анализа нескольких случаев. «Тенденция Фрейда опираться на несуществующие культурные универсалии, — пишет Сирс, — привела его к постулированию универсальных установок и комплексов, которые могут наблюдаться лишь у части населения»¹. Относительно фрейдовской теории детской сексуальности следовал вывод, что не существует экспериментальных данных, подтверждающих эти обобщения, хотя имеется масса данных, говорящих о факте детской половой активности. Однако эта активность определяется прежде всего окружением, а не биологически predetermined последовательными фазами, тогда как последние безусловно образуют ядро фрейдовской теории детской сексуальности. Отсюда ясно, что само по себе существование каких-то явлений еще ни в коей мере не говорит в пользу их определенного толкования.

Что касается центральной проблемы эдипова комплекса, то, согласно «Обзору», многочисленные наблюдения показали, что «если взять население в целом, то те-

¹ Robert Sears, Survey of Objective Studies of Psychoanalytic Concepts, pp. 22, 32, 37.

ория, по которой привязанность ребенка распространяется на родителя противоположного пола, тогда как родитель того же пола вызывает реакцию сильной ревности, не подтверждается». Сирс указывал, что «эти данные опять-таки противоречат всякой универсальной схеме и еще раз подтверждают мысль, которая временами возникает при проведении подобных исследований, а именно: структуры малых групп, в которых растут люди, слишком различаются в частностях, чтобы можно было делать выводы типа фрейдовских относительно роли отдельных членов семьи». На основании экспериментов и систематических исследований он заключает: «Выбор объекта есть в сущности результат обучения, предмет же обучения зависит от окружения, в котором это обучение происходит». Таким образом, основная идея Фрейда относительно врожденного, а следовательно, всеобщего характера эдипова влечения не подтверждается экспериментальной психологией. Напротив, все факты говорят о роли окружения, а не о биологической наследственности как определяющем факторе внутрисемейных отношений. Подводя итог фрейдовской концепции всеобщего эдипова комплекса, профессор Сирс характеризует ее как «резко выраженный гротеск»¹.

Анализ профессора Сирса серьезным образом поставил под вопрос теорию инстинктов Фрейда, этот краеугольный камень психоанализа, с ее двумя основными концепциями — детских сексуальных фаз и эдипова комплекса. Может ли продолжать существование надстройка, возведенная Фрейдом на базисе «опровергнутой» теории инстинктов? И в частности, могут ли иметь силу фрейдовские теории подавления, фиксации, регрессии, толкования сновидений и невроза независимо от инстинктов, являющихся якобы их источником? «Обзор» Сирса обобщает опыты, имевшие целью проверить эти специфические концепции, однако характер их настолько спекулятивен и субъективен, что никакое объективное исследование, по-видимому, не может быть эффективным, да и вообще вряд ли возможно. В заключение профессор Сирс говорит, что, «пока не будет разработана новая концептуальная организация фактов, объясняющая эти

¹ Robert Sears, Survey of Objective Studies of Psychoanalytic Concepts, pp. 42—43, 136.

процессы, их исследование с помощью неаналитических методов будет, вероятно, продвигаться медленными темпами» и «дальнейший анализ психоаналитических концепций с помощью непсихоаналитических методов может быть сравнительно бесплодным, пока эти концепции будут оставаться в теоретических рамках психоанализа». Его положительная рекомендация, вытекающая из им же данного определения психоанализа как «плохой науки», сводится к тому, что объективная экспериментальная психология должна создать свою собственную науку о личности, вместо того чтобы за неимением ее предоставлять простор психоанализу. Так, он заявляет: «О большой эффективности непсихоаналитических методов при исследовании поведения говорилось уже достаточно. Поэтому желательно, чтобы последующие исследования с помощью таких методов проводились с расчетом способствовать развитию науки о личности, строящейся на иных принципах в сравнении с психоанализом и обладающей своей собственной систематической структурой, испытывающей влияние трех факторов, которые в широком смысле можно определить как *рост, обучение и социальная среда*»¹.

Проведенный Сирсом обзор 30-летних объективных исследований психоаналитических концепций послужил мощным толчком для пересмотра фрейдовского подхода к человеческой природе.

4. *Сравнительная антропология.* Если экспериментальная психология, опираясь на широкое изучение процесса обучения и лабораторное исследование психоаналитических концепций, прямо противопоставила фрейдовской теории инстинктов внушительный ряд упрямых фактов, то сравнительная антропология атаковала с фланга и почти нанесла решительный удар.

С самого начала фрейдизм был тесно связан с антропологией. Фрейд сам искал биологическую основу своей системы в искусственных антропологических теориях британской так называемой эволюционной антропологии, особенно в теориях Робертсона Смита. Здесь он нашел логическое обоснование для следующих шести фундаментальных концепций, одинаково существенных

¹ Robert Sears, Survey of Objective Studies of Psychoanalytic Concepts, pp. 141, 143, 140.

с точки зрения строго аналитического подхода к человеческой природе:

1) *Миф о первобытной орде*, исходя из которого Фрейд создал свои теории «оно» и «сверх-я», а отсюда и общества¹.

2) *Учение о филогенетических воспоминаниях*, согласно которому отдаленный первобытный опыт — отцеубийство, кровосмешение, боязнь кастрации, раскаяние, вина и табу в отношении кровосмешения и отцеубийства — превращается в биологически наследственные воспоминания, присущие каждому современному ребенку и взрослому.

3) *Концепция биологически врожденных детских сексуальных фаз*, которые должен пройти каждый ребенок от рождения до 5—6-летнего возраста. Утверждается, что эти фазы соответствуют эрогенным зонам и проявляются во врожденных влечениях, причем рот связан с орально-каннибалистскими влечениями, анус — с анально-садистскими агрессивными влечениями, а гениталии — с половыми влечениями. Считается, что то, как переходит ребенок от одной из этих фаз к другой, его задержка на той или иной фазе или возврат к какой-либо из предыдущих фаз в значительной мере определяет будущий характер взрослого человека, его личность, склонность к преступности или нормальность, а также состояние относительного здоровья или нездоровья.

4) *Биологически предопределенный эдипов комплекс*, вследствие которого ребенок двух-четырех или пяти лет находит сексуальный объект своих детских сексуальных влечений в родителе противоположного пола. То, как ребенок разрешает эдипов комплекс, определяет в значительной мере его будущую жизнь. Филогенетические воспоминания о страхе перед кастрацией, вызванные угрозой со стороны отца, и зависть к пенису играют, согласно психоанализу, решающую роль в том, как мужчины и женщины разрешают этот комплекс.

5) *Первобытный язык, состоящий из архаических символов в форме образов*, считается биологически наследственной чертой человеческой природы, наследием, сохранившимся от первобытной орды и доисторического

¹ Для детального изучения этого мифа см.: Г. Уэллс, Павлов и Фрейд, ИЛ, М., 1959, кн. II, гл. V.

человека. Это тот родовой язык символов, который позволяет аналитику, антропологу или фольклористу толковать и интерпретировать сны и другие предполагаемые явления бессознательного.

6) Постулируется *биологически унаследованное родовое бессознательное*, хранящее все филогенетические воспоминания, детские сексуальные фазы, эдиповы влечения и табу, направленные против них, а также первобытный символический язык. Говорят, что это бессознательное передается от поколения к поколению, а следовательно, принадлежит скорее расе, чем индивиду. Последний — лишь передатчик, осуществляющий связь с будущими поколениями. Именно это родовое бессознательное с его неодолимыми влечениями, импульсами, воспоминаниями и табу и довлеет над сознанием и природой человека.

Ввиду антропологического характера этих шести исходных доктрин антропология неизбежно должна была рано или поздно вступить в борьбу с указанными основными понятиями психоанализа. Борьба началась в двадцатые годы и продолжается по сей день. Однако к настоящему времени образовался общий фронт антропологов, выступающих против основных шести догматов. Независимо от того, принимаются или отвергаются остальные аспекты психоанализа, все антропологи, за исключением таких кабинетных ученых-фрейдистов, как Геза Рохейм, полностью отрицают биологически наследственный, а потому универсальный характер всех шести принципов. Они могут сохранить ту или иную из этих характеристик, если считать при этом, что она следствие не биологического, а *культурного* влияния. Многочисленные полевые исследования американо-индейских племен, общин с островов Океании, австралийских бушменов и других этнических групп показали, что так называемые биологические универсалии Фрейда не являются ни биологически обусловленными, ни универсалиями, а, если только они вообще существуют, суть переменные, зависящие от социальной организации и культурного развития.

Среди антропологов, выступивших с опровержением биологически наследственной универсальности шести доктрин Фрейда и отвергших их, мы встречаем такие известные имена, как Франц Боас, Бронислав Малинов-

ский, У. Риверс, Рут Бенедикт, Маргарет Мид, Абрам Кардинер, Кора Дюбуа, Ральф Линтон, Джемс Уэст и Клайд Клакхон. Необходимо подчеркнуть, что антропологи выступали против врожденного биологического фактора, против инстинкта. Ряд авторов, как уже указывалось, продолжает признавать некоторые психоаналитические концепции, рассматривая их не в системе биологических, а в системе культурных связей.

Отрицание антропологами биологической основы психоанализа в форме шести исходных принципов нанесло решающий удар по теории инстинктов Фрейда. Таким образом, антропологи сыграли важную роль в ускорении ревизии ортодоксального фрейдизма.

Выхолащивание фрейдизма вследствие практической деятельности аналитиков в США, влияние академической экспериментальной психологии, противоречивые результаты, полученные в итоге психологической проверки фрейдовских концепций, отрицание антропологами биологической антропологии психоаналитиков — все это, вместе взятое, вынудило ортодоксальных последователей Фрейда пойти на уступки.

Можно сказать, что действительная история периода с 1909 года по настоящее время, включая две мировые войны, социалистические революции и мировой кризис 1929 года, явилась определяющим фактором в эволюции психоанализа, в его отходе от психологии инстинктов и обращении к концепции, более связанной с цепью *объективных* событий, потрясших мир. Совершенно очевидно, что психология и психотерапия, учитывающие влияние окружающей среды и культуры, стояли ближе к реальной жизни, чем учение о детских сексуальных фазах, эдиповом комплексе и родовых воспоминаниях. В то же время социология и история, столкнувшись с грандиозными событиями первой половины века и получив таким образом мощный толчок для своего развития, достигли быстрых успехов и в ряде случаев пришли в резкое противоречие с поставленными на голову исходными принципами фрейдизма. Особое влияние на фрейдизм оказало дальнейшее развитие марксистской мысли, обусловленное успехами социалистической революции и социалистического строительства. Это нашло свое отражение в открытой тенденции к внутренней модификации и перестройке самого психоанализа и — что значитель-

но важнее — сказалось на тех, кто стремился к полному отказу от фрейдизма. Таково наряду с психологическими и антропологическими факторами влияние конкретного исторического развития, а также развития общественных наук. Эти последние факторы, хотя они могут быть в целом куда более действенными, чем все остальные, в то же самое время малоощутимы в каждом отдельном случае.

Ревизия психоанализа

К числу ведущих теоретиков ревизованного психоанализа относятся Франц Александер с его Чикагской школой, Карл А. Меннингер из Меннингерской клиники в городе Топпика (штат Канзас) и Абрам Кардинер из Колумбийского университета. Для решения стоящей перед нами задачи нет необходимости заниматься исследованием названных или каких-либо других из неслетного числа бытующих школ ревизованного психоанализа. Значительно больше дает ознакомление с двумя течениями, возникшими за границей, однако глубоко проникшими в жизнь Соединенных Штатов и завоевавшими там всеобщее признание. Одно из них возникло в Англии в результате ревизии фрейдовской теории дочерью Фрейда Анной Фрейд, другое связано с именем Хайнца Гартмана из Германии. Обе ревизии касаются так называемых «вторичных» функций, или функций «я». Обе приведут позднее к *реформации* психоанализа.

Сам Фрейд делал основное ударение на «оно» с его врожденными влечениями и психическими структурами и игнорировал «я». Однако с 1936 года в психоаналитической литературе начали уделять большее внимание «я» и последнее стало предметом всестороннего и глубокого изучения. Это привело к ревизии ортодоксального фрейдизма, в результате которой значительно большая роль стала отводиться «я», но при этом по-прежнему сохраняла силу основанная на инстинкте теория секса и агрессивности. Работа над теорией «я» шла в двух направлениях. Одно разрабатывало фрейдовскую идею о *защитных механизмах* как функции «я». Это направление возглавляла Анна Фрейд. Другое занималось *вто-*

ричными функциями «я»: рациональным мышлением и действиями, восприятием, вниманием, познанием, памятью и т. п. Глава этого направления — Хайнц Гартман а также Э. Криз, Р. Левенштейн и Д. Рапапорт.

Вплоть до последних лет своей жизни Фрейд утверждал, что единственной защитой против болезненных, нежелательных и неприемлемых сексуальных и агрессивных влечений и импульсов является их подавление, то есть вытеснение их из сознания или поведения, или же предотвращение их возвращения в сознание. Однако в последние годы он пришел к выводу, что «я» располагает многими механизмами самозащиты от угрозы со стороны «оно» и что подавление выступает лишь как один из них. Фрейд не развил эту концепцию и не определил различные механизмы. Таким образом, с точки зрения ортодоксального психоанализа терапия оставалась средством обнаружения и освобождения подавленных инстинктивных влечений. Однако в 1936 году, за три года до смерти Фрейда, его дочь Анна опубликовала маленькую книжку под названием «„Я“ и защитные механизмы»¹. В этой книге она рассматривает «я» скорее как структуру, развивающуюся в ходе жизни, чем как результат биологической наследственности. Таким образом, «я» ребенка, по ее утверждению, формируется в ранние годы, и в течение этого периода «я» сталкивается с опасностями, идущими изнутри и извне, от инстинктивных влечений и из внешнего мира, и вырабатывает свои собственные особые механизмы защиты от них. Среди этих механизмов наряду с классическим механизмом подавления существуют: *формирование реакции*, то есть преувеличение противоположной тенденции; *изоляция* от ассоциативных связей, когда угроза опасности доходит до сознания; *уничтожение*, когда последующий акт ликвидирует предыдущий, так что ни один из актов не считается состоявшимся; *отрицание реальности*, то есть отрицание существования внешних событий, несущих угрозу; *компромисс*, при котором болезненный импульс получает возможность найти себе частичное выражение; и *смещение*, позволяющее более тяжкий страх заменить страхом менее тяжким.

¹ Anna Freud, The Ego and the Mechanisms of Defense, Hogarth Press, 1937.

Разработанное Анной Фрейд и ее последователями в Америке учение о защитных механизмах «я» получило широкое признание большинства аналитиков. Признание повлекло за собой дополнение к фрейдовской терапии обнаружения и освобождения подавленных влечений. Собственные защитные механизмы отдельного больного также должны опознаваться и анализироваться. Так в дополнение к импульсам «оно» Анна Фрейд включила в психоаналитическую схему защитные механизмы «я». Таким образом всякое данное поведение может быть частью механизма «я» или проявлением инстинктивного «оно». Далее, если классическое подавление рассматривалось как защита исключительно от болезненных инстинктивных проявлений секса и агрессии, то механизмы «я» рассматриваются двояко: направленные как вовнутрь, против инстинктов, так и вовне, против окружающего мира. Именно эта двойственная природа подавления и обусловила необходимость реформации ортодоксального психоанализа. Сама Анна Фрейд считала угрозу со стороны инстинкта главной, оставаясь тем самым на позициях ревизованного классического психоанализа.

Это был лишь следующий, хотя и большой шаг в направлении отказа от теории инстинктивных сексуально-агрессивных влечений и сосредоточения внимания на защитных механизмах «я», формирующихся в детские годы или в ходе жизни, чтобы ограждать „я“ от ударов, исходящих из объективной окружающей среды. Такой «культурный» подход составляет суть реформистского движения, возглавляемого Хорни и Салливенем. Таким образом, идея, выдвинутая Фрейдом и разработанная его дочерью, положила начало еще одному важному этапу в массовой тенденции отхода от ортодоксального фрейдизма.

Разработанные Анной Фрейд защитные механизмы «я» давно уже стали обычной составной частью классической теории фрейдизма и терапевтической практики. Фактически обсуждение защитных механизмов «я», по-видимому, перенесло обсуждение проблем «оно» на страницы журналов по методике психоанализа. Однако теоретической основой ревизионистов любой школы по-прежнему остается скорее инстинкт, чем окружающая среда или культурные факторы.

Другим шагом к преодолению теоретических трудностей и их конечному разрешению было усиление акцента на «вторичных» процессах «я». Невнимание к «я» у Фрейда в значительной мере сочеталось с пренебрежением к тому, что составляет классический предмет психологии: к мышлению, памяти, восприятию, сенсомоторной деятельности и поведению в целом. К несчастью для ортодоксального психоанализа, это пренебрежение к психологии проявилось в тот момент, когда эта наука делала значительные успехи. Поэтому в силу необходимости некоторые результаты академической экспериментальной психологии рано или поздно должны были войти в фрейдовскую систему, и в свое время «вторичные процессы „я“» действительно оказались основным объектом исследования. Хайнц Гартман провел первые исследования в этой области, опубликовав их в статье в 1939 году, в год смерти Фрейда. Статья называлась «Психология «я» и проблема адаптации»¹.

В этой работе, как и в других, Гартман стремился восполнить фрейдовскую односторонность и относительное игнорирование вторичных процессов «я». Фрейд рассматривал такие функции, как чувственное восприятие, моторную деятельность и мысль как в основном подчиненные инстинктивным сексуальным и агрессивным влечениям. Они связаны с внешним окружением, которое рассматривалось прежде всего как среда, способствующая или препятствующая удовлетворению инстинкта, а вовсе не как средство *адаптации*. Таким образом, Фрейд отводил психологическим функциям роль, подчиненную «принципу удовольствия» «оно». Он говорил о «принципе реальности», отражении внешнего мира в сознании через посредство ощущений и мысли, но рассматривал его только в связи с сексуальными и агрессивными действиями и влечениями.

С другой стороны, Гартман настаивал на первостепенной важности *адаптивной* функции чувственного опыта, мышления и поведения. Таким образом, взаимоотношения с окружающей средой сами по себе приобретают важное значение. Например, он говорит, что малень-

¹ Heinz Hartmann, Ego Psychology and the Problem of Adaptation, английский перевод в книге: D. Rapoport, Organization and Pathology of Thought, Columbia Univ. Press, New York, 1951.

кий ребенок получает большое удовольствие от того, что двигает ручками и ножками, наблюдает предметы, делает открытия в непосредственно окружающем его объективном мире, ползает и ходит, заучивает слова и язык вообще, запоминает, подражает и т. д., а также манипулирует своими гениталиями или утаивает позывы кишечника от заботливой матери. Такие «удовольствия» не являются «обусловленными инстинктами», а скорее непосредственно связаны с адаптацией к окружающей среде, которую Гартман считает основной функцией организма. В этой связи он пишет: «Возможности удовольствия, какими располагают аппараты (чувственный опыт, мысль, деятельность и т. д.) бесконфликтной сферы «я» играют, по-видимому, очень важную роль в адаптации к внешнему миру»¹. Ребенок узнает о мире как о деятельности, относительно независимой от его детских сексуальных фаз и эдипова комплекса. Однако Гартман не отрицает фрейдовского либидо и инстинкта смерти. Он скорее дополняет классическую систему психоанализа «вторичными функциями „я“». Фактически он считает, что если у маленького ребенка психические адаптивные функции чувственного опыта и мышления, по существу, не зависят от инстинктивных сексуальных и агрессивных влечений, то, когда ребенок достигает зрелости, они становятся связанными с инстинктом, если не подчиняются ему. Таким образом, сохраняя инстинктивную ориентацию Фрейда, Гартман остается ревизионистом.

Ревизованный психоанализ — это психоанализ без родового бессознательного. Это половина оригинальной фрейдовской теории — врожденные психические влечения и воспоминания, оторванные от их источника в первобытном человеке. словно черенок, прививает он защитные функции и вторичные процессы «я» к теории инстинктов Фрейда. Тем не менее и ревизованный психоанализ продолжает быть фрейдизмом и остается господствующим вариантом классической теории в США.

¹ Heinz Hartmann, *Ego Psychology and the Problem of Adaptation*, в книге: D. Rapoport, *Organization and Pathology of Thought*, p. 383.

Влияние классического психоанализа

Чтобы проследить *развитие* психоанализа, важно иметь в виду различие, существующее между ортодоксальным и ревизованным вариантами этого учения. Однако для *оценки* влияния психоанализа это различие между ними никакого значения не имеет, так как оба варианта представляют собой разновидности классического фрейдизма. Так, например, эдипов комплекс остается все той же теоретической конструкцией независимо от того, связан он с мифом о первобытной орде, от которой он якобы берет свое начало, или нет.

В Соединенных Штатах ревизованный психоанализ — это классический фрейдизм. О степени его влияния говорит тот факт, что с общепринятой точки зрения, которой придерживается огромное большинство американцев, термины «психология», «психотерапия» и «психиатрия» стали почти синонимами психоанализа. В понимании масс, во всяком случае, *не существует* иной психологии, иной психотерапии, иной психиатрии. Точно так же слово «секс» прочно связано с именем Фрейда и понятием «психоанализ», а всякая привязанность матери к сыну, отца к дочери, и наоборот, неизменно расценивается как эдипово начало.

Фрейдизм, как и прагматизм, вездесущ; он составная часть идеологической атмосферы, которой неизбежно дышит каждый американец. Он пропитывает национальную атмосферу прямо и косвенно. Самым непосредственным его источником является сам психоаналитик. Американская психоаналитическая ассоциация держит под строгим контролем всех фрейдистов-психоаналити-

ков. Только члены ассоциации имеют право называться психоаналитиками, и только выпускники различных институтов, официально признанных ассоциацией, принимаются в ее члены. Таких институтов семнадцать. Они разбросаны по всей территории Соединенных Штатов, от Бостона, Нью-Йорка, Филадельфии и Вашингтона до Чикаго, Токии, Лос-Анжелеса и Сиэтла. Общегодовой прием теперь в среднем составляет 900 студентов при выпуске порядка ста человек в год.

Американская психоаналитическая ассоциация

Чтобы поступить в институт, абитуриент должен окончить медицинскую школу класса «А», отработать по крайней мере один год в больнице, входящей в список рекомендованных, и не менее года проработать психиатром. Ассоциация не принимает аналитиков-непрофессионалов, не имеющих медицинского диплома. Кроме того, поступающий должен быть опрошен и рекомендован комиссией, состоящей из членов ассоциации. Одно из решающих требований заключается в том, что сам студент должен быть подходящим субъектом для анализа, то есть он должен быть потенциальным пациентом, страдающим каким-нибудь видом невроза, или быть «невротиком»¹. Это не смущает фрейдистов, так как, с их точки зрения, обладать характером — значит быть «невротиком», а поскольку каждый человек обладает каким-то характером, то каждый является «невротиком». Характер сам по себе, независимо от наличия или отсутствия специфических симптомов, есть симптоматический невротический комплекс и тем самым уже подлежит анализу.

Всякий принятый в психоаналитический институт должен исполнять две роли — *студента* и *больного*. В качестве *студента* он в соответствии с трехлетней

¹ Bertram D. Lewin and Helen Poss, Psychoanalytic Education, International University Press, New York, 1960, pp. 47—52.

программой посещает лекции и семинары по теории и практике фрейдизма. Как *больной* он подвергается лечению по методу психоанализа на четырех-пяти сеансах в неделю в течение по крайней мере 300 часов. Психоаналитическая ассоциация признает, что эти две роли противоречат друг другу, ибо, с одной стороны, вступающий в ассоциацию считается достаточно «здоровым» и «нормальным», чтобы быть студентом, а с другой — достаточно «больным» и «ненормальным», чтобы выступать в роли пациента. В итоге институты возвели синкретизм в принцип: использование противоречивых и непримиримых предпосылок является теоретической и практической необходимостью. Разумным объяснением в этом случае может быть фрейдовский тезис: «Каждый человек немного невротик независимо от того, наблюдаются у него симптомы в их классическом проявлении или нет»¹. Теоретическим же основанием служит фрейдовское утверждение, что психоанализу нельзя обучить, его нельзя доказать, а можно лишь *испытать* на практике. Хотя курсы и семинары играют полезную роль, в центре психоаналитической подготовки стоит действительный анализ, которому подвергается студент, выступающий в роли пациента, с целью его «излечения».

Учебный анализ проводится членом ассоциации с соблюдением *всей* специфики, присущей обычному анализу, в том числе и уплатой гонорара. Студент-больной выступает при этом исключительно в роли пациента. Если в начале эксперимента он здоров и не нуждается в лечении, то спустя короткое время он уже чувствует себя по-настоящему больным. «Прослеживая» свое бессознательное развитие от детских сексуальных фаз до фаллической стадии и от детского эдипова комплекса до скрытого и, наконец, зрелого эдипова комплекса и его разрешения со всеми свойственными ему превратностями, которые, несмотря ни на что, ведут к predetermined действиям и predetermined психическим состояниям, он как субъект на собственном опыте познает фрейдовские механизмы: сопротивление, озарение, перенесение, проецирование и т. п. Студента, выступающего в роли больного, от двух до семи и более

¹ Там же, стр. 50.

лет испытывают, проверяют и обращают в веру огнем. Вот так прививается фрейдизм.

Этот процесс дополняется лекциями и семинарами по анализу сновидений, толкованию символов, по фрейд-довской теории возникновения симптомов и развития характера. Студент должен освоить динамику бессознательного, разработанную Фрейдом и его последователями. Он должен также пройти курс применения психоаналитической теории к искусству, драматургии, литературе, криминалистике, педагогике, антропологии, социологии и другим областям человеческой деятельности и знания. Это обучение вширь и вглубь, и оно может продолжаться пять-семь-десять и более лет. Не удивительно поэтому, что средний возраст лиц, завершающих свое психоаналитическое образование, сорок четыре года. Стоимость обучения психоанализу составляет от 20 до 30 тысяч долларов; студент-пациент выплачивает эту сумму целиком за счет доходов, которые приносит ему его врачебная и психотерапевтическая практика, а также ссуд, которые путем частных переговоров ему время от времени удается выхлопотать. Институты из принципа не выплачивают стипендий. Плата — неотъемлемая часть терапевтической практики и процесса обучения.

Число членов Американской психоаналитической ассоциации непрерывно возрастало с 33 в 1925 году до 273 в 1946 году и достигло 1000 человек в 1961 году. В настоящее время ежегодный прирост составляет 100 человек. Число членов ассоциации оставалось сравнительно небольшим в силу целого ряда обстоятельств: необходимости иметь медицинский диплом; продолжительности, трудности и дороговизны обучения, а также, возможно, тенденции к сохранению разрыва между спросом на аналитиков и предложением. В 1950 году гонорар составлял от 10 до 50 и 100 долларов в час, причем наиболее частой была ставка 20—30 долларов. Годовой доход специалистов — членов ассоциации может колебаться от 20 000 долларов до 100 000 долларов и больше.

Хотя количество членов Американской психоаналитической ассоциации невелико в сравнении с населением всей страны и составляет 1 : 241 000, тем не менее влияние их возрастает в геометрической прогрессии по

отношению к их числу. Причина этого кроется в «качестве» пациентов. В 1948 году 21% пациентов составляли предприниматели — мужчины и женщины, большинство остальных были люди разных профессий, представители интеллектуальных и культурных кругов общества. Треть подвергавшихся анализу пациентов имела доход от 30 000 долларов и выше, четверть — от 20 до 30 000, а пять шестых получали более 10 000 долларов в год¹. 6% пациентов, подвергавшихся анализу, были юристами и специалистами в области общественных наук, 4% — специалистами в области естественных наук, 38% пациентов были медицинскими работниками, 25—30% составляли деятели культуры: художники, писатели, актеры, критики, драматурги, танцоры и прочие. Последняя группа, несомненно, является наиболее благоприятной почвой для широкого влияния психоанализа. Списков пациентов, по-видимому, не существует, но поскольку стоимость анализа так высока (приблизительно 5000 долларов в год), то отсюда естественно сделать вывод, что большинство пациентов относилось к числу наиболее обеспеченных артистов, писателей и драматургов. Это отчасти подтверждается опубликованным заявлением одного авторитетного автора, в котором говорится, что «среди драматургов, написавших театральную историю Америки первой половины века, есть ряд таких, которые, как известно, лично подверглись психоанализу. К ним относятся Юджин О'Нил, Мосс Харт, Клэр Бут Льюс, Лилиан Хеллман, Артур Лоуренс, Уильям Индж и Джордж Аксельрод»². Действительный перечень, должно быть, гораздо больше, и то же самое можно, по-видимому, сказать о других сферах культуры.

Как бы то ни было, тысяча аналитиков через своих пациентов, относящихся преимущественно к числу наиболее преуспевающих, авторитетных и влиятельных — с точки зрения формирования общественного мнения — бизнесменов, специалистов, представителей интеллигенции и культурных кругов общества, оказывает глубокое воздействие на американское сознание.

¹ Lawrence S. Kubie, *Practical Aspects of Psychoanalysis*, International University Press, New York, 1950.

² W. David Sievers, *Freud of Broadway*, Hermitage House, New York, 1955, p. 452.

Хотя официальных данных на этот счет не существует, тем не менее, если исходить из количества аналитиков, практиковавших ежегодно начиная с 1925 года, можно определить, что за минувшие 35 лет психоанализу подверглось от четверти до полумиллиона человек. Это относится только к членам фрейдистской Американской психоаналитической ассоциации ортодоксально-ревизованного направления, из года в год проводившим анализ в течение полных четырех-пяти дней в неделю. Миллионы других американцев самых разнообразных профессий прошли через психотерапевтическое лечение более или менее фрейдовской психоаналитической ориентации. Такая психотерапия составляет второй канал прямого фрейдовского влияния на американское сознание.

Психотерапия

Если члены Психоаналитической ассоциации, пользуясь «элитой», оказывают непосредственное влияние на меньшинство, формирующее общественное мнение и взгляды, то психотерапевты служат проводниками идей, идущими к широким массам — в учреждения, школы и даже на заводы страны. Психотерапия — общий, расплывчатый термин, означающий как лечение легких душевных недугов, так и улучшение приспособляемости человека к окружающим условиям жизни с помощью индивидуальных бесед. Она может проводиться врачом-медиком, психоаналитиком, получившим полную психоаналитическую подготовку, аналитиком-непрофессионалом, психологом-клиницистом или просто психологом, социальным психиатром, консультантом, дающим практические советы или определяющим склонности и призвание человека. Сегодня это область, в которой по всей стране царит неразбериха, в которой нет единых норм или общепринятых методов; ныне почти каждый, кто имеет такое желание, может повесить над своими дверями «вывеску» и лечить «клиентов», а то и больных. Теперь в некоторых штатах делается попытка внести в этот хаос какой-то порядок путем выдачи практикующим врачам специального разрешения на лечение больных.

Целый ряд профессиональных организаций пытается установить общегосударственные и действующие в пределах отдельных штатов стандарты, а также выработать юридические нормы. Они настаивают на том, чтобы термин «психотерапия» употреблялся только применительно к лечению, которое проводит лицо, имеющее профессиональную подготовку, то есть психолог-клинист, психиатр или социальный психиатр. Однако пока заметных успехов в этом направлении не наблюдается. Названный термин на практике обозначает все — от лечения верой в применяемое средство до психодрамы¹. Между тем в своем подавляющем большинстве психотерапевты придерживаются фрейдовских психоаналитических принципов и методов в их «чистой» или выхоленной, вульгаризированной или упрощенной форме.

Хотя в некоторых случаях сеансы психотерапии могут проводиться четыре-пять раз в неделю, особенно если практикуют аналитики-непрофессионалы, и предполагают глубокий анализ, сходный с детальными исследованиями бессознательных побуждений, осуществляемых членами Психоаналитической ассоциации, однако на практике чаще всего такие сеансы проводятся от одного до трех раз в неделю. Такую практику иногда называют «психоанализом для бедных», так как в этом случае стоимость лечения намного меньше. Вместо 100 и более долларов в неделю и 5000 и более долларов в год средняя стоимость психоанализа чаще всего приближается к 20, 30 или 40 долларам в неделю и соответственно 1000, 1500 или 2000 долларов в год. Терапевтическое лечение может продолжаться по нескольку недель, месяцев, но чаще всего по нескольку лет. Хотя не существует статистических данных о количестве людей, подвергавшихся в какое-то время психотерапевтическому лечению, однако один осведомленный автор считает, что среди представителей среднего класса, специалистов, представителей интеллигенции и деяте-

¹ Психодрама — это метод, применяемый психоаналитиками при лечении душевных заболеваний. Он состоит в том, что участники экспромтом разыгрывают заданную ситуацию, выдавая таким образом свои естественные психологические реакции, за которыми следит психоаналитик. — *Прим. перев.*

лей культуры крупных городов психотерапевтическому лечению подвергся приблизительно каждый пятый человек. Для многих тысяч людей такое лечение связано с очень серьезными денежными затратами — от четверти до одной трети и даже половины недельного, месячного и годового дохода. Метод групповой терапии и амбулаторное лечение несколько облегчают это бремя для какого-то числа людей, однако списки лиц, ожидающих своей очереди, производят удручающее впечатление.

Большинство может добиваться помощи по собственной инициативе, но при этом роль первичных инстанций, отсылающих людей к психиатрам и психоаналитикам, играют врачи-терапевты, отделы кадров учреждений и предприятий, а также отделы консультантов, занимающихся определением призвания учащихся при школах и колледжах. Не обнаружив патологических причин симптомов и жалоб, врачи-терапевты направляют больных на «психиатрическое лечение», под которым чаще всего подразумевается психотерапия. Отделы кадров отсылают «трудных» рабочих и служащих к психотерапевтам, а отделы консультантов при школах направляют детей, «трудных» с точки зрения успеваемости или поведения, за «психиатрической помощью» или, пользуясь эвфемизмом, за «советом». Обычно и в том и в другом случае имеется в виду психотерапия. Такого рода практика широко распространена в школах, она вызывается скорее академической неуспеваемостью, чем плохим поведением. Дети оказываются жертвами несоответствия между их «мнимыми» потенциальными способностями, на которые указывают широко распространенные тесты на определение умственной одаренности, и действительными успехами, достигаемыми ими в классе. Если между тем и другим наблюдается систематический разрыв, то предполагается, что причиной тому служат явления «эмоционального» порядка и выход следует искать, обращаясь к консультанту «за советом». Консультанты, дающие такие «советы», интересуются прежде всего родителями, так как, по гипотезе Фрейда, именно семейные отношения, особенно отношения с родителем противоположного пола, а также ревность сына к отцу, являются конечной причиной «эмоциональных трудностей».

Благодаря отделам консультантов в школах, отделам кадров в учреждениях и магазинах, а также социальным работникам класс трудящихся, особенно служащих, приходит в непосредственное соприкосновение с психоанализом Фрейда. Все три инстанции могут отсылать к психотерапевтам. Работники из числа «беспокойных», инициаторов недовольства и жалоб или заводил в учреждениях и цехах, не входящих в профсоюзы, могут в том случае, если их сразу же не увольняют, направляться за «получением совета», который должен помочь им приспособиться к «действительности». Бунт против «хозяина» или администрации в любой форме в конечном счете обуславливается с точки зрения классического фрейдизма неудачей бунта против отца в семейном кругу. Однако чаще всего служащие больших городов сами находят дорогу к психоанализу.

Наиболее непосредственное влияние психоанализа на рабочих мелких производств и на промышленный рабочий класс, несомненно, осуществляется через социальных работников, прикрепленных к цехам или приглашаемых приватно по линии религиозных или национальных организаций, а также по общественной линии от муниципальных благотворительных организаций. Такого рода деятельность возникла как попытка изменить несправедливые условия, приводящие к человеческим страданиям. Со временем, однако, психоанализ, развивавшийся параллельно, проник и в эту сферу, и социальные работники начали широко использовать теорию и практику психоанализа, словно это был их собственный метод. Это оказалось на их профессиональной деятельности и особенно на разборе дел об оказании материальной помощи. Теперь, как правило, социальный работник, занимающийся вопросами быта и материальной помощи, имеет дело преимущественно с клиентами-пациентами в стенах учреждения, а сам выступает при этом в роли психотерапевта, которого больше интересуют эмоциональные проблемы и трудности приспособления, нежели причины и следствия объективных бедствий. «Внимание, которое уделялось социальными работниками изменению и уничтожению социальных условий, приводящих к страданиям,— говорит один авторитетный специалист,— отступило на задний план, и теперь они пытаются облегчать страдания клиентов, да-

вая им возможность проанализировать и понять свои эмоциональные проблемы». И далее он говорит о «применении психоаналитической теории во многих областях социальной деятельности». Критик, хорошо знакомый с таким положением вещей, может заметить с упреком, что социальная деятельность «все больше становится социальной психоаналитической службой, причем «социальная» ее часть все больше сокращается и остается только психоаналитическая»¹. Если учесть, что в Соединенных Штатах около 25 тысяч социальных работников, из которых 10% специалисты-психиатры (психоаналитики), то отсюда следует, что одна только эта часть населения оказывает сильное непосредственное, в значительной степени фрейдистское влияние на американских трудящихся.

Экономическое и общественное разделение труда между членами Американской психоаналитической ассоциации и различными категориями психотерапевтов-психоаналитиков ведет к распространению влияния фрейдизма непосредственно на все классы и все слои населения страны. Таким образом миллионы американцев всех профессий в той или иной степени лично столкнулись с фрейдовской теорией и практикой психоанализа. Это само по себе уже является мощным идеологическим влиянием.

Другим источником непосредственного влияния служит поток книг и статей по фрейдизму — первоисточников, работ, написанных на основе первоисточников, и книг популяризаторского жанра. Все это делает фрейдизм вездесущим. А если сюда добавить еще косвенное влияние литературы, театра, разных видов искусства и средств массового воздействия, то психоанализ становится таким же неизбежным условием жизни, как воздух, которым мы дышим.

Психоанализ появился в конце XIX века, чтобы заполнить собой временную брешь, образовавшуюся в таких науках, как психиатрия, физиология и патофизиология мозга. Пробел, образовавшийся в этих дисциплинах, возник в результате столкновения новых знаний и незнания. Новые знания характеризовались колоссаль-

¹ George W. Albee, *Mental Health Manpower Trends*, Basic Books, New York, 1959, p. 158.

ными успехами, достигнутыми в понимании анатомии головного мозга и *органической* причины психических заболеваний, то есть нарушений, причиненных физической травмой или болезнью. Однако новые знания всегда приводят к обнаружению нового пробела в какой-то конкретной области. Этот новый пробел ставит проблемы, которые должны быть решены в ходе дальнейшего научного прогресса. Таким образом, новые знания в области анатомии головного мозга, обусловившие большой скачок в развитии органической психиатрии, в то же время со всей остротой поставили вопрос о *физиологии* головного мозга и *функциональных* психических заболеваниях.

Когда наконец были открыты причины органических психических заболеваний или, точнее, когда стало известно, что их вполне можно открыть, одновременно обнаружилось, что причины функциональных психических заболеваний еще неизвестны. Таким образом, на пути медицинских и физиологических исследований возникла еще одна существенная преграда.

Однако всякое новое научное знание не только ставит новые проблемы, основанные на осознании того, чего мы еще не знаем, но и указывает общее направление, в котором следует искать ответ. Благодаря успехам в органической психиатрии и смежных с ней науках был сделан вывод, что функциональные психические заболевания являются, по всей видимости, следствием нарушений в функционировании мозга, в частности его высших отделов. Общий принцип, выведенный из открытий в области анатомии головного мозга и органической психиатрии, сводился к тому, что психические заболевания, как органические, так и функциональные, являются болезнями мозга. Отсюда вывод, касающийся решения новой проблемы: причины функциональных психических заболеваний следует искать в патофизиологии высших отделов головного мозга, то есть отделов, связанных с человеческим мышлением, чувствами и поведением.

Предполагалось, что физиология этих высших отделов головного мозга должна заниматься изучением функционирования головного мозга, лежащего в основе нормальной деятельности здоровой человеческой психики. В задачу патофизиологии входило раскрытие тех

нарушений в деятельности головного мозга, которые являются источником функциональных психических расстройств. Тогда функциональная психиатрия занималась бы эффективными методами лечения определенных психических расстройств, раскрытых патофизиологией головного мозга. Предусматривалось также, что психология может наконец стать наукой, изучающей нормальную деятельность здоровой человеческой психики, опираясь на достижения физиологии головного мозга.

Таковы были грандиозные стратегические замыслы в отношении наук о человеке в конце XIX столетия. Это был смелый и все-таки вполне реальный план развития науки, который, как предполагалось, должен был в конечном счете привести к осуществлению самой заветной мечты человечества — к познанию самого себя, своей психики, этой последней из величайших тайн Вселенной. Это был смелый план, ибо он открывал неограниченный простор для человеческого прогресса не только в области медицины, но и в области воспитания, в том числе и воспитания маленьких детей. И в то же время он был осуществимым и вполне реальным, ибо основывался на подлинных достижениях анатомии головного мозга и органической психиатрии. Выводы, сделанные из открытий в этих областях, казались неоспоримыми и вполне способными пролить свет на обнаруженные проблемы в знаниях, а также соответствующими новым наукам — физиологии высших отделов мозга, психологии, патофизиологии и функциональной психиатрии. Будущее казалось многообещающим. Темные силы, представленные мистическими теориями божественного творения человеческой души, а также средневековыми демонологическими теориями психических заболеваний, были на пороге гибели. Казалось, они вот-вот будут сметены под напором неудержимого движения человеческих знаний.

Но затем пришла развязка и вновь началось наступление тьмы во всех названных областях. Все то, что казалось столь многообещающим, не нашло своего материального воплощения. Не был найден метод исследования деятельности мозга и его нарушений, а поэтому физиология и патофизиология мозга оказались в тупике. Временное отсутствие такого метода в этих нау-

ках привело к застою в психологии и функциональной психиатрии. Так образовался вакуум, который начал заполняться всякого рода теориями и домыслами. Среди них оказался и психоанализ Фрейда. В острой и бурной борьбе за господство фрейдизм в результате резкого изменения в соотношении сил одержал победу, особенно в Соединенных Штатах.

Альтернатива классического психоанализа

Благодаря практике в венских психиатрических клиниках и амбулаторному лечению больных Фрейд уже в середине девяностых годов прошлого века с тяжелым чувством констатировал существование «белых пятен» в психиатрии. Тогда еще не были известны ни природа, ни методы лечения функциональных психических заболеваний. Под давлением практической необходимости Фрейд поставил перед собой задачу открыть механизм неврозов и методы их лечения. Ни одна из известных ему наук не могла оказать ему существенной помощи, и он это вполне понимал. И все-таки он не сдавался и после десяти лет работы «в одиночку» в самых общих чертах сформулировал принципы, которые впоследствии развил в теорию психоанализа, сложившуюся на основе его опыта лечения больных, собственного интроспективного самоанализа, а также наблюдений и мыслей его коллег — антропологов, философов и психологов.

Исходя из широко известного факта забывания, Фрейд разработал теоретическую систему, в которой забывание само становится средством *подавления*. Согласно этой теории, всякое забывание происходит в силу какой-то мотивированной причины и прямо или косвенно связано с явлениями детской сексуальности или инстинктом смерти. Все «забытое» якобы подвергается цензуре и подавляется как несовместимое с сознательной памятью. Предполагается, что подавленное воспоминание оседает в некоем теоретическом вместилище, называемом бессознательным, или подсознательным. Это «вместилище» служит якобы также местом сосредоточения сексуальных влечений и инстинктов

смерти, постулированных Фрейдом. Эти влечения передают свою энергию всему, что находится в бессознательном, так что подавленные воспоминания заряжены психической энергией сексуальных инстинктов и инстинкта смерти. Воспоминания, заряженные такой энергией, существуют якобы лишь для того, чтобы пролагать себе путь в сознание и таким образом тревожить и мучить человека. Чтобы помешать их проникновению в сознание, психика, по мнению Фрейда, создала прочное укрепление в виде заслона цензуры.

Составными элементами цензуры являются врожденные табу в отношении кровосмешения и других извращенных сексуальных влечений, а также социальные запреты, усвоенные индивидом главным образом в детстве. Динамика психической деятельности понимается как междоусобная внутриспсихическая борьба между бессознательными подавленными влечениями и воспоминаниями, с одной стороны, и распространяющимися на них табу — с другой. Фрейд полагал, что действительная мотивация всякой человеческой деятельности детерминирована этой динамичной борьбой, в ходе которой бессознательные силы выступают в основном в замаскированном виде, чтобы перехитрить и обойти цензорский заслон. Замаскированные формы, в которых подсознательные мотивы предстают в сновидениях, бессконтрольных ассоциациях и действиях, в шутках, обмолвках, неврозах и т. д., вместе взятые, образуют, по выражению Фрейда, «символический язык бессознательного». Поэтому главная задача психоаналитика заключается в том, чтобы знать этот язык, уметь его интерпретировать и направлять больного на самостоятельное раскрытие подлинной бессознательной мотивации, в основе которой лежат подавленные влечения и особенно воспоминания о событиях и травмах периода младенчества и детства. Основное искусство психоанализа связано с расшифровкой таких символов.

И действительно, Фрейд сначала разработал учение о символическом языке сновидений, а затем использовал его при создании своих теорий. Вся фрейдовская система в полном смысле слова основана на концепции универсального символического языка бессознательного. Именно этот «язык» сначала позволил Фрейду получить данные, которые он позднее теоретически система-

тизировал, сведя все к теории бессознательных влечений и способов их выражения, то есть способов их проникновения в сознание через заслон цензуры.

Учение Фрейда об универсальном символическом языке бессознательного молчаливо исходит из двух предпосылок, связанных с воспоминаниями. Фрейд предполагал, что психика индивида при рождении наделена рядом родовых воспоминаний, относящихся к раннему периоду доплеменных и племенных отношений человечества. Эти врожденные воспоминания являются отражением в психике биологических инстинктов. Они представляют собой чрезвычайно насыщенные энергией воспоминания об орально-каннибалистской и анально-садистской сексуальных фазах, якобы пройденных человеком первобытной орды. Воспоминания эти касаются также поиска кровосмесительного сексуального объекта, что, как полагает Фрейд, было характерно для фаз, пройденных человеком на его первобытной стадии развития. Такие воспоминания составляют, по Фрейду, основу бессознательного «оно» современного человека. Другой ряд родовых воспоминаний включает первобытные племенные табу более позднего времени в отношении такого рода влечений, что диктовалось интересами общественной целесообразности. Эти врожденные воспоминания-запреты являются, как полагает Фрейд, главными элементами сознания современного человека, или «сверх-я». Таким образом, современный человек при рождении наделен воспоминаниями, обладающими такими сильными зарядами энергии, что они превращаются в активные влечения или действенные табу, причем оба ряда воспоминаний прямо противостоят друг другу. И те и другие воспоминания очень сильны и не могут быть игнорированы. Таким образом, Фрейд, словно в первом акте хорошо построенной пьесы, закладывает родовую наследственную основу, чтобы затем раскрывать с ее помощью жизненную драму отдельных людей.

Драма психической жизни индивида начинается с рождения и проходит фазы развития человеческого рода. Превратности жизни отдельного индивида определяют не ход, а лишь те своеобразные формы, в которых проявляется фазовое развитие, predetermined бессознательными воспоминаниями. Кульминационный

момент этого процесса наступает в возрасте от одного года — полутора лет до трех, когда первобытные воспоминания толкают младенца на кровосмесительные отношения с родителем противоположного пола. Именно в этом возрасте маленькие мальчики оказываются во власти половой любви к матери, настаивают на том, чтобы спать с ней, и ненавидят отца как соперника. Врожденные воспоминания-табу пока еще не пробудились. Но вот внутренняя драма становится предельно напряженной и завершается острым кризисом. Маленький мальчик двух-трех лет, которому помешали вступить в кровосмесительную связь с матерью, предается мастурбации, а отец или тот, кто его заменяет, как предопределено родовой историей, угрожает мальчику кастрацией. Эта драма предопределена врожденными воспоминаниями. Точно так же предопределены его первые впечатления, которые в конечном счете убеждают маленького мальчика в реальности того, чего он ожидал от встречи (тоже предопределенной) с обнаженными маленькими девочками, а именно в реальности угрожающего ему наказания. Маленькие девочки кастрированы. А чтобы эта реальность была осознана до конца, маленькому мальчику предопределено увидеть отца и мать в акте совокупления, что подтверждает ему абсолютную реальность кастрации. Его мать кастрирована. В результате такого предопределенного зрелища пробуждается «сверх-я» мальчика в форме воспоминаний-табу и начинается его жизненная драма, в ходе которой выступают друг против друга силы требующие и силы воспевающие.

Именно эти предопределенные детские переживания были подавлены и стали частью бессознательного «оно» и «сверх-я» каждого индивида. Проследить ассоциации и воспоминания, связанные с ними, и составляет конечную задачу всякого настоящего психоанализа.

Итак, имеется два ряда воспоминаний: один — непосредственно унаследованный, а другой — в соответствии с предопределением должен быть пережит и подавлен в течение первых нескольких лет жизни индивида. Оба ряда воспоминаний якобы наносят ущерб нашей психической жизни и проявляются в замаскированной символической форме в сновидениях, непреднамеренном поведении, в чертах характера и в невротиче-

ческих симптомах. Лишь знакомство с универсальным языком бессознательного может помочь перевести эти сигналы из «подсознания» и тем самым раскрыть наши подлинные побуждения и неодолимую силу психических импульсов. Техника психоанализа включает в себя приемы, помогающие отбирать образы, в которые облакаются противоречивые бессознательные импульсы, после чего они истолковываются с помощью искусства чтения и интерпретации символов.

Фрейдизм заполнил образовавшийся в психиатрии вакуум, который в свою очередь объясняется недостатком знаний в области физиологии и патофизиологии высшей нервной деятельности, но для заполнения этого вакуума фрейдизм предложил чисто умозрительное решение проблемы человеческой психики.

Фрейд, как он сам неоднократно заявлял, мог свободно постулировать любую концепцию, пока наука не опровергла ее или не признала негодной. Пробел в физиологии и патофизиологии высшей нервной деятельности позволял ему без всяких ограничений постулировать чуть ли не любую гипотезу, которую он считал необходимой. Отсутствие знаний об *инстинктах* и природе *забывания* и было фактически тем существенным конкретным пробелом, на котором Фрейд построил свою систему. Что касается инстинктов, то он предположил, что, помимо всего прочего, они являются родовыми воспоминаниями, воссоздающими в самых общих чертах предысторию человеческого рода. Что касается забывания, то Фрейд предположил, что всякое забывание обуславливается необходимостью подавлять детские воспоминания рода и индивида и что лишь вследствие такого подавления-забывания может быть сохранена цивилизация. Цивилизация понимается как продукт подавления первобытных и детских воспоминаний, обладающих большим зарядом энергии и стремящихся избежать подавления. Таким образом, цивилизация покоится на пороховой бочке сильного бунта, бунта бессознательных воспоминаний против их насильственного обуздания. В результате возникает невротический характер, синоним бунта бессознательных импульсов, и он оказывается той ценой, которую человек платит за цивилизацию. Предельно высокую цену платят те индивиды, для которых невротический характер является

чрезмерным грузом, вследствие чего у них развивается более или менее тяжелый невроз или психоз.

Теория трансформации инстинктов во врожденные родовые воспоминания, а забывания — в бессознательно мотивированное подавление является центральным звеном фрейдизма. Обе эти концепции порождены временным пробелом в человеческих знаниях: первая — следствие незнания природы инстинктов, вторая — результат непонимания феномена забывания. Обе они были исторически обусловлены временной ограниченностью науки о физиологии мозга. Эта ограниченность уже преодолевается, и временный пробел, на котором зиждется фрейдизм, быстро уступает место знанию.

О природе инстинктов

В течение последних пятидесяти лет физиология головного мозга постепенно, но неуклонно делала большие успехи, превратившись наконец в особую науку, науку о высшей нервной деятельности. Опираясь на открытия и принципы И. П. Павлова, эта наука достигла теперь такого уровня, который позволяет делать определенные выводы относительно природы инстинктов и явления забывания¹.

Что касается инстинктов, то было установлено, что само это слово настолько отягощено спекулятивным, мистическим содержанием, что как научный термин лишено всякого смысла. Ему предпочитают термин «безусловный рефлекс». Под «безусловным рефлексом» подразумеваются врожденные реакции на раздражители общего типа, то есть такие, которые связаны с питанием, продолжением рода, защитой, ориентировкой и т. п. Эти врожденные рефлексy существуют уже при рождении — в скрытой или любой другой форме — и, как показали десятилетия экспериментальной работы, являются чрезвычайно неспецифическими и обобщенными. Как только они активизируются под действием внешних безусловных раздражителей окружающей среды, между ними и приобретенными «условными рефлекс-

¹ Подробно о науке о высшей нервной деятельности в сопоставлении с фрейдизмом см.: Г. Уэллс, Павлов и Фрейд, ИЛ, М., 1959.

сами» устанавливается неразрывная взаимосвязь. Жизненный опыт превращает обобщенные неэффективные и неспецифические врожденные рефлексy в конкретные, эффективные и специфические реакции на соответствующие раздражения окружающего мира. Таким образом, детеныш млекопитающих, будь то животное или человек, готовый сразу после рождения сосать все, что угодно, вскоре «научается» сосать только грудной сосок.

Наука о высшей нервной деятельности вовсе не отрицает роли врожденных рефлексов, или инстинктов; напротив, она указывает, что они необходимы как важное условие всякого «научения», то есть усвоения приобретенных, или условных, рефлексов. «Усваиваются» лишь те раздражители, которые в конечном счете «удовлетворяют» «инстинкт», или безусловный рефлекс; иными словами, эти раздражители становятся условными раздражителями, способными вызывать безусловную реакцию, как это наблюдается, например, в случае с сосательным рефлексом, возникающим в ответ на прикосновение соска. Молоко, стекающее в рот, закрепляет связь между раздражителем и врожденным рефлексом. С каждым подкреплением эта связь становится все прочнее. И наоборот, всякий сенсорный раздражитель, прямо или косвенно не вызывающий такого подкрепления, препятствует или затрудняет установление связи между раздражителем и безусловным рефлексом. В таком случае говорят, что действие раздражителя тормозится.

Врожденные, или безусловные, рефлексy могут быть простыми, как те, о которых мы говорили выше, или более сложными, как, например, рефлекс глотания или различные рефлексy размножения. В случае этих последних наблюдается цепь рефлексов, когда подкрепление одного рефлекса приводит в действие другой и т. д. Но в любом случае принцип остается одним и тем же. Безусловный рефлекс, будь он простым или чрезвычайно сложным, носит обобщенный, неспецифический характер и поэтому малоэффективен; он не обрамлен каймой благоприобретенного опыта в форме условных рефлексов.

Безусловные рефлексy, или, если хотите, инстинкты, представляют собой врожденные реакции на наиболее

постоянные свойства окружающей среды животных или человека, то есть свойства, сохраняющиеся более или менее постоянными на протяжении десятков и сотен тысяч лет. Взятые как одно целое, безусловные рефлексy выступают как те обобщенные и неспецифические реакции на постоянные свойства окружающей среды, которые являются минимальным средством для сохранения рода. С течением веков эти реакции стали врожденными. Они носят обобщенный и неспецифический характер в том смысле, что являются реакцией не на определенный объект, который может их «удовлетворить», и не предполагают конкретного способа, каким они могут быть «удовлетворены». В противном случае они не могли бы привести к выживанию в мире, главной особенностью которого является изменчивость, а неизменными на протяжении долгого времени остаются лишь немногие общие свойства. Таким образом, сосательный «инстинкт» связан не с каким-то конкретным соском, а лишь с некоторым объектом, будь то бутылка или грудь, из которого в рот может поступать жидкость и приводить в действие цепь глотательных рефлексов.

Зная, что человек от природы должен обладать какими-то врожденными механизмами, и не находя решения этого вопроса в соответствующих науках, Фрейд предположил, что человеческая психика изначально наделена родовыми воспоминаниями и первобытным опытом. Фрейд вполне сознавал, что он делает, и без обиняков заявил, что поскольку наука не может дать ему ответа на вопрос о природе инстинктов, их количестве и типах, то он свободен делать свой выбор и остановить его на той из имеющихся возможностей, которая отвечает его теоретической задаче. Он высказал предположение, что существуют две главные группы инстинктов, одна из которых связана с сексом, а другая — со смертью. Он считал, что группа сексуальных инстинктов состоит из родовых воспоминаний о первобытных формах сексуального опыта, причем каждое из этих воспоминаний связано с совершенно особым слизисто-мембранным органом тела: ртом, анусом и гениталиями. Фрейд считал, что все сопряженное с функционированием этих органов носит сексуальный характер, как, например, процесс еды, дефекации и мочеиспускания. На этой основе Фрейд построил сложную систему, в кото-

рой каждый орган представляет определенную фазу детского сексуального развития: орально-каннибалистскую, анально-садистскую и фаллическую. Он считал, что эти фазы отражают какие-то «моменты» в развитии и человеческого рода, и современного индивида. Род или индивид может либо остановиться на одной из этих фаз, либо регрессировать к ней.

Фрейдовская теория либидинозной группы инстинктов запутана, как лабиринт. Фрейд говорил не только о том, что существуют три фазы сексуальности, но и о предопределенных объектах — матери, отце, сестре, брате, представителе одного с субъектом пола, представителе противоположного субъекту пола и, наконец, самом субъекте. Отсюда то многообразие отношений, которое обусловлено взаимодействием предопределенных инстинктов и жизненных обстоятельств. Эти отношения могут быть каннибалистскими, садистскими или мазохистскими, гомосексуальными, гетеросексуальными, кровосмесительными или онанистическими (нарциссическими); они могут также выступать в любом сочетании этих различных возможностей или в какой-то видоизмененной их форме. Различные фазы и объекты сексуального инстинкта являются, по мнению Фрейда, неотъемлемыми атрибутами бессознательного у современного индивида, носящими характер врожденных родовых воспоминаний о первобытном человеческом опыте. Фрейд говорил, что все эти воспоминания обладают большим зарядом «психической энергии», присущей обычному сексуальному влечению. Они не могут быть игнорированы и требуют разрядки.

Другая группа родовых воспоминаний, как утверждал Фрейд, получает свою энергию от якобы всеобщего инстинкта смерти, то есть стремления к самоуничтожению и уничтожению других. Фрейд полагал, что в этом случае к специфическим родовым воспоминаниям относятся отцеубийство, матереубийство, братоубийство, убийство любого другого человека и самоубийство.

На основе всех этих инстинктов-воспоминаний, сверхнасыщенных психической энергией, возникали, с одной стороны, желания всех видов сексуального контакта всех трех органов со всеми типами объектов, а с другой — желания смерти родителям, братьям, друзьям и самому себе. Но Фрейд на этом не остано-

вился, словно картина и без того не была достаточно сложной, и рассмотрел еще одну область бессознательной психики — «сверх-я», — которая содержит в себе определенные табу и запреты на все сексуальные и связанные со смертью влечения, фазы, объекты и желания. Фрейдизм утверждает, что табу, подобно стремлениям и желаниям, в высшей степени насыщены психической энергией и в силу этого чрезвычайно настоятельно требуют признания и ищут активного проявления.

Так Фрейд заполнил вакуум, возникший в силу недостатка научных знаний о врожденных человеческих способностях. Это была эффектная теория, воспроизводившая картину фантастического сражения двух сил: бессознательных родовых влечений-воспоминаний и бессознательных родовых табу-воспоминаний, из которых ни те, ни другие не терпели никаких ограничений и были достаточно сильны, чтобы определить исход борьбы. Человеческая психика играла здесь роль поля сражения, на котором разворачивалась напряженная междоусобная борьба между одинаково сильными противниками. В схватке этих темных, первобытных, стихийных сил ни одна из сторон не могла одержать победы. Результатом этой борьбы могло быть лишь одно: «я» человека оказывалось заключенным где-то между извечно существующими боевыми позициями двух непобедимых противников — первобытных желаний и запретов человеческой предыстории.

Фрейдизм и природа забывания

Однако эта картина изображает лишь часть трудностей, выпадающих на долю человека, — ту, которая связана с врожденными родовыми воспоминаниями. Другая часть, согласно Фрейду, вытекает из бессознательной эволюции и мучительных для человека столкновений двух темных сил, борющихся в психике ребенка в возрасте от одного до трех лет. По Фрейду, воспоминания о событиях и желаниях этой детской драмы подавляются ребенком как совершенно недопустимые и разрушительные. Бессознательное побуждение толкает ребенка на подавление воспоминаний детской драмы в

целях самозащиты; в итоге драматическая борьба между этими неукротимыми силами продолжается уже на другом уровне. Считается, что воспоминания детства заряжены такой же психической энергией, как влечения и табу, и что поэтому они ведут постоянную борьбу за свое признание и освобождение. Могущественные бессознательные стражи, заключенные в «сверх-я» и «я», должны затрачивать соответствующее количество энергии, чтобы подавлять воспоминания детства, равно как и родовые воспоминания. Однако, потерпев поражение в лобовой атаке, эти воспоминания маскируются и, пользуясь моментами, когда бдительность сознания ослабевает — во сне, в бесконтрольных ассоциациях и поведении, — прокрадываются мимо цензоров-стражей, обнаруживаясь в сновидениях, свободных ассоциациях, явлении перенесения, обмолвках, описках, остротах, а также во всех формах проявления невротического характера.

Все человеческое поведение рассматривается как мотивированное сложной драмой, которая разыгрывается в психике индивида на двух взаимосвязанных между собой уровнях. Это никогда не прекращающееся сражение между врожденными бессознательными воспоминаниями о влечениях и табу и нескончаемая борьба между детскими воспоминаниями и их подавлением. Первое можно назвать войной противостоящих друг другу инстинктов, а последнюю — войной подавленных детских воспоминаний. Если одна «война» заполнила вакуум, образовавшийся в связи с недостатком научных знаний об инстинктах, то другая — вакуум, возникший вследствие непонимания природы приобретенных форм психической деятельности, особенно феномена забывания.

Подобно тому как Фрейд считал, что в психике современного человека уже при рождении заложены воспоминания о том, что могло иметь место на заре человеческой истории, он точно так же предположил, что в психике взрослого человека хранятся воспоминания о травмах и событиях периода младенчества и детства. Воспоминания о родовом и детском опыте не только сохраняются в психике, но и обладают прирожденной энергией как активные агенты. Иными словами, всякий «забытый» родовый или индивидуальный опыт человека

фактически вовсе не является забытым, а оказывается просто вытесненным из сознания в такой уголок психики, где сосредоточиваются подобные психические явления и который называется «бессознательное». В этом убежище, расположенном на более низком уровне, воспоминания, теперь более живые и активные, чем когда бы то ни было, непрестанно бунтуют против подавления, которому они подвергаются. Этот бунт и есть, по Фрейду, движущий мотив всех поступков и мыслей сознательного человека. Человек может *думать*, что он действует по сознательному побуждению, тогда как на деле его поступки и сознательные побуждения определяются состоянием двоякой войны, которая происходит в его бессознательном.

И здесь, как и в случае с инстинктами, Фрейд воспользовался временным пробелом в знаниях, на сей раз незнанием природы забывания и вообще природы приобретенных психических феноменов. При отсутствии действительных знаний о природе таких психических явлений, как мысли, желания, воспоминания, побуждения и т. п., может показаться вполне *разумным* объяснение их по аналогии с физическими явлениями. Применительно к физическим объектам совершенно закономерно говорить о месте, в котором они находятся и предполагать, что они находятся *здесь*, если их нет *там*. Применительно к живым организмам также совершенно закономерно говорить об их энергии и самодвижении. Что же касается человеческих существ, то в этом случае можно рассуждать о побуждениях и стремлениях, об интригах и притворстве, о тактике, стратегии и военной хитрости. Фрейд переносит все эти категории, вполне закономерные для той сферы, в которой они первоначально применялись, на явления психического порядка.

Он рассматривает психические явления как материальные объекты, полагая, что если их нет в *одном месте*, то они должны находиться в *другом*. Если они не осознаются, если они забываются, то Фрейд полагает, что они по какому-то бессознательному побуждению насильно вытесняются в специально отведенный для них «уголок» психики. Бессознательное есть пространственное убежище для «забытых» родовых или индивидуальных влечений, побуждений, намерений, же-

лений и воспоминаний. Вот куда они «падают», когда забываются, то есть «подавляются». Фрейд наделяет эти «материальные объекты», эти психические явления источником самодвижения, называемым «психической энергией», словно они живые организмы. И наконец он рассматривает эти заряженные энергией живые «организмы», эти психические явления, как «человеческие существа», поглощенные целеустремленной деятельностью, направленной на то, чтобы перехитрить другие психические явления.

Короче говоря, Фрейд, персонифицировал и антропоморфизировал воспоминания, а также возникающие на их основе намерения и желания. Это классический умозрительный метод замены незнания надуманными мифическими объяснениями. Древние народы объясняли звезды и их движение, изображая звезды в виде богов в человеческом облике со всеми присущими человеку атрибутами. Фрейд же объясняет психические явления, представляя их в виде загадочных богов, обладающих такими человеческими атрибутами, как целенаправленная деятельность, хитрость, коварство. Подобно всякой мифологии, мифы Фрейда дают неплохое фантастическое объяснение реального, но непознанного явления забывания. И опять-таки, как в мифологии, эти объяснения увлекательны, богаты выдумкой, будучи скорее сродни искусству, чем науке. Но они не помогают человеку понять мир или самого себя; напротив, они вводят его в заблуждение и преграждают ему путь к познанию. Развитие науки заключается не только в поступательном движении к новому знанию; оно одновременно состоит в том, что науке на каждом шагу приходится бороться с невежеством и мифическими толкованиями, вырастающими на почве невежества.

Наука о высшей нервной деятельности за полвека своего существования достигла уже таких успехов, что мифические рассуждения Фрейда о природе и динамике психической жизни стали совершенно несостоятельными. Наука о высшей нервной деятельности только еще заложила свои основы, но и того, что уже известно, достаточно, чтобы выбить почву из-под ног надуманных, недалеких объяснений Фрейда. Даже ограниченное число экспериментальных фактов и установленных законов при всей их неполноте позволяет говорить о науке.

которая тем самым получает возможность полностью отвергать умозрительные теории, заполняющие тот вакуум, который образовался вследствие временных пробелов в человеческих знаниях. Астрономия, например, еще до того, как получила статус науки, опровергла и вытеснила астральную мифологию и астрологию. Как только были открыты некоторые факты и установлены определенные законы, ученые и другие передовые люди признали полную несостоятельность астрологических мифов, навсегда дискредитированных этими открытиями и отвергнутых человеческим разумом как простое следствие человеческого незнания природы и закономерностей движения звезд. Правда, до сих пор астральная мифология отвечает на некоторые вопросы, на которые еще не может ответить астрономия. Означает ли это, что человек должен продолжать верить в астрологические объяснения, пока наука не сможет дать ответа на все конкретные вопросы? Напротив, ограниченные по объему астрономические знания разбивают *все* мифы о звездах и их движении, относя их к числу пережитков старых представлений, еще сохранившихся у тех людей, кто, находясь в плену собственного невежества, живет и действует в соответствии с сомнительными предсказаниями астрологических карт. Наука о высшей нервной деятельности, будучи еще не в состоянии ответить на многие весьма важные частные вопросы, тем не менее может, опираясь на твердо установленные факты и законы, сформулировать ряд общих положений, которые служат основой для отрицания всякого рода спекуляций типа фрейдовских; одновременно наука указывает направление, в котором можно будет в конце концов получить ответы на все частные вопросы. Наука развивается медленно, но, к счастью, для человека требуется не так много подлинных знаний, чтобы вооружить его в борьбе с невежеством и мифическими объяснениями, которые оно порождает. Эти последние крайне уязвимы и лишь производят впечатление чего-то основательного; они существуют до тех пор, пока не будет ликвидирован тот или другой пробел в знаниях.

Теперь уже достаточно много известно о природе психических явлений, чтобы навсегда покончить с представлениями о том, что идеи, эмоции, волевые акты, воспоминания и тому подобные явления можно рассма-

тривать по аналогии с физическими объектами и живыми организмами. Философы-материалисты уже с давних пор утверждают, что психическая жизнь не вещь, а *функция*, функция определенным образом организованной материи, функция человеческой нервной системы, и в первую очередь высших отделов мозга. Однако лишь за последние 50 лет науке удалось раскрыть природу деятельности головного мозга, которая и *составляет* психическую деятельность.

Психика *есть* деятельность мозга и ничего больше. Высшая нервная деятельность *есть* деятельность психическая. Единицей высшей нервной, или психической, деятельности, то есть ее «ячейкой», является условный рефлекс. Условный рефлекс в его простейшей элементарной форме является, грубо говоря, более или менее временной нервной связью между каким-то сенсорным раздражителем внешней окружающей среды и врожденным безусловным рефлексом животного или человека. В этом случае условный раздражитель в форме сенсорного сигнала вызывает на расстоянии такую же реакцию, какую мог бы вызвать безусловный раздражитель при непосредственном воздействии на органы чувств. На этой простой функциональной основе строится вся сложная картина деятельности животного и человека.

Поведение животных ограничивается взаимодействием между сенсорными сигналами и врожденными рефлексам, которое само по себе составляет невероятно сложный механизм, особенно если учесть те тонкие различия, которые существуют между случайными раздражителями в окружающей животное среде. «Научение» животного во всем несметном многообразии его форм представляет собой непрерывный, длящийся на протяжении всей его жизни процесс установления и прерывания связей, процесс возбуждения и торможения. Две стороны этого процесса объясняют все поведение животного от простейших до самых сложных актов — от слюноотделения до поисков пищи, самца или самки, бегства от врага, привязанности к хозяину или усвоения цирковых трюков. Душевная, или психическая, деятельность животного и *есть* эта более или менее временная условно-рефлекторная деятельность с ее двумя сторонами — возбуждением и торможением. Все, что жи-

вотное делает, заучивает и «забывает», объясняется не одной только этой нервной деятельностью, но и взаимодействием с жизненным опытом животного в условиях окружающей его среды. Наука о высшей нервной деятельности объясняет поведение животного с точки зрения функционирования его нервной системы, а также адаптации к окружающим условиям жизни. В условиях лаборатории, где окружающая среда подвергается строгому контролю, ученый может по желанию вырабатывать, прерывать и развивать у животного условные связи. Вызывая с помощью чрезмерного количества или противоречивых раздражителей перенапряжение нервной системы животного, он может также по желанию вызывать нервное расстройство, или невроз. И опять-таки по желанию ученый может сделать больное животное психически совершенно здоровым, то есть восстановить его нормальную нервную деятельность.

За последние 50—60 лет непрерывного развития науки о высшей нервной деятельности животных как в норме, так и патологии было накоплено больше чем достаточно фактов и законов, чтобы искоренить все антропоморфические и мифические представления о поведении животных. Нет больше того вакуума в знаниях, который могли бы заполнить туманные теории о загадочном «интеллекте», «озарении» животных или их предопределенных инстинктивных антагонизмах и хищности. Мифы о животных изгнаны навсегда; они продолжают существовать лишь в головах отдельных невежд и в сказках, где их законное место.

Если все это справедливо в отношении животных, а человек есть животное, то отсюда путем простого умозаключения следует, что психическая жизнь человека точно так же объяснима с позиций науки о высшей нервной деятельности. Такой линии рассуждений наука придерживалась несколько десятков лет назад; в результате и возникла и стала неуклонно развиваться наука о высшей нервной деятельности *человека*. Было обнаружено, что поскольку человек является животным, то ячейкой его психической жизни, как и у животных, служит условный рефлекс. Однако эта ячейка представляет собой не только количественно более сложную психическую деятельность, но существует и большое

качественное различие. Качественное различие между высшей нервной деятельностью человека и животного определяется тем, что человек не ограничен системой сенсорных условных рефлексов, и обладает, кроме того, вербальной, или словесной, системой. Если у животного сенсорные раздражители становятся сигналами объектов окружающей среды, то у человека роль сигналов играют слова, которые в свою очередь сигнализируют о сенсорных раздражителях. Если животные реагируют на чувственные раздражители так, словно физические объекты воздействуют на них непосредственно, то человек реагирует на словесные раздражители так, как если бы на него действовали чувственные раздражители. Таким образом, на основе ячейки условного рефлекса развивается невероятно сложная психическая жизнь, характерная лишь для человека. Условные связи устанавливаются и прерываются между огромным числом более или менее временных сенсорных и вербальных раздражителей.

Научение — это процесс формирования новых сенсорных и (или) вербальных временных условных связей, или ассоциаций. Забывание — процесс угасания таких связей либо вследствие того, что ассоциация теряет свое значение, либо вследствие замены ее новыми ассоциациями. Образование новых сенсорных или вербальных связей, угасание старых и постоянное обновление уже установившихся связей составляют те процессы высшей нервной деятельности, на которых основаны процессы научения, забывания и запоминания у человека. Все три процесса в равной степени важны для здоровой и деятельной жизни.

Вопрос о том, где находятся идеи, эмоции или желания, когда они не присутствуют в мозгу, как активные связи, лишен всякого смысла. Когда они находятся не в центре сознательного внимания, или на периферии внимания, корковые связи неактивны, а поэтому ассоциации просто-напросто исчезают. Это объясняется тем, что связи устанавливаются между раздражителями, а когда раздражители отсутствуют, отсутствует и активная реальная мозговая связь, или ассоциация. Возможность возникновения связи между словами или образами, или между словами и образами, или образами и словами существует в высшей нервной деятель-

ности, но реальная конкретная деятельность мозга происходит только при наличии соответствующего раздражителя. Физическим существованием обладают не образы, не слова, а временные нервные связи между сенсорными раздражителями и объектами или между словами и сенсорными раздражителями.

Мысли, эмоции, желания, воспоминания и т. д. не «падают» в какое-то убежище в удаленном уголке «психики» и там, заряженные энергией, не стучатся в ворота сознания. Они прекращают свое существование, как только прекращается деятельность головного мозга. Они могут исчезнуть навсегда, как в результате прочного и полного забывания, или на долгое время, в связи с бездеятельностью вызвавших их раздражителей. Они могут быть «восстановлены» после продолжительного перерыва, если появляется стимулирующий их внутренний или внешний раздражитель в форме цепи ассоциаций.

Психический феномен забывания заложен в самой природе и функционировании высшей нервной системы. Достаточно отсутствия вызывающих реакцию раздражителей, отсутствия подкрепления условной связи или замены ее новыми связями, чтобы вызвать угасание нервных связей между раздражителем и ответной реакцией у животного и человека.

Все это известные факты, но они еще не были установлены, когда родился психоанализ. Не располагая этими фактами, Фрейд предположил: 1) ничто не забывается в том смысле, что не прекращает своего существования; 2) забывание есть акт сознательный или бессознательный, вызываемый побуждением, например, избежать тяжелых или тревожных воспоминаний, импульсов или мыслей; 3) забывание поэтому всегда есть «подавление», «вытеснение» воспоминаний как физических объектов в удаленный уголок психики, называемый «бессознательное»; 4) подавленные бессознательные воспоминания заряжены психической энергией и поэтому обладают достаточной силой, чтобы проникать в сознание окольными путями.

Пока наука не обнаружила соответствующие факты, казалось, что фрейдовская теория забывания ничем не грешит против истины, ибо опровергнуть ее было нечем. Но как только были открыты такие факты, стало

ясно, что вся эта теория от начала и до конца — полная выдумка. *Во-первых*, утверждение Фрейда, будто ничто не забывается в том смысле, что «не угасает», неверно, ибо выясняется, что такое забывание («угасание») не только происходит, но и является таким же жизненно необходимым, как необходим процесс научения и запоминания. *Во-вторых*, забывание в большинстве случаев не является мотивированным актом, а есть естественное свойство высшей нервной деятельности. «В большинстве случаев» прибавлено здесь потому, что мы действительно часто *стараясь* забыть то, что нас волнует или тревожит, и такие попытки являются сознательными и мотивированными. Однако единственный способ добиться успеха в этом случае состоит в том, чтобы угасить ассоциации либо путем устранения связанных с ними раздражителей, либо же путем замены их новыми ассоциациями. Если такие попытки безуспешны, то это вовсе не значит, что воспоминание подавлено и вытеснено в бессознательный удаленный уголок психики, а означает, напротив, что вызывающие ассоциацию побуждения поддерживают связи активными. Именно эти обусловленные какими-то мотивами попытки и придают видимость правдоподобия фрейдовской теории забывания как всегда мотивированному подавлению. Однако фрейдовская концепция опирается лишь на эту *видимость*. В действительности же даже мотивированное забывание, как показывает наука о высшей нервной деятельности, происходит по общим законам всякого угасания условных связей. *В-третьих*, вопреки утверждению Фрейда о том, что всякое забывание есть мотивированное подавление, наука о высшей нервной деятельности установила, что никакое забывание не есть подавление в фрейдовском смысле слова. Мотивированное забывание является не подавлением, а лишь успешной или безуспешной попыткой угасить условные связи, или ассоциации.

Вместо фрейдовского утверждения о том, что такое подавление опасно, следует сказать: опасно не забывать того, что нужно забыть. Мудро и полезно для здоровья забывать или стараться забыть все, что заслуживает забвения. К этому можно было бы добавить, что знание фактов и законов угасания существующих нервных связей и, следовательно, ассоциаций, может лишь способ-

ствовать успешному осуществлению такой попытки. Таким образом, фрейдовское предупреждение против подавления угрожает здоровью и благополучию человечества. Это не только ошибочный совет, проистекающий от незнания, но и плохой совет, который следует категорически отвергнуть. В-четвертых, фрейдовское утверждение о том, что подавленные бессознательные воспоминания и другие психические явления заряжены энергией и потому получают возможность проникать в сознание в своем естественном или в замаскированном виде, лишено основания. «Сила» (если только применим этот термин) ассоциаций заключается в упроченности установленных условных связей. Упроченность условных связей зависит от частоты их повторения и их значения. Эта упроченность условных связей является фактом, придающим видимость правдоподобия фрейдовскому понятию катексиса, или заряда психической энергии, которой обладают воспоминания. Однако он объясняется не какой-то загадочной психической энергией, как полагал Фрейд, а теми действительными средствами упрочения условных связей, которые были экспериментально открыты наукой о высшей нервной деятельности.

Отталкиваясь от видимости, Фрейд пытался объяснить память и забывание с помощью умозрительных догадок, на основе которых он и сконструировал свои фантастические теории. Его теории родовых воспоминаний и их подавления, детских воспоминаний и их подавления, подавленных (или забытых) в течение жизни воспоминаний и составляют основные пункты его системы психоанализа. Наука о высшей нервной деятельности показала несостоятельность фрейдовских идей, разработав основу для научного объяснения инстинктов (так называемых родовых воспоминаний) и забывания. Пробел, существовавший в физиологии мозга, в наши дни уже достаточно преодолен, чтобы можно было полностью доказать несостоятельность фрейдовских ограниченных, временных, надуманных «объяснений» двух главных и определяющих психических явлений — воспоминаний (условные связи) и забывания (адаптивное торможение, или угасание условных связей).

Будущее классического психоанализа

Многие явления в жизни Соединенных Штатов на первый взгляд внушают доверие к фрейдовским теориям бессознательной психики, тогда как на самом деле существование этих явлений отнюдь не служит доказательством справедливости фрейдовских конструкций. Общественные науки, вскрывающие за оболочкой видимости причины вещей, ясно показывают, что фрейдовские умозрительные объяснения односторонни, слишком усложнены, изошрены, окольны и всецело вымышлены. Фрейд искал ключ к объяснению социальных явлений в человеческой психике, тем самым поставив на голову естественный порядок вещей. В действительности же общество формирует человеческую психику со всеми ее идеями, чувствами и поведением, а эти последние в свою очередь оказывают обратное воздействие на социальное окружение.

Таким образом, фрейдовский подход искажает понимание психики, общества и взаимоотношений между ними. В этом смысле он препятствует правильному пониманию индивида и его социального окружения. Ортодоксальный и ревизованный психоанализ — это настоящая бич для Соединенных Штатов. Во многих сферах — в психологии, психиатрии, детской психологии, педагогике, социологии, антропологии, философии, а также в художественном творчестве и массовом искусстве он играет роль дезориентирующей концепции и является препятствием на пути к познанию и прогрессу.

Каково будущее психоанализа, пока еще неясно. Влияние фрейдизма все еще растет, но одновременно набирают силу противоположные тенденции, которые в конце концов должны остановить его движение, повернуть его вспять и положить конец его большому влиянию. Эти антифрейдовские тенденции рождаются из двух источников: из противоречий, развивающихся внутри самого психоанализа, и из внешних противоречий между психоанализом и быстро растущими знаниями в других областях. Что касается последних, то развитие общественных наук и связанных с ними естественных наук, особенно физиологии и патофизиологии высшей

нервной деятельности, вместе с промежуточной общественно-естественной наукой психологии уже привело к открытию большого количества фактов и законов, опровергающих фрейдизм, вскрывающих его несостоятельность и устарелость. Это внешнее противоречие постоянно подрывает психоаналитические теории и оказывает все большее и большее давление на внутренние противоречия самого психоанализа, вынуждая последний все дальше и дальше отходить от его первоначальной фрейдовской формы.

Как мы уже видели, первый шаг в развитии самого психоанализа заключался в отказе от предполагаемых первобытных родовых источников врожденных фрейдовских структур. Так было нарушено монолитное единство системы Фрейда и возникло противоречие, вызванное отказом от предполагаемых событий первобытной орды, которые рассматривались Фрейдом как источник врожденных воспоминаний.

Ревизованный психоанализ сделал попытку сохранить врожденные воспоминания, отвергнув как несостоятельный их источник, лежащий в предыстории человечества. Только благодаря страусовой политике можно было не обращать внимания на необоснованность этой концепции. Уже внутри ревизованного психоанализа возникла тенденция делать основной упор, помимо врожденной предопределенной психической деятельности, на защитные механизмы и вторичные процессы «я».

Реформаторы воспользовались этим перемещением центра тяжести, выдвинув новую альтернативу и отвергнув все врожденные психические структуры и родовые воспоминания. Они разрешили противоречие ревизованного психоанализа путем отрицания филогенетических инстинктов и переключения внимания на онтогенетические защитные механизмы «я». Таким образом, внешнее противоречие, существовавшее между фрейдовской замкнутой системой и теми разделами человеческих знаний, которые оказались за ее пределами, дало толчок развитию противоречия внутри самого фрейдизма. Это внутреннее противоречие заставило некоторых более смелых и сознательных теоретиков-аналитиков отказаться от страусовой политики и отказаться как от врожденных воспоминаний, так и от их первобытных

источников, в результате чего это противоречие было ликвидировано.

Природа защитных механизмов «я», которыми реформаторы заменили врожденные родовые воспоминания, и возникающие отсюда новые внешние и внутренние противоречия и составляют содержание последующих глав второй части книги.

ЧАСТЬ II

Реформированный психоанализ

Карен Хорни

Оба ведущих реформатора-психоаналитика — немцы по происхождению¹. Ныне покойная Карен Хорни и Эрих Фромм начали свою аналитическую практику в Европе, но в тридцатых годах эмигрировали в Соединенные Штаты. Почти вся их теоретическая эволюция проходила в этой стране, и здесь же были написаны и опубликованы их книги. Поэтому их с полным правом можно считать представителями американской психоаналитической мысли.

Карен Хорни первая, если не считать самых ранних отступников, таких, как Адлер и Юнг, отказалась от основных аспектов фрейдовской теории. С тех пор она до самой смерти оставалась ведущей фигурой в реформистском движении.

Хорни родилась в Германии в 1885 году, но с 1932 года жила и занималась врачебной практикой в Нью-Йорке. Сначала она была строгой последовательницей фрейдовского анализа и, приехав в США, стала членом Американского и Нью-Йоркского психоаналити-

¹ Третьим ведущим психоаналитиком-реформатором является американец Гарри Стэк Салливен. Однако Салливен не получил специального психоаналитического образования и не принял фрейдовскую терминологию. Он разработал свою собственную систему и выработал свою терминологию — факт, делающий его сочинения, как их ни мало, почти совершенно непонятными для всех, кроме посвященных. Вот почему его «школа» в этом разделе не рассматривается. Тем не менее его концептуальная схема повторяет в общих чертах реформированный психоанализ. Он применяет культурную модель «межличностных отношений» в качестве средства установления компульсивного динамизма, который якобы определяет психическую деятельность. Основные понятия психоанализа, такие, как бессознательная мотивация, цензура, подавление и катарсис, вытекают из его «межличностных» посылок. Таким образом, выводы из анализа систем Хорни и Фромма в равной мере относятся и к Салливану.

ческих обществ. Однако у нее возникли сомнения в истинности фрейдизма, которые со временем крепили и в 1937 году нашли свое отражение в ее первой книге «Невротическая личность нашего времени». С тех пор она написала еще четыре тома, причем каждый из последующих был все более критичным в отношении некоторых сторон учения Фрейда¹. Когда у нее сложилась собственная система взглядов, она вышла из фрейдистских психоаналитических обществ и основала в Нью-Йорке самостоятельную «школу» — Ассоциацию содействия прогрессу психоанализа. Это учреждение располагало своим учебным институтом и собственным изданием — «Американским психоаналитическим журналом» («The American Journal of Psychoanalysis»). Время от времени Хорн читала лекции в Новой школе социальных исследований, и в них апробировались многие ее критические оценки и оригинальные положения перед тем, как они были опубликованы.

Кроме отмеченных выше общих факторов, было, по-видимому, еще два частных обстоятельства, которые заставили ее порвать с ортодоксальным фрейдизмом. Во-первых, она на собственном опыте ощутила значительную разницу в практической деятельности аналитика в Нью-Йорке и на Европейском континенте. Постепенно, с годами она вынуждена была признать, что эта разница является результатом различий в культуре Европы и Америки. Это заставило ее обратить внимание на важную роль факторов окружающей среды в отличие от врожденных «инстинктивных» детерминант, которые стояли в центре внимания классического психоанализа. Во-вторых — и это было для нее, пожалуй, самым решающим обстоятельством, — она не могла принять фрейдовскую теорию «женской психологии». Вполне понятно, что в век прогрессирующей эмансипации женщин последняя вступала во все более открытый конфликт с фрейдовскими утверждениями о женской неполноценности и мужском превосходстве, находившими свое отражение в рассуждениях о зависти к пенису и формуле пенис—мужчина—ребенок, означавшей для женщины

¹ Karen Horney, *New Ways in Psychoanalysis*, Norton, New York, 1939; *Self-Analysis*, Norton, New York, 1942; *Our Inner Conflicts*, Norton, New York, 1945; и *Neurosis and Human Growth*, Norton, New York, 1950.

предназначенное самой судьбой разрешение эдипова комплекса. Это последнее обстоятельство сыграло роль первого клина, вбитого в теории инстинктов Фрейда, а контраст между Германией и Америкой указывал на направление, в котором следовало искать решение проблемы; его нужно было искать в направлении культурных, а не врожденных факторов.

Вот что писала она об этих двух поворотных моментах в своей карьере: «Когда в 1932 году я приехала в Соединенные Штаты, я увидела, что неврозы и сам склад людей в этой стране во многом отличаются от того, что я наблюдала в европейских странах, и поняла, что это можно объяснить только разницей цивилизаций»¹. Однако, причины ее сомнений носят скорее личный характер: «Мои первые сомнения в правильности психоаналитических теорий возникли у меня после знакомства с фрейдовской концепцией женской психологии»². И далее она уточняет: «Фрейдовские постулаты, касающиеся женской психологии, заставили меня задуматься над ролью культурных факторов. Их влияние на наши представления о том, что входит в понятие мужского и женского начала, было очевидным, и для меня стало также очевидным, что Фрейд не принял их во внимание и поэтому пришел к некоторым ошибочным выводам». Исходя из этих двух соображений, она пришла к заключению, что «неврозы вызываются культурными факторами»³.

Как Хорни критикует Фрейда

Этот вывод, конечно, привел ее к острым противоречиям с основными принципами фрейдизма. Одна за другой рушились посылки классического психоанализа под натиском новой культурной ориентации Хорни. Ибо если были оспорены инстинктивные посылки Фрейда, все систематическое здание его теории было до основания поколеблено. Признайте биологически врожденные влечения, фазы и комплексы — и все остальные фрейдовские

¹ Horney, Our Inner Conflicts, p. 12.

² Horney, New Ways in Psychoanalysis, p. 7.

³ Horney, Our Inner Conflicts, pp. 11, 12.

положения логически последуют сами собой. Отбросьте их, и логика уступит место всеразрушающей анархии. «Система теорий, постепенно разработанных Фрейдом,— писала она в 1939 году,— столь последовательна, что, раз проникшись ими, трудно высказать соображения, на которых не отражался бы его образ мысли. Лишь признав спорность посылок, на которых зиждется эта система, начинаешь яснее понимать источники ошибок, содержащихся в отдельных теориях»¹. Хорни имела возможность на собственном опыте испытать силу фрейдовского влияния, поскольку она более пятнадцати лет занималась практикой классического психоанализа в Европе и Америке. Но, раз усомнившись, она продолжала задавать вопросы, пока сама не нашла на них ответа.

В ходе психоаналитической практики она увидела, что почти каждый пациент представал перед аналитиком как целый комплекс проблем, для решения которых психоанализ не предлагал никаких средств и которые поэтому оставались нерешенными. Сначала она относилась возникавшую у нее в таких случаях неуверенность за счет ограниченности собственного опыта и недопонимания фрейдизма. Она докучала коллегам вопросами, стараясь уяснить себе, что Фрейд или другие психоаналитики понимают под «я», почему садистские импульсы взаимосвязаны с «анальным либидо» и почему многие человеческие проявления считаются выражением скрытой гомосексуальности. Но на все свои вопросы она не получила хоть сколько-нибудь удовлетворившего ее ответа². Осмелев благодаря открытиям, сделанным антропологами «культурного направления», особенно Малиновским и Мидом, а также вдохновившись ранними, изданными еще в Германии работами Фромма — представителя социологического направления, Хорни в конце концов в 1937 году опубликовала некоторые критические выводы и позитивные взгляды в своей первой книге «Невротическая личность нашего времени». В этой работе она сосредоточивает внимание на «специфических культурных условиях, в которых мы живем». Опыт человека носит случайный и индивидуальный характер, но «фактически культурные условия не только придают ве-

¹ Horney, *New Ways in Psychoanalysis*, pp. 7—8

² Там же.

сомость и окраску индивидуальному опыту, но в конечном счете определяют и его конкретную форму». В качестве иллюстрации такой «культурной» обусловленности она приводит следующий факт: человек имеет «деспотичную» или «самоотверженную» мать в зависимости от *индивидуальной судьбы*, но деспотичные или самоотверженные матери существуют лишь в *определенных культурных условиях*, и только благодаря этим условиям опыт прошлого скажется на человеке впоследствии, когда он станет взрослым¹.

Преимущественно с этой «культурной» позиции Хорни критикует Фрейда по двум связанным между собой вопросам. Во-первых, она критикует его за «чрезмерное подчеркивание биологического происхождения психических явлений» и, во-вторых, за «игнорирование Фрейдом культурных факторов», что «не только приводит к неверным обобщениям, но и в значительной степени мешает пониманию реальных сил, определяющих наши взгляды и действия». Эти положения, очевидно, являются двумя сторонами одного и того же критического принципа. Фрейд игнорировал культурные факторы именно потому, что он делал чрезмерный упор на врожденные инстинктивные факторы. В результате Хорни утверждала, что фрейдизм зашел в тупик. «Я думаю,— говорит она,— что это игнорирование — основная причина, объясняющая, почему психоанализ, неотступно следуя теоретическим путем, проложенным Фрейдом, несмотря на его кажущиеся безграничные возможности, оказался, по-видимому, в тупике, стоит в одном ряду с малопонятными теориями и изобилует неясной терминологией». В общем, она осуждает Фрейда за то, что он верил, будто нормы поведения, взгляды и чувства, характерные для определенной «культуры, эпохи, класса и пола», всегда и везде являются неотъемлемыми биологическими врожденными свойствами человеческой природы независимо от «культуры, эпохи, класса и пола». Она обвиняет Фрейда в том, что он пользуется мнимобиологической терминологией для того, чтобы его «наблюдения» и теории приобрели характер абсолютной универсальности. «Нет больше оснований полагать,— утвер-

¹ Horney, *The Neurotic Personality of Our Time*, Norton, New York, 1937, p. VIII.

ждает она, — что новое открытие в психологии вскрывает новую универсальную тенденцию, свойственную человеческой природе». Для иллюстрации этой фрейдовской тенденции она рассказывает о своей личной ссоре с ним. Фрейд считает, говорит она, что женщины более ревнивы, чем мужчины, и подробно излагает приводимые им аргументы, превращающие этот «культурный» феномен определенной эпохи и класса в биологически детерминированную универсальную черту женщин: «Фрейд выдвигает теорию, согласно которой анатомические половые различия неизбежно заставляют каждую девочку завидовать наличию у мальчика пениса. Позднее ее желание обладать пенисом переходит в желание обладать мужчиной как носителем пениса. Потом она завидует отношениям других женщин с мужчинами, точнее, их обладанию мужчинами, как вначале она завидовала обладанию мальчика пенисом». И далее Хорни осуждает Фрейда за такие взгляды: «Высказывая подобные взгляды, Фрейд уступает соблазну своего времени: делать обобщения о человеческой природе применительно ко всему человечеству, хотя его обобщение вырастает из наблюдения за одной только культурной зоной». В подтверждение своей мысли она ссылается на высказывания антропологов «культурного» направления, подвергающих сомнению универсальность наблюдений за «известной частью населения определенной культуры, проведенных в какое-то определенное время».

Хорни резюмирует свою позицию в отношении Фрейда следующим образом: «Когда мы осознаем всю важность культурных условий для возникновения неврозов, биологические и анатомические условия, которые Фрейд считает их причиной, отступают на задний план». И добавляет: «С влиянием этих последних факторов можно считаться только при наличии твердо установленных доказательств». Отсюда невольно напрашивается вывод, что Фрейду именно таких доказательств и не доставало¹.

Так Хорни критиковала Фрейда и его теории инстинктов в своей первой книге. Хотя критика ее остается на уровне общих рассуждений, тем не менее она является многообещающей и эффективной. Однако гораз-

¹ Horney, *The Neurotic Personality of Our Time*, pp. 20—21, 19, 17.

до большее значение имело одно конкретное обвинение, рассчитанное на опровержение посылок фрейдовского учения об инстинктах, которое она выдвигает в другой книге под названием «Новые пути в психоанализе».

После появления книги «Невротическая личность нашего времени» сторонники классического психоанализа заявили, что книга Хорни — лишнее свидетельство в пользу стандартного и универсального, врожденного защитного механизма классического психоанализа, — механизма, к которому Фрейд и его сторонники постоянно прибегали в тех случаях, когда хотели разоружить или привести в замешательство своих критиков. Сущность его состоит в том, что всякое сопротивление теории либидо в действительности есть сопротивление подавленным сексуальным и агрессивным влечениям самого критика. Метод защиты в этом случае сводится к тому, чтобы подвергнуть критика психоанализу. В первых же строках «Новых путей в психоанализе» Хорни ставит этот защитный механизм на свое место. «Сопротивление, — говорит она, — которое ортодоксальный психоанализ вызывает у многих психиатров, равно как и неспециалистов, объясняется не только эмоциональными причинами, как это полагают, но и спорным характером многих теорий».

Хорни прямо заявляет, что аналитики должны «отбросить некоторые исторически обусловленные теоретические предпосылки и отказаться от теорий, возникших на этой основе». К предпосылкам, которые следует отбросить, она относит предпосылки, сделавшие психоанализ *инстинктивной* и *генетической* психологией. Кроме того, считает она, следует отказаться от *структурного деления психики* на «*оно*», «*я*», и «*сверх-я*». Отказ от этих основных предпосылок влечет за собой отказ от всех тех теорий, которые были сформулированы на их основе. К ним, согласно Хорни, относятся: *теория либидо* со всеми вытекающими из нее теориями сексуальных инстинктов; теории инстинктов смерти и агрессии; теория предопределяющей роли детства с его инфантильно-сексуальными фазами: оральной, анальной и генитальной, а также его фиксациями, регрессиями и навязчивым повторением; концепция нарциссизма; эдипов комплекс и его многочисленные ответвления; вся область разработанной Фрейдом женской психологии и сексуаль-

ная этиология неврозов. Как ни внушительен этот перечень, он вовсе не исчерпывает фрейдовские концепции и теории, которые отвергает Хорни. Она не считает нужным упоминать о таких архаических теориях, как миф о первобытной орде, теории о врожденном изначальном языке, филогенетических воспоминаниях и родовом бессознательном, поскольку ревизионисты психоанализа уже давно отказались от этих теорий. Относительно теорий, опирающихся на три отвергнутые предпосылки, она говорит: «Все эти теории требуют критики и должны рассматриваться скорее как историческое бремя, которое несет психоанализ, чем как его сущность»¹.

В книге «Новые пути в психоанализе» Хорни посвящает каждой отвергнутой теории по главе, давая свою критику и указывая причины отказа от этих теорий. Хотя все критические замечания Хорни важны, убедительны и, безусловно, заслуживают внимания, мы не можем приводить здесь все ее доводы для каждого отдельного случая. Поэтому мы остановимся только на трех моментах в качестве примера ее неоспоримого рассуждения: на ее анализе теории либидо, эдипова комплекса и предопределяющей роли детства. Кроме того, мы подытожим ее выводы относительно одной из философских предпосылок Фрейда.

Хорни указывает, что теория либидо состоит из двух основных доктрин, одну из которых можно назвать *пансексуализмом*, а другую — *трансформацией полового инстинкта*.

Пансексуализм — это фрейдовская доктрина, распространяющая понятие сексуальности на все телесные ощущения наслаждения, а также стремления к ним. В доказательство Фрейд приводит три рода соображений. Во-первых, он указывает, что проявление удовлетворения у младенца после кормления аналогично тому, какое человек испытывает после полового акта. На это Хорни отвечает, что никто никогда не сомневался в том, что сосание, процесс еды, гуляние и т. п. могут доставлять наслаждение, но сам факт ощущения наслаждения еще не свидетельствует о сексуальной природе сосания, процесса поглощения пищи, гуляния и т. д., если не постулируется заранее, что всякое на-

¹ Horney, *New Ways in Psychoanalysis*, pp. 8, 17.

слаждение сексуально. Поэтому подобное «доказательство» не является доказательством. Во-вторых, Фрейд указывает на разнообразные факторы, могущие стимулировать сексуальное возбуждение или стать условием его удовлетворения, такие, как фантазия, вуайеризм или жестокость. «Но он не доказал,— заявляет Хорни,— что эти факторы сами по себе сексуальны». Более того, его рассуждения опираются на необоснованные выводы. Из того факта, что определенные типы людей испытывают сексуальное удовлетворение от присутствия при актах жестокости, «не следует, что жестокость — неотъемлемая часть сексуального влечения вообще». В качестве третьего соображения в пользу пансексуализма Фрейд ссылается на то, что иногда несексуальные телесные желания могут служить альтернативой сексуального голода, например навязчивый процесс еды может заменять собой половые сношения. Хорни быстро расправляется и с этим утверждением: «Фрейд пренебрег как возможным объяснением тем фактом, что замена одного вида наслаждения другим ни в коей мере не доказывает их родства». Для иллюстрации ошибочности фрейдовских рассуждений по этому поводу она отмечает, что если обезьяна не может достать банан и находит взамен удовольствие в качании, то это еще не служит окончательным доказательством (или вообще не доказывает), что качание — составной элемент стремления к пище или наслаждения, находимого в процессе еды.

Хорни отвергает все три типа доказательств, представленных Фрейдом в подтверждение пансексуального характера теории либидо, и соответственно делает свой вывод: «Ввиду всех указанных выше соображений нужно заключить, что концепция либидо не доказана». И добавляет: «То, что предлагается в качестве доказательства, состоит из необоснованных аналогий и обобщений, достоверность же данных относительно эротических зон в высшей степени сомнительна»¹.

Хорни уделяет особенно большое внимание теории либидо, так как с помощью этой теории Фрейд не только распространяет понятие секса на все приятные ощущения, но — что более важно — выводит из нее почти все черты характера, склонности и особенности лично-

¹ Horney, *New Ways in Psychoanalysis*, p. 52.

сти. Он выдвигает гипотезу относительно того, что сексуальное либидо формирует характер и склонности индивида различными путями, в том числе с помощью *сексуальных влечений с задержкой в достижении цели (aim-inhibited sexual drives) и сублимации этих влечений*. Таким образом, с одной стороны, всякое стремление к власти или самоутверждению трактуется как выражение садистских влечений, всякая привязанность — как выражение сексуальных влечений, тогда как всякая покорность становится выражением скрытой, пассивной гомосексуальности. С другой стороны, термин *сублимация* используется главным образом для обозначения трансформации ранних половых инстинктов в несексуальные формы поведения и черты характера. Соответственно такие черты характера, как жадность, трактуются как форма выражения сублимированного анально-эротического наслаждения от задерживания кала; удовольствие, получаемое от живописи, — как десексуализированное удовольствие от игры с калом, а сексуальное любопытство может сублимироваться в склонность к научно-исследовательской работе.

Так Фрейд отводит сексуальному либидо преобладающую роль в психической жизни. Хорни спрашивает, «оказывает ли сексуальность такое большое влияние на характер, как полагает Фрейд». Анализируя доказательства, она всякий раз дает отрицательный ответ и наконец заключает: «Конечно, для теоретика инстинктов, когда он обнаруживает, что органические проявления, подобные упомянутым (сжатые губы и сжатый анальный сфинктер), часто сочетаются с аналогичными психическими чертами (жадность), соблазнительно рассматривать первые как инстинктивную основу, а последние — как производные от нее. И в самом деле, это более чем соблазнительно; для доказательства причинной связи на основе теоретических предпосылок теории инстинктов требуется не больше доказательств, чем простое совпадение двух рядов факторов».

Короче говоря, она обвиняет Фрейда в неправильных выводах по типу *post hoc, ipso hoc*; очень серьезном нарушении логического и научного рассуждения. Такая аргументация достигает цели лишь тогда, когда вывод одобрен уже в посылке, в данном случае, когда читатель заранее убежден в истинности теорий инстинктов и ли-

бидо. «Однако если вы не разделяете эти предпосылки,— продолжает Хорни,— то частое совпадение тех и других проявлений вовсе не является доказательством. Оно служит доказательством так же мало, как частое совпадение слез и горя является доказательством того, что горе — эмоциональный результат слез, как это полагали ранние теоретики инстинктов (особенно Уильям Джемс и Карл Ланге.— Г. К. У.). Сегодня мы сказали бы, что слезы — это физическое выражение горя, а не горе — эмоциональный результат слез». Поэтому Хорни отвергает основное утверждение фрейдовской теории либидо, согласно которому сексуальность обладает достаточной силой, чтобы определять характер, и действительно определяет его.

Опровергнув отдельные положения теории либидо, Хорни делает свой вывод относительно всей теории в целом: «Короче говоря, теория либидо со всеми ее утверждениями не имеет под собой достаточного основания» — и добавляет: «Это тем более примечательно, что она является одним из краеугольных камней, на которых покоится психоаналитическая теория и терапия». Она называет теорию либидо «произвольной», «необоснованной», «вульгарной», «вредной иллюзией» и «реальной опасностью». Эта теория «опасна», так как утверждает, что человек не имеет выбора и вынужден удовлетворять определенные первичные биологические потребности и эти последние обладают достаточной силой, чтобы оказывать решающее влияние на его личность и таким образом на всю его жизнь. Это положение и составляет реальную опасность теории либидо. Ее главная особенность и основной недостаток заключаются в том, что «она является теорией инстинктов». Беда теории инстинктов Фрейда, как и всех теорий инстинктов, по мнению Хорни, состоит в том, что они искажают отношения между субъектом, или «я», и окружающей средой, превращая в конечном счете первое в абсолютно решающий фактор, а последнюю — всего лишь в средство удовлетворения или подавления инстинктов. Авторы их совершенно недооценивают роль культурных факторов, так как акцентируют все внимание на роли инстинктов. Теории инстинктов, как утверждает Хорни,— это попытка «судить о целой машине на основании одного колеса».

Отказ от теории либидо влечет за собой резкую критику *эдипова комплекса* как одного из ее наиболее важных производных. Хорни остается верна взятой на себя задаче. Она прежде всего излагает суть фрейдовской концепции эдипова комплекса, характеризуя его как биологически детерминированную сексуальную привязанность к родителю противоположного пола, которой сопутствует ревность к родителю того же пола. Кровосмесительное сексуальное влечение к какому-то из родителей принимает различные формы в зависимости от стадий или фаз развития либидо: орально-каннибалистскую, анально-садистскую и, наконец, генитальную. Однако сам Фрейд был вынужден сделать еще два других допущения, когда обнаружил, что у большинства людей нет никаких следов эдипова комплекса, а у некоторых существует привязанность к родителю того же пола.

Относительно первого из них Хорни говорит: «Не обнаружив следов эдипова комплекса у большинства здоровых взрослых людей, Фрейд предположил, что у них этот комплекс был успешно подавлен. Этот вывод звучит неубедительно для тех, кто не разделяет веру Фрейда в биологическую, а потому универсальную природу этого комплекса». Относительно второго допущения она отмечает: «Кроме того, обнаружив много случаев, когда главная привязанность возникает между матерью и дочерью или отцом и сыном, Фрейд расширил свою концепцию и выдвинул положение, согласно которому гомосексуальный — извращенный — эдипов комплекс равноценен по значению гетеросексуальному — нормальному — комплексу». Защищая свою инстинктивную теорию либидо, Фрейд должен был утверждать универсальный характер эдипова комплекса. Если последний биологически детерминирован, то он неизбежен и должен распространяться на *всех* людей. Если выясняется, что большинство людей не обладает этим комплексом, то, несмотря на факты, должны быть найдены новые средства для доказательства универсальности эдипова комплекса. Таким средством, необходимым для подтверждения теории, служат два предположения, из которых одно утверждает, что следы эдипова комплекса не обнаруживаются потому, что он был «успешно подавлен», а другое «допускает наличие» гомосексуального, или извращенного, эдипова комплекса. Эти два положения охватывали все

возможные случаи — а их огромное множество, — которые могли бы служить опровержением универсальности эдипова комплекса. Таким образом Фрейд стремился воздвигнуть неприступную стену вокруг центрального понятия своей системы — эдипова комплекса.

И снова единственным способом пробить брешь в этой стене было подорвать ее, то есть опровергнуть те послышки, на которых покоилась вся система доказательств. Такой послылкой является, конечно, инстинктивная теория либидо, согласно которой эдипов комплекс биологически детерминирован, а потому универсален. «Убеждение Фрейда в универсальном характере эдипова комплекса держится на предположениях, вытекающих из теории либидо, так что всякий, принимающий теорию либидо, должен принять также учение об универсальности эдипова комплекса. Как говорилось выше, согласно теории либидо, всякие человеческие отношения в конечном счете основаны на инстинктивных влечениях». Отрицая одно, Хорни отбрасывает и другое. Она утверждает, что «эдипов комплекс не является биологически врожденным» и что считать обратное — значит разделять «необоснованную веру». И в заключение она говорит: «Мы отказываемся от всех теоретических выводов из этой теории»¹.

Эдипов комплекс — лишь одна из целого ряда важных доктрин, выдвинутых Фрейдом на основе инстинктивной теории либидо. Среди прочих есть одна, которая нашла себе наиболее широкое применение в области практического психоанализа и терапии, а также в таких прикладных сферах, как развитие и воспитание ребенка. Это доктрина о *предопределяющей роли детства*. Она опирается, по мнению Хорни, на две основные послышки: *о вневременности бессознательного и о навязчивом повторении*. Вместе взятые, эти две послышки образуют «доказательство», с помощью которого Фрейд подтверждает доктрину о предопределяющей роли детства. Последняя означает не только то, что детство определяет характер взрослого человека, но и то, что у взрослого человека нет ничего, кроме его прошлого, то есть, короче говоря, настоящее взрослого человека есть прежде всего повторение его детства.

¹ Horney, *New Ways in Psychoanalysis*, pp. 60—87.

Для подтверждения этой теории повторения взрослым своего детского опыта требуются, согласно Хорни, два элемента: во-первых, биологически врожденная и неизменная сущность детской психики и, во-вторых, непреодолимое биологическое стремление к повторению этой сущности вновь и вновь. Первый дает фрейдовская доктрина *вневременности бессознательного*, согласно которой страхи, желания и весь опыт, подавленные в детстве, продолжают существовать в бессознательном, независимо и изолированно от хода жизни и превращения ребенка во взрослого. Эти стремления сохраняют неизменными свои заряды психической энергии и свои специфические качества. Таким образом, подавленные в пору младенчества или детства, могут продолжать детерминировать жизнь человека, когда он достигает зрелого возраста. Так, например, если маленький трех- или четырехлетний мальчик подавил в себе сексуальное влечение к своей матери, а также сопутствующую ему ревность к отцу, то эти влечение и агрессивность могут с прежней силой продолжать действовать и в зрелом возрасте, проявляясь в различной форме по отношению к лицам, заменяющим родителей. У Фрейда это называется *фиксацией*. Фиксация может также включать целую фазу или стадию развития либидо, которое, будучи подавленным, продолжает существовать в своей первозданной форме в бессознательной психике взрослого. Несмотря на развитие и рост человека во всех других отношениях, его сексуальные желания всегда остаются сосредоточенными на каком-то подавленном бессознательном предгенитальном импульсе, орально-каннибалистском или анально-садистском.

Теперь, когда мы прибавили к предпосылке *вневременного характера бессознательного* тезис о *навязчивом повторении*, налицо все элементы, которые, вместе взятые, обуславливают предопределяющую роль младенчества и детства. Концепция навязчивого повторения означает, как указывает Хорни, «что психическая жизнь регулируется не только принципом наслаждения, но и более элементарным принципом: тенденцией инстинктов повторять прошлые переживания или реакции». В доказательство Фрейд ссылается на свойственную детям тенденцию повторять пережитые события — даже если они связаны с болезненными ощущениями, — тенденцию

к повторению неприятных событий в сновидениях и, наконец, на феномен перенесения в психоаналитической ситуации, когда пациент повторяет свои прошлые болезненные переживания, но переносит их теперь на личность аналитика. Хорни отвергает все эти доказательства по двум причинам: во-первых, источник их в произвольных посылках относительно инстинктов, либидо и вневременности бессознательного; во-вторых, она утверждает, что может объяснить наблюдаемые явления без ссылок на «инстинкты». «Мы легко понимаем их,— говорит она,— не испытывая необходимости в гипотезе о загадочном навязчивом повторении».

По мнению Хорни, этот ряд гипотез, связанных с предопределяющей ролью детства, очень опасен. «Если последующий опыт человека повторяет его прошлый опыт, то совсем ничтожные знания о его прошлом должны иметь первостепенное значение для понимания его настоящего. Тогда правильно будет рассматривать любые воспоминания детства как наиболее ценный материал, всплывающий в ассоциациях пациента... Самое важное — это реконструировать тот или иной ранний комплекс, опираясь на его теперешние проявления». Исходя из этого, можно понять такие терапевтические спекуляции Фрейда, утверждает Хорни, как то, что пациент поймет причину своего нынешнего недуга, когда узнает его связь с тем, что он пережил в детстве, и что только знание своих детских влечений позволяет ему отвергнуть их как нечто устаревшее, а следовательно, не соответствующее его взглядам и стремлениям взрослого человека. По мнению Фрейда, человека нельзя считать вылечившимся до той поры, пока не будет выяснено, что с ним происходило в какой-то период детства.

Хорни отвергает терапевтическую технику воспроизведения детских воспоминаний по той же причине, по какой она отвергает теорию навязчивого повторения и другие инстинктивные теории человеческой природы и психических заболеваний. Но наряду с теорией врожденных инфантильных и детских предопределений она отвергает также и то, что называет «генетической теорией», спутницей теории либидо, причем рассматривает обе как компоненты фрейдовского учения, целиком связанного с инстинктами. «Короче говоря,— утверждает она,— теперь мы можем понять, почему психоанализ яв-

ляется генетической психологией и неизбежно должен быть таковой, если он придерживается типа мышления, примером которого служит теория навязчивого повторения»¹.

Свой общий вывод относительно теории либидо и теории предопределяющей роли детства Хорни формулирует следующим образом: «Мое убеждение в двух словах сводится к тому, что психоанализ должен преодолеть ограниченность, связанную с тем, что он является инстинктивной и генетической психологией»². Поэтому возникает решающий вопрос: что случится с фрейдовским психоанализом, если лишить его двух элементов системы, на которых он основан: инстинктов и генетического подхода? Ответ Хорни мы рассмотрим после того, как познакомимся с одним важным элементом общепсихологической концепции Фрейда.

Хорни говорит о «фрейдовском механистично-эволюционистском мышлении» и противопоставляет ему мышление, которое она называет «немеханистичным», или «диалектическим». Для истинно эволюционистского мышления, утверждает она, вещи, существующие сегодня, не существовали в этой форме с самого начала, а приняли ее лишь в результате развития на предшествующих стадиях. Новое может иметь мало сходства со старым, но тем не менее немислимо без него. Такой подход характерен для всей современной научной мысли и идет от Дарвина, говорит она. Он оказал большое влияние на психологов, в том числе и на Фрейда, который принял эволюционный метод, но, применив его к психическим явлениям, превратил в механистично-эволюционистский метод. «Механистично-эволюционистское мышление,— говорит Хорни,— это особая форма эволюционистского мышления. Она предполагает, что нынешние проявления не только обусловлены прошлым, но и не содержат в себе ничего, кроме прошлого; ничто действительно новое не создается в процессе развития; все, что мы видим сегодня,— это лишь старое в видоизмененной форме». Хорни цитирует «Принципы психологии» Уильяма Джемса, где автор выступает в защиту такого образа мышления применительно к проблемам психологии, и

¹ Horney, *New Ways in Psychoanalysis*, pp. 133—153.

² Там же, стр. 8.

указывает на близость между обоими выдающимися представителями психологии инстинктов.

Чтобы подчеркнуть контраст между механистическим мышлением Фрейда и научным, диалектическим мышлением, Хорни приводит примеры интерпретации различных явлений с позиций этих двух противоположных методов. В случае превращения воды в пар, говорит она, «при механистическом подходе подчеркивался бы тот факт, что пар — это всего лишь вода в новой форме. С другой стороны, немеханистическое (диалектическое) мышление прежде всего обратило бы внимание на то обстоятельство, что хотя пар и образовался из воды, но при этом он приобрел совершенно новое качество, подчиняющееся иным законам и порождающее иной эффект».

Другой рассматриваемый ею пример касается развития машинной техники с XVIII по XX столетие. Представители механистично-эволюционистского мышления, говорит она, указывали бы на существование различных типов машин и заводов уже в начале XVIII века и рассматривали бы эту эволюцию исключительно с точки зрения количественного развития: они сказали бы, что сегодня просто больше машин и больше заводов. «С другой стороны, приверженцы немеханистического мышления, — говорит Хорни, — подчеркнули бы, что количественный рост повлек за собой качественное изменение; что количественный рост поставил совершенно новые проблемы, связанные, например, с новыми масштабами производства, возникновением совершенно новой группы предпринимателей, новой постановкой рабочего вопроса и т. д.; что изменение не просто количественный рост, оно порождает совершенно новые факторы. Другими словами, они подчеркивали бы, что количество переходит в качество». С этой научной, диалектической точки зрения, добавляет она, «никогда не может быть простого повторения или возврата к пройденным стадиям».

Хорни указывает, что, по мнению Фрейда, после пятилетнего возраста мало что нового происходит в нашем развитии и что последующие реакции, черты характера, переживания следует рассматривать как повторение реакций и переживаний периода детства. Она отмечает также, что эти понятия «ничего нового» и «повторение» проходят через психоанализ словно нить, на которую нанизаны все другие теории. Например, Фрейд считает,

что психическая жизнь «дикарей» представляет особый интерес, ибо она отражает хорошо сохранившиеся предшествовавшие стадии нашего собственного развития, вневременные и неизменные, то есть существующие в бессознательном «оно» каждого индивида, живущего сегодня.

Завершая свой анализ фрейдовской механистической, недialeктической, системы мышления, Хорни пишет: «Наиболее общим выражением фрейдовского механистично-эволюционистского мышления является теория навязчивого повторения. Более подробно ее влияние можно проследить в теории фиксации, регрессии, в концепции вневременности бессознательного и учении о перенесении. Вообще говоря, она определяет, насколько влечения человека характеризуются как детские, и лежит в основе тенденции объяснять настоящее прошлым»¹.

Анализ механистично-эволюционистского подхода явился весьма серьезной и глубокой критикой философских основ учения Фрейда. Хорни ясно показала, что метод Фрейда диаметрально противоположен основным принципам научного мышления, которые утвердились за полвека до его рождения, продолжали оставаться в силе в течение всей его жизни и существуют вплоть до настоящего времени. Ясное и глубокое понимание механистического характера философии Фрейда, обнаруженное Хорни, а также то, что она уловила в его учении некоторые элементы немеханистического, диалектического, мышления, показывает, что она лучше других в Соединенных Штатах была знакома с диалектическим мышлением и подходом к анализу мира и человека².

Теперь мы можем перейти к рассмотрению вопроса, поставленного выше: что произойдет с психоанализом, если его лишить инстинктивной, генетической и (теперь мы можем добавить) механистично-эволюционистской

¹ Horney, *New Ways in Psychoanalysis*, pp. 42—45.

² Это можно объяснить тем обстоятельством, что первая половина ее жизни прошла на Европейском континенте, где диалектика Гегеля, Маркса и Энгельса более широко известна в академических, научных кругах, среди интеллигенции, а также среди трудящихся, сочувствующих социализму. Мы столкнемся с аналогичным явлением, когда будем рассматривать другого реформатора фрейдизма, воспитанного в духе европейских традиций, — Эриха Фромма.

основ? Ответ на этот вопрос дает дальнейшее изучение идей Карен Хорни, ее реформированного варианта психоанализа.

Как Хорни реформировала психоанализ

Свой ответ Хорни начинает с такого заявления: «Выяснилось, что чем более критичную позицию я занимаю в отношении ряда психоаналитических теорий, тем больше я осознаю конструктивную ценность основных открытий Фрейда...» Она признает, что конечная цель ее критики — «не в том, чтобы показать, что неверно в психоанализе, а в том, чтобы, устраняя сомнительные положения, позволить психоанализу развиваться в полную меру его возможностей». Осуществляя реформацию психоанализа в этом направлении, она делает упор на «факторы окружающей среды» и таким образом заменяет фрейдовский механистично-инстинктивистский подход подходом эволюционно-социологическим. «Тогда, — говорит она, — преимущественно социологическая ориентация займет место ориентации преимущественно анатомо-биологической»¹. Напрашивается естественный вопрос: многое ли и что именно из фрейдизма сохранила Карен Хорни и внесла в свой собственный вариант психоанализа?

Прежде всего, каково ее отношение к Фрейду? В целом она считает, что мы должны «не забывать воздавать должное Фрейду за то, что он был пионером в своей работе». И, касаясь своего отношения к Фрейду, она замечает: «Его довольно легко модифицировать, но нужно быть гением, чтобы первым увидеть эти возможности»². В другом месте она говорит: «Я выражаю Фрейду свою самую глубокую признательность за то, что он дал нам основу и орудия для работы»³. Основа, заложенная Фрейдом, — это, по мнению Хорни, некоторые главные концепции и методы, которые останутся, если освободить их от инстинктивных, генетических и фило-

¹ Horney, *New Ways in Psychoanalysis*, p. 8—9.

² Там же, стр. 154.

³ Horney, *The Neurotic Personality of Our Time*, p. XII.

софских посылок, с которыми связал их Фрейд. Это концепции и методы, которые составляют психоаналитические приемы, становящиеся более эффективными, когда они освобождаются от биологических рамок, в какие они были первоначально заключены, а также такие основополагающие фрейдовские понятия, как бессознательная мотивация, подавление и сопротивление. «Трудность изложения основных концепций,— говорит Хорни,— заключается в том, что они очень часто связаны с доктринами, носящими спорный характер»¹. Из фрейдовских методов, или техники, она сохраняет толкование сновидений, свободные ассоциации и анализ феномена перенесения, наблюдаемого в отношениях между врачом и пациентом. Однако, для того чтобы показать, как много из фрейдовского наследия она заимствует, совершенно недостаточно одного перечисления его основных концепций и технических приемов. Для этого необходимо выяснить ее взгляды на характер и взаимоотношение этих элементов. Такой анализ покажет, что Хорни, несмотря на решительный отказ от некоторых фундаментальных положений психологической системы Фрейда, фактически, как она сама признает, сохраняет самую *суть* психоаналитического подхода к человеческой природе и функциональным психическим заболеваниям.

Главный принцип Хорни — это фрейдовский тезис о том, что человеческими существами движут бессознательные побуждения. Однако ее понимание природы побуждений отличается от фрейдовского. Вместо фрейдовского либидо и агрессивных инстинктивных стремлений она выдвигает два побуждения, которые считает отчасти врожденными, а отчасти приобретенными, то есть сочетанием биологического и социологического, или культурного, факторов. Она называет эти два побуждения «стремлениями к безопасности и удовлетворению»². «Человеком управляет не один принцип наслаждения,— говорит она,— а два главных принципа: безопасность и удовлетворение». Она никогда точно не указывает, в каком соотношении находятся врожденные и приобретенные факторы и какую соответственно роль они играют в формировании этих стремлений или импульсов,

¹ Horney, *New Ways in Psychoanalysis*, p. 18.

² Там же, стр. 173.

страхов и потребностей, возникающих на их основе. Нам удалось найти два высказывания, которые могут пролить некоторый свет на ее концепцию, раскрывающую роль этих центральных пунктов ее системы. В первом она говорит, что стремления к безопасности и удовлетворению вместе с их конкретными проявлениями в форме импульсов, потребностей и страстей не являются ни «рациональными побуждениями, условными рефлексами или привычками», ни «инстинктивными по природе», это скорее «эмоциональные» стремления¹. Второе ее высказывание касается определенного проявления основных эмоциональных стремлений, которые Хорни называет «страхом возмездия». В этой связи она говорит: «Насколько боязнь возмездия является общим свойством, присущим человеческой природе, в какой мере она вырастает из первородного греха и кары, насколько она предполагает наличие стремления к личной мести — относительно всего этого я оставляю вопрос открытым»².

Точка зрения Хорни, по-видимому, такова, что бессознательная мотивация складывается из «эмоциональных стремлений, импульсов, потребностей или страстей»³ и что из-за отсутствия у нас точных знаний вопрос об их характере и происхождении должен оставаться открытым, — они могут быть скорее врожденными, чем приобретенными, или *vice versa* ⁴.

Во всяком случае, какова бы ни была их действительная природа, психоанализ безусловно нуждается в каких-то врожденных или приобретенных стремлениях, которые помогли бы обосновать его центральную доктрину о том, что человеком движут бессознательные *аффективные*, эмоциональные и (или) инстинктивные побуждения. Это, очевидно, и есть самый главный и основополагающий принцип, на котором держится фрейдовская психология. Это *sine qua pop*⁵ психоанализа. Положение о том, что природа и поведение индивида определяются бессознательной движущей *волей*, врожденной или приобретенной, инстинктивной или эмоциональной или какой-то комбинацией этих факторов, яв-

¹ Там же, стр. 23—24.

² Horney, *The Neurotic Personality of Our Time*, p. 71.

³ Horney, *New Ways in Psychoanalysis*, p. 24.

⁴ Наоборот (*лат.*).

⁵ То, без чего нет (*лат.*).

ляется главным условием, определяющим все другие особенности психоаналитического подхода. Это иррационалистическая антинаучная тенденция, имеющая давнюю историю в развитии человеческой мысли, а в новейшее время идущая от Ницше и Шопенгауэра к Анри Бергсону и Уильяму Джемсу¹. От *воли к власти*, бессознательной воли, *élan vital*² и *воли к вере* недалеко до инстинктивных *сексуальных* и *агрессивных* влечений и до эмоциональных *стремлений к безопасности и удовлетворению*. Происхождение и природа бессознательной воли или бессознательной эмоциональной мотивации играют второстепенную роль, главное же — это защита воли или бессознательной эмоциональной мотивации как основополагающего принципа психологии или философии. Если принять это утверждение, в любой его форме, в качестве посылки, то этого достаточно, чтобы вывести из него такие фрейдовские понятия, как подавление и сопротивление, и такие технические приемы, как толкование сновидений и свободные ассоциации.

Принимая фрейдовский принцип, согласно которому поведение индивида определяется бессознательными мотивами, и предполагая далее, что эти бессознательные побуждения носят аффективный или эмоциональный характер, Хорни тем самым сохраняет самую суть психоанализа. Несмотря на ее поистине блистательное сражение с фрейдовской инстинктивной теорией человеческой природы, Хорни кончает — или начинает — подтверждением основной фрейдовской посылки о том, что *человеком движут бессознательные эмоциональные побуждения*.

Из этой основной посылки она, как и Фрейд, выводит главные концепции и технические приемы, типичные для всякого психоанализа, будь он классическим, ревизованным или реформированным. Сделав первый шаг в сторону реформации фрейдизма, Хорни далее логически переходит от одного вывода к другому. Однако в ее учении отсутствует одна особенность системы Фрейда. Отказ от биологически-инстинктивной ориентации ведет к тому, что психоанализ теряет свою *универсальность*. Делая основной упор на культурные и социологические факто-

¹ Об этой тенденции и ее отношении к психоанализу см.: Г. Уэллс, Павлов и Фрейд, ИЛ, М., 1959.

² Жизненный порыв (франц.).

ры, Хорни вынуждена рассматривать основные концепции психоанализа применительно к данной культуре, существующей в определенном месте, в определенное время и — по крайней мере она это подразумевает — применительно к определенному социальному статусу этой культуры, то есть классу. Ее собственная система приложима к Соединенным Штатам середины XX века и прежде всего к средним слоям и интеллигенции. Она, по-видимому, считала, что человеком, к какому бы обществу, эпохе и классу он ни принадлежал, движут бессознательные эмоциональные стремления и импульсы. Но каковы будут эти стремления и импульсы и как именно они будут проявляться в процессе своего развития, зависит от культурных и социологических факторов. Таким образом, в последующем изложении мы должны помнить, что Хорни имеет в виду средний класс и интеллигенцию Соединенных Штатов в современную эпоху.

Такое ограничение составляет основную слабость теории психоанализа, так как в конце концов оно вновь сводит его универсальность к простому постулату о том, что человеческое поведение определяется бессознательными эмоциональными стремлениями. Если отказаться от этой гипотезы, как сама Хорни отказалась от фрейдовской инстинктивной посылки, то все здание психоанализа рухнуло бы. В таком случае следующим шагом был бы полный отказ от психоанализа. Однако, поскольку Хорни принимает основную посылку фрейдизма, речь идет не об опровержении этого учения, а лишь о его реформации. Пусть непреднамеренно, но Хорни внесла в него свой реальный вклад тем, что, отвергнув инстинктивную теорию Фрейда, обнажила центральное звено психоанализа, на котором держится все учение, — гипотезу о том, что человеком движут бессознательные эмоциональные и волюнтаристские побуждения. Теперь окончательное опровержение фрейдизма становится не только возможным, но в известном смысле и неизбежным.

Приняв основную посылку фрейдизма и придерживаясь своей культурной ориентации, Хорни приступает к реконструкции психоанализа, освобожденного от инстинктивного либидо и механистически-генетических теорий. Нам нет необходимости подробно останавливаться на ходе ее рассуждений. Достаточно будет показать, что

ее система, несмотря на все внесенные ею изменения, фактически остается психоанализом, в чем труднее убедить представителей классического ревизованного фрейдизма, чем последователей самой Хорни или других реформаторов фрейдизма.

Хорни отмечает, что гипотетические бессознательные эмоциональные стремления — к безопасности и удовлетворению — несовместимы друг с другом. Нельзя добиться полного удовлетворения желаний, потребностей и страстей, не подвергнув себя опасности со стороны других людей, чьим стремлениям угрожало бы удовлетворение этих желаний, то есть, иначе говоря, не столкнувшись с юридическими, социальными, этическими запретами и нормами и сопутствующим им наказанием, осуждением и остракизмом. Таким образом, безопасности угрожает сопутствующее ей стремление к удовлетворению. Точно так же меры, ведущие к обеспечению безопасности, влекут за собой крушение надежд на получение удовлетворения.

Конфликт между этими стремлениями и основанными на них импульсами, потребностями, страхом, желаниями и страстями приводит к необходимости *подавления*. Если Фрейд в качестве подавляющей силы постулировал «сверх-я», или совесть, то Хорни не видит ни практической, ни теоретической необходимости в такого рода механизме. Она считает, что подавляющая сила — та же, что и подавленная, то есть, говоря ее словами, «всякое стремление, потребность, чувство может быть подавлено, если оно угрожает другому стремлению, потребности, чувству, жизненно важному для индивида»¹.

Она определяет подавление как «выталкивание из сознания аффекта или импульса», при котором «подавленный аффект или импульс остается таким же сильным, как и прежде». После подавления, говорит она, «мы субъективно убеждены, что у нас нет импульса»². Таким образом Хорни реконструирует теорию подавления без обращения к фрейдовскому «оно» с его инстинктивными влечениями к сексуальным извращениям, кровосмесительству и отцеубийству и без врожденных табу на них, воплощенных в «сверх-я». На их место она ста-

¹ Horney, *New Ways in Psychoanalysis*, p. 227.

² Там же, стр. 25.

вит борющиеся между собой стремления к безопасности и удовлетворению, конфликт между которыми вызывает подавление.

Подавления, или выталкивания из сознания, несовместимых стремлений, импульсов, потребностей и т. п. еще не достаточно, чтобы совершенно вытеснить их из сознания и поведения. Для этого дополнительно требуются различные защитные механизмы «я», которые Хорни заимствовала главным образом от дочери Фрейда — Анны Фрейд. Эти защитные механизмы она классифицирует по рубрикам: формирование реакций и проецирование. В рамках нашей задачи мы не можем подробно останавливаться на этих типах защитных механизмов. Отметим только, что, приходя на помощь подавлению, защитные механизмы служат окольными путями, по которым подавленные импульсы, потребности, чувства проникают в сознание, но в сильно замаскированном виде. Другими такими окольными путями со своими формами маскировки являются непреднамеренные действия или выражения (симптоматические действия, обмолвки и описки у Фрейда, собранные в его книге «Психопатология обыденной жизни»), сны, перенесения, фантазии и бессознательные ассоциации. На этих обходных путях, по которым подавленные импульсы проникают в сознание, маскировку обеспечивает символика, образы, служащие обозначением какой-то потребности или импульса, или какого-то их компонента.

Теперь для завершения картины недостает только одного фундаментального понятия психоанализа — *сопротивления*. Понятие сопротивления опирается на гипотезу о том, что «бессознательные побуждения остаются бессознательными, поскольку мы заинтересованы в том, чтобы не сознавать их». Причина такой заинтересованности лежит, разумеется, в несовместимости стремлений и конфликте между импульсами, потребностями и чувствами, их выражающими. Заинтересованность в подавлении приводит к тому, что все и всякие попытки «раскрыть бессознательные побуждения» будут встречены более или менее «ожесточенной борьбой». «Нам придется начать борьбу, — говорит Хорни, — так как на карту ставятся какие-то наши интересы»¹. Именно эта тео-

¹ Horney, *New Ways in Psychoanalysis*, p. 21.

рия сопротивления и представляет «защитную ценность» для любой формы психоанализа, ибо всякое сопротивление, оказываемое пациентами или теоретиками психоаналитическим формулировкам, определяется как сопротивление собственным подавленным бессознательным побуждениям.

Теперь все основные фрейдовские концепции, без которых немислим психоанализ, налицо в системе Хорни и находят у нее свое толкование. Она реформировала и переработала их, не прибегая к фрейдовским архаическим инстинктивным и механистично-генетическим теориям. Она сделала это, обратившись главным образом к культурным и социологическим факторам и таким образом постулировала: 1) бессознательную аффективную мотивацию; 2) необходимость подавления и механизм подавления с помощью несовместимых стремлений и противоречивых импульсов, потребностей, чувств, страха и желаний; 3) защитные механизмы и окольные пути для проникновения подавленного материала в сознание; 4) концепцию ожесточенного сопротивления проникновению подавленных импульсов в сознание. Следует отметить, что Хорни лишь упоминает о культурных факторах, но не дает никакой их характеристики и не пользуется ими сколько-нибудь последовательно. Причина этого в том, что перечисленные внешние факторы нужны Хорни лишь для установления внутреннего эмоционального динамизма, который затем оказывается достаточным для объяснения психической жизни. Эта динамическая обусловленность психики и поведения бессознательными, внутренними эмоциональными стремлениями, каков бы ни был их источник, является главной гипотезой психоанализа. И именно эту гипотезу Хорни сохранила и реконструировала.

В ходе этой реконструкции Хорни обращается к «культурным факторам» и порой указывает на «некоторые определенные противоречия в нашей культуре». Среди последних она упоминает «противоречие между стимулированием наших потребностей и фактической невозможностью удовлетворить их»². С одной стороны, реклама и принцип «жить не хуже других» стимулируют

² Horney, *The Neurotic Personality of Our Time*, p. 228.

импульсы, потребности и желания, связанные с постулированным стремлением к *удовлетворению*, а с другой — наша культура налагает на нас большие ограничения — экономические, юридические и этические, которые резко сокращают и подавляют те же самые импульсы, потребности и желания у большинства людей. Значение таких «культурных» противоречий для Хорни заключается в их влиянии на внутреннюю эмоциональную и бессознательную динамику, то есть, иными словами, для нее важно, к каким подавлениям, защитным механизмам «я», рационализациям, к образованию каких реакций, к каким сублимациям, проецированиям и компромиссным решениям они ведут; короче говоря, как они воздействуют на эмоциональную психическую жизнь и какие бессознательные побуждения они вызывают. Таким образом, в центре внимания Хорни, как и Фрейда, продолжает оставаться бессознательная «внутрипсихическая» драма. Основными элементами этой драмы у Хорни, как и у Фрейда, служат противоборствующие бессознательные побуждения, основанные на несовместимых стремлениях, причем конфликты разрешаются в результате подавления с помощью различных защитных механизмов «я». Сумма таких «решений», их источник и развитие в течение жизни индивида определяют его характер и делают личность «нормальной» или невротической. Главное заключается в том, что Хорни вновь повторяет положение Фрейда о бессознательной судьбе бессознательных стремлений, которые и являются движущей силой человеческой психики и поведения. Окружающая среда остается лишь фоном, на котором разыгрывается напряженная внутренняя психическая драма противоборствующих эмоций.

При таком подходе Хорни, как и Фрейд, видит задачу психоанализа в раскрытии бессознательной драмы, то есть в доведении ее до сознания с целью возможного ослабления конфликта и тем самым уменьшения необходимости в некоторых крайних средствах защиты. Она полагает, что когда внутренние конфликты преувеличиваются, то в итоге попытка сохранить непрочные средства защиты сильно истощает энергию человека. Психоанализ, доводя драму до сознания, может способствовать ослаблению напряженности конфликта, уменьшению защиты и тем самым высвобождению энергии, ко-

торая до того расходовалась на укрепление защиты, для выполнения творческих задач.

Главная задача психоанализа, по мнению Хорни, заключается в том, чтобы «изменять личность индивида», а основное средство для достижения этой цели — это «доведение бессознательных процессов до сознания». Каковы средства и технические приемы, применяемые для этой цели? «Средства, к которым прибегает аналитик во время этой процедуры,— говорит Хорни,— в основном те, которыми научил нас пользоваться Фрейд». Среди них она, как и Фрейд, называет «анализ сновидений» — *via regia*¹ — к пониманию бессознательных процессов пациента; «свободные ассоциации и толкование их как средства доведения бессознательных процессов до сознания»; «перенесение», которое она рассматривает как «подробное изучение взаимоотношений между пациентом и аналитиком» в целях «выяснения характера отношений пациента с другими людьми»; изучение «сопротивления» пациента доведению бессознательных процессов до сознания, для которого характерна определенная закономерность: чем упорнее сопротивление, тем ближе подходит аналитик к важным бессознательным импульсам, подавленным влечениям и защитным механизмам; наконец, она называет «наблюдение за содержанием и последовательностью выражений пациента наряду с наблюдениями за его поведением — жестами, тоном и тому подобным» и утверждает, что они позволяют делать «выводы относительно процессов, лежащих в их основе». Таковы приемы, выработанные Фрейдом, которые в совокупности составляют, по словам Хорни, «основные методологические средства терапии»².

Все эти технические приемы предназначены для того, чтобы захватить сознательное «я» «врасплох», например в тот момент, когда индивид спит и видит сны, или в момент возникновения ассоциаций, когда сознательное внимание отвлечено или когда пациент устанавливает отношения с аналитиком, не руководствуясь в своих действиях сознанием, или, наконец, при обмолвках и непроизвольном поведении. Все это окольные пути, которые

¹ Прямая дорога (лат.).

² Horney, *New Ways in Psychoanalysis*, pp. 292, 284, 206, 34, 35.

ми подавленный материал пытается в замаскированном виде проникнуть в сознание. Аналитик истолковывает такого рода маскировку, рассматривая ее главным образом как носителя *символического* значения. Таким образом, толкование символов, или перевод символов, составляет неотъемлемую часть психоаналитической техники. В этой связи Фрейд выдвинул гипотезу о существовании изначального, биологически врожденного символического языка, унаследованного от первобытного человека, времен племенной организации и пребывающего в родовом бессознательном каждого индивида. Этот архаический язык символов служит маскировкой для подавленных импульсов и желаний в сновидениях или произвольных свободных ассоциациях, явлениях перенесения, нечаянных поступках и обмолвках. Перевод символического языка в соответствии со стереотипным толкованием образов составляет, по-видимому, наиболее важный элемент, с помощью которого бессознательный материал доводится до сознания. Хорни отвергает лишь понятие архаической наследственности символического языка. Для нее символы имеют «культурно-детерминированное» значение, то есть бессознательный символ имеет тенденцию быть универсальным для всех людей, живущих в условиях данной культуры. Таким образом, перевод символов сохраняется по существу, но изменяется по форме. «В символическом выражении,— говорит Хорни,— нуждаются только стремления или чувства, вытесненные из сознания»¹.

Теперь налицо все главные психоаналитические элементы — центральная фрейдовская предпосылка, основные концепции и технические приемы,— и Хорни приступает к реформации теорий развития ребенка, характера и личности, неврозов и применяемой к ним терапии, отбросив при этом теорию либидо, инстинкты смерти и механистически-генетические предопределения. Все эти теории опираются на фрейдовскую посылку о том, что бессознательные эмоциональные влечения и порождаемые ими потребности, страхи, желания и импульсы обуславливают человеческое поведение и мысли. В них используются основные фрейдовские понятия подавления, сопротивления, защитных механизмов «я» и сим-

¹ Horney, *New Ways in Psychoanalysis*, p. 108.

волические окольные, замаскированные пути проникновения в сознание. Наконец, в них используется фрейдовская техника анализа сновидений, свободных ассоциаций, перенесения, перевода символов и т. п. с целью доведения бессознательных процессов до сознания. Едва ли можно отрицать тот факт, что и в реформированном виде это учение, несмотря ни на что, остается психоанализом.

Впрочем, и сама Хорни говорит об этом: «В силу того что многие мои толкования отличаются от фрейдовских, некоторые читатели могут спросить, является ли это по-прежнему психоанализом. Ответ зависит от того, что считать главным в психоанализе. Если считать, что психоанализ складывается из всех теорий, выдвинутых Фрейдом, тогда то, что представлено здесь, не психоанализ. Если же считать, что основы психоанализа составляет определенная система взглядов, касающихся роли бессознательных процессов и путей их выражения, а также формы терапевтического лечения, которые помогают довести эти процессы до сознания, тогда то, что предлагаю я,—психоанализ»¹.

Знакомясь с учением Карен Хорни, мы обнаружили две противоречивые тенденции. С одной стороны, она храбро ведет борьбу с теорией инстинктов Фрейда и его механистически-генетической философией, подчеркивая при этом роль приобретенных факторов окружающей среды — культурных и социальных. Эта тенденция прогрессивна, и было бы совсем хорошо, если бы Хорни следовала ей до конца, сделав все логические и исторические выводы, но Хорни вдруг останавливается на полпути и берется за задачу реформировать психоанализ, выбросив из него либидо и предопределяющую роль детства. Так возникает противоположная тенденция. Говоря о культурных факторах, она, однако, возвращается к Фрейду и подчеркивает роль внутриспсихической динамики, влияние бессознательных эмоциональных побуждений на человеческое поведение вне зависимости от культурных факторов.

Если бы она была верна первой тенденции и рассматривала психику в ее динамической взаимосвязи с социальной средой, то решаемая ею *задача* перестала бы

¹ Horney, The Neurotic Personality of Our Time, p. IX.

быть фрейдовской задачей: *познай свое бессознательное «я»* — и стала бы формулироваться иначе: *познай самого себя, внешний мир, в том числе общество и свое отношение к нему*. Тогда проблема была бы не в том, как можно довести бессознательные процессы до сознания, а в том, как преумножить знания о человеке и окружающей его среде, чтобы лучше приспособить последнюю к удовлетворению его потребностей, интересов и стремлений. Основной упор в этом случае следовало бы делать не на субъективном толковании снов, произвольных ассоциаций, описок или обмолвок, а на знаниях, полученных с помощью объективных методов естественных и общественных наук. Такое стремление к более глубокому познанию мира и человека с целью сознательного его изменения потребовало бы перенесения центра тяжести на то, что Фрейд называл «вторичными процессами „я“», то есть на сенсомоторные и рациональные функции психики. Как мы уже отмечали, эту поправку внесли в теорию психоанализа Хайнц Гартман и другие. Однако Хорни ставит во главу угла первичные процессы «я»: подавление и защитные механизмы «я» в том виде, какой придала им в результате ревизии фрейдизма Анна Фрейд.

Эрих Фромм

Эрих Фромм, как и Хорни, заменяет фрейдовские инстинкты, филогенетические воспоминания и врожденные психические факторы социальными факторами. Однако в отличие от нее он не ограничивается общими рассуждениями относительно роли «культуры». Напротив, по крайней мере в двух своих книгах «Бегство от свободы» и «Здоровое общество» он уделяет столько же места экономическому, социальному, политическому и идеологическому анализу, сколько и вопросам собственно психологии. При этом он открыто пользуется многими основными понятиями исторического материализма и политической экономии Маркса, трактуя их, однако, по-своему. В известном смысле можно сказать, что он использует учение Маркса, чтобы «реконструировать» систему Фрейда.

Эрих Фромм родился и получил воспитание в Германии, изучал социологию и психологию в университетах Гейдельберга, Франкфурта и Мюнхена и в 1922 году в Гейдельберге получил степень доктора философии. Пройдя курс психоанализа Фрейда в Психоаналитическом институте в Берлине, он занялся «консультативной психологией» и научной работой. В последнюю четверть прошлого века Фромм переселился в Соединенные Штаты и стал гражданином США. Фромм является членом Института психиатрии Уильяма Эленсона Уайта, читал лекции в Колумбийском и Йельском университетах, в Новой школе социальных исследований, в Беннингтонском колледже и в Национальном университете Мехико, а также во многих психоаналитических институтах.

Свои основные теории он изложил в книгах «Бегство от свободы» и «Здоровое общество». В центре внимания этих работ стоит проблема «взаимодействия психологических и социологических факторов». Поскольку

социологические факторы играют главную роль, мы рассмотрим их первыми. Однако мы увидим, что у Фромма психологическое органически переплетается с социологическим и основные понятия психоанализа он выводит из психологических последствий исторического развития капитализма, а капитализм рассматривает как частичный продукт того психического динамизма, который является порождением капитализма. Сначала он прослеживает историю капитализма от зарождения его в средневековом обществе через период свободной конкуренции вплоть до стадии монополистического капитализма, анализируя при этом психологические последствия каждой фазы.

„Социологический фактор“ Фромма

Фромм говорит по поводу Фрейда, что «он и большинство его учеников имели весьма наивное представление о том, что происходит в обществе». Признавая, что его собственный анализ «опирается на некоторые фундаментальные открытия Фрейда», он в то же время обвиняет Фрейда в том, что тот исказил свои открытия односторонним подчеркиванием роли инстинктов и их подавления обществом. Он решительно возражает против фрейдовского утверждения, что общество осуществляет лишь функцию подавления, и говорит, что «оно выполняет также созидательную функцию». «Характер человека, его страсти и тревоги,—отмечает Фромм,— суть продукты культуры; фактически сам человек — самое важное творение и достижение непрерывных человеческих усилий, повествование о которых мы называем историей». Таким образом, его первый тезис гласит: человек создают не инстинкты и их подавление, а история. Характер человека меняется от одной исторической эпохи к другой, от одной экономической, социальной, политической и идеологической системы к другой. Поскольку его прежде всего интересует человек, живущий в середине XX века в Соединенных Штатах, то свой главный вопрос он формулирует так: «Почему человеческий характер периода монополистического капитализма отличается от человеческого характера XIX века?»¹ За

¹ Erich Fromm, *Escape from Freedom*, Farrar, New York, 1941, pp. 9, 13.

ответом он обращается прежде всего к истории, политической экономии и учению Карла Маркса. Тем самым он бросает вызов современной антикоммунистической, антимарксистской истерии, о которой он говорит с прискорбием и неодобрением.

Фромм начинает с описания средневекового общества, его способа производства, с характерными для него рабочей силой, орудиями производства и определенной классовой структурой. Он рассматривает средние века как противоречивую эпоху, когда, с одной стороны, существовала эксплуатация масс меньшинством, наблюдалось полное отсутствие свободы, господствовали суеверия и невежество, а с другой — экономика была подчинена человеческим потребностям, отношения между людьми были непосредственными и конкретными, и каждый человек занимал свое определенное место в единой органической социальной системе. «Личная, экономическая и социальная жизнь,— говорит Фромм,— подчинялась правилам и обязательствам, от которых практически не была свободна ни одна сфера деятельности». После более или менее развернутого описания средневекового общества Фромм, как он делает это в отношении каждой эпохи, останавливается на том, что он называет «психологическими последствиями». Его тезис гласит, что психологические последствия базиса и надстройки феодального общества являются отражением противоречивых сторон социальной жизни. Средневековый человек не был свободен, но он также не был изолирован, одинок, не чувствовал себя в опасности, не знал тревог. Короче говоря, он не был резко *отчужден* ни от вещей, ни от людей. У него было сильно развито чувство солидарности и связи с природой и со всеми его собратьями, несмотря на наличие антагонизмов между классами, а также между различными поместьями и княжествами. В средневековом обществе, говорит Фромм, «человека по-прежнему соединяли с миром первичные узы». Первичными узами Фромм называет те естественные и социальные связи, которые существовали в первобытном обществе, в докапиталистический период и в раннем детстве «до того, как процесс индивидуализации завершился полным формированием индивида»¹.

¹ Erich Fromm, *Escape from Freedom*, pp. 43, 25.

К концу эпохи средневековья структура общества, по мнению Фромма, стала меняться, что привело к новым психологическим последствиям для человека. Органическое единство средневекового общества с течением времени подрывалось ростом капиталистических производительных сил и производственных отношений. Превращение купцов и цеховых мастеров в богатых капиталистов, а подмастерьев и крестьян в рабочих, вынужденных, чтобы существовать, продавать свою рабочую силу, а также все растущая эксплуатация первыми последних подорвали в конце концов основы средневекового общества и положили начало росту капитализма, а с революцией — и политической гегемонии класса капиталистов. С ростом капитализма и разрушением старого общества появился свободный индивид, разорвавший наконец первичные связи. Человек стал одиноким, оторванным и отчужденным от природы и других людей. Психологические последствия этой ранней фазы капитализма, утверждает Фромм, носили двойственный и противоречивый характер. Обладая ощущением свободы, независимости и равенства, новый человек в то же самое время испытывал «глубокое чувство неуверенности, бессилия, сомнения, одиночества и тревоги». Человек вырвался из плена феодальных уз, но добился свободы ценой утраты чувства общности, солидарности и уверенности. «Потеряв свое прочное место в замкнутом мире, — говорит Фромм, — человек перестает находить ответ на вопрос о смысле жизни; в результате он начинает испытывать сомнения в самом себе и цели жизни. Ему угрожают мощные сверхчеловеческие силы — капитал и рынок. Его отношение к своим собратьям, к каждому, кто стал его потенциальным конкурентом, оделалось враждебным и отчужденным; он свободен — это значит одинок, изолирован, ему со всех сторон угрожает опасность... Рай потерян навсегда, индивид противостоит всему миру». Негативная свобода, или *свобода от* органического единства и первичных связей средневекового общества, заставила человека «почувствовать себя одиноким и изолированным» и «наполнила его сомнениями и тревогой»¹.

Обращаясь к XIX веку, Фромм говорит, что дальнейшее развитие капитализма привело лишь к обострению

¹ Erich Fromm, *Escape from Freedom*, pp. 62—63.

«диалектического противоречия» между растущей обеспеченностью, властью, контролем над природой, независимостью и свободой, с одной стороны, и изоляцией, конкуренцией, враждебностью и неуверенностью — с другой. Это противоречие вызывает у личности еще более безысходное ощущение беспомощности, одиночества и тревоги. «При капитализме,— говорит он,— экономическая деятельность, успех, материальная выгода становятся самоцелью. Удел человека заключается теперь в том, чтобы способствовать росту экономики, накоплению капитала; он живет не ради своего собственного счастья или спасения, а ради самой этой цели. Человек стал винтиком огромной машины — важным, если он обладает большим капиталом, и неважным, если у него нет капитала,— но при этом он всегда остается винтиком, служащим какой-то посторонней цели». Психологическим следствием этой всеподавляющей тенденции к «накоплению капитала» явилось «чувство собственного ничтожества и бессилия». Фромм считает, что этот психологический эффект в равной мере относится к рабочему классу, к классу капиталистов и к средним слоям. И действительно, уделяя во всех своих работах главное внимание среднему классу, Фромм склонен, с известными оговорками, распространять свои выводы и на оба антагонистических класса эпохи капитализма. Он допускает, что поскольку все рабочие подвергаются эксплуатации и вынуждены бороться с ней с помощью профсоюзов, то этот общий опыт имеет тенденцию заменять чувство одиночества и бессилия чувством солидарности и силы. Тем не менее он утверждает, что и рабочие также испытывают чувство изолированности и тревоги, и обращается к положению исторического материализма о том, что господствующими идеями в любом обществе являются, в общем, идеи господствующего класса этого общества. Он просто-напросто переносит это положение из сферы *идей* в сферу *чувств*. Следовательно, если господствующими *чувствами* капиталистов и среднего класса являются чувства одиночества и тревоги, то эти же чувства должны быть господствующими и у «пролетариата»¹. Продолжая свой анализ капитализма XIX века, Фромм указывает на противоречия между все более об-

¹ Erich Fromm, *Escape from Freedom*, pp. 110, 112—113.

ственным характером производительных сил и частной собственностью на средства производства, на противоречие между рациональным планированием внутри предприятия или корпорации и иррациональным, анархическим характером рынка и говорит, что результатом всего этого являются «экономические кризисы, безработица и войны». Но больше всего он подчеркивает факт отчуждения и отмечает, что «Гегель и Маркс заложили основы для понимания проблемы отчуждения, последний, в частности, благодаря понятиям „товарного фетишизма“ и „отчуждения труда“». Под *отчуждением* Фромм понимает отрыв человека от орудий труда и природного сырья, от своих собратьев и, наконец, от самого себя. Все это стало товаром, предназначенным для продажи, говорит он. «Не только экономические, но и личные взаимоотношения между людьми носят характер отчуждения; отношения между человеческими существами принимают теперь характер отношений между вещами. Но, пожалуй, самым важным и губительным последствием этого духа инструментальности и отчуждения является отношение индивида к своему собственному «я». Человек продает не только товары, он продает самого себя и начинает чувствовать себя товаром... Как и у всякого другого товара, стоимость этих человеческих качеств и даже само существование их определяется рынком». Отчуждение во всех его проявлениях еще больше усилило изоляцию, независимость, равенство и свободу индивида. Однако это негативная свобода, *свобода от* вещей, других людей и от самого себя, и, таким образом, она всего лишь усугубила чувства неуверенности, бессилия, одиночества и тревоги индивида.

В эпоху капитализма XIX века с ее войнами и кризисами, «безжалостной эксплуатацией рабочих», безработицей, конкуренцией и отчуждением, говорит Фромм, индивид стал «еще более одиноким, изолированным, стал орудием в руках куда более мощных внешних сил; он стал «индивидом», но индивидом растерянным, лишенным чувства уверенности». Подчеркивая рост негативной свободы, Фромм показывает также, каких успехов достигла в XIX веке позитивная свобода, *свобода на*. Человек приобрел большую власть над силами природы и значительно расширил рамки своего рационального познания мира. У индивида это нашло свое проявление в

оптимизме и свободе личной инициативы. В психологическом отношении увеличение позитивной свободы привело к осознанию им своей силы, просвещенности и разумности, что, как говорит Фромм, частично нейтрализовало психологический эффект негативной свободы — «неуверенность и тревогу».

Фромм утверждает, что в XIX веке существовало некоторое равновесие между ростом негативной и позитивной свободы, но с наступлением «монополистической стадии капитализма» на рубеже прошлого и нашего веков это равновесие было нарушено и негативная свобода возобладала над позитивной. В результате этого «усилилось чувство бессилия и одиночества индивида, его «свобода» от всех традиционных уз стала более явной, уменьшились его возможности лично добиться экономического успеха. Он чувствует угрозу со стороны гигантской силы...» По словам Фромма, в эпоху монополистического капитализма концентрация капитала ограничила возможности успеха личной инициативы, смелости и ума, заменив их «чувством бессилия и безнадежности». Монополистический капитализм выступает в роли колоссального чудовища Франкенштейна, перед лицом которого все элементы населения, не принадлежащие к монополиям, оказываются запуганными, терроризированными и ничтожными, так что в итоге они сводятся на положение простого орудия для извлечения прибыли.

Фромм рассматривает этот итог применительно к каждому классу и каждой стадии монополистического капитализма, особенно в США. Мелкому или среднему бизнесмену угрожает намного превосходящая его силу мощь монополистического капитала. Борясь против монополий, он сражается с гигантами, тогда как раньше он вступал в единоборство с более или менее равными себе соперниками. Это приводит к такому психологическому следствию, как рост чувства неуверенности, бессилия, безнадежности и тревоги. Куда бы он ни глянул — всюду тупик и нет выхода из этой прочной, безжалостной ловушки. Точно так же и служащий, будучи частью огромной экономической машины, вступает в яростную конкурентную борьбу против сотен людей, находящихся в таком же положении, как и он, и «безжалостно увольняется, если начнет отставать от осталь-

ных». Служащий «превратился в винтик машины», навязывающей ему свой темп, с которым он не может справиться, будучи бесконечно ничтожным в сравнении с этой машиной. Он тоже испытывает всеподавляющее чувство неуверенности и другие сходные чувства. Положение промышленного рабочего также изменилось по сравнению с его положением в XIX веке, когда он боролся против эксплуатации, олицетворявшейся в хозяине, которого он мог видеть и знать в лицо. «На производстве, где тысячи рабочих,— говорит Фромм,— человек оказывается в ином положении. Хозяин стал абстрактной фигурой — он никогда его не видит; администрация — это какая-то анонимная власть, с которой он непосредственно никаких дел не имеет и для которой он как индивид ничего не значит». Профсоюзы, считает Фромм, несколько уравнили это положение, придав рабочему чувство силы и значимости перед лицом гигантских корпораций, «но и в данном случае он всего лишь маленький винтик большой машины». Таким образом, несмотря на профсоюзы, рабочие так же в какой-то мере испытывают чувство неуверенности, как и другие классы эпохи монополистического капитализма.

В роли потребителя индивид как личность также вынужден ощущать свое крайнее ничтожество, хотя как потенциальный покупатель он имеет абстрактную значимость. «Гипнотическое действие» массовой рекламы усугубляет это чувство ничтожности и бессилия, притупляя способность индивида здраво мыслить и оскорбляя его человеческое достоинство изощренными вымыслами по поводу мыла и дезодораторов. В качестве избирателя в системе политической демократии индивид чувствует себя, по мнению Фромма, не лучше. Он «стоит лицом к лицу с партиями-гигантами», и «партийная машина предлагает ему выбирать между двумя или тремя кандидатами; но этих кандидатов выдвигал не он; он и эти кандидаты не много знают друг о друге, и их отношения так же абстрактны, как и большинство других отношений». Политическая пропаганда и тактика, применяемая прессой в борьбе за голоса, как и реклама, притупляют способности индивида здраво и критически мыслить и усиливают в нем ощущение своей незначительности и бессилия. Они льстят ему, заставляя его казаться са-

мому себе важной персоной, и делают вид, будто апеллируют к его критическим суждениям, «но все это притворство — лишь способ притупить в человеке подозрения и способствовать его самообману в отношении самостоятельности принимаемого им решения»¹.

Наконец, среди специфических особенностей современного общества, характерных для монополистического капитализма, Фромм называет мировые войны («угроза войны стала кошмаром»), экономические кризисы, безработицу («страх перед ней омрачает всю жизнь»), расовую сегрегацию и изоляцию, а также проклятый рок, нависший над «слишком молодыми» и «слишком старыми». Такова объективная цена, которую индивид вынужден платить за принесенную капитализмом свободу от первичных связей. Субъективная, или психологическая, цена, говорит Фромм, оплачивается такой монетой, как ощущение бессилия, страха, тревоги, безнадежности, одиночества, разочарования и беспомощности.

Действительные плоды капитализма, по мнению Фромма, полностью негативны: это негативная свобода, или свобода от чего-то; негативные объективные социальные явления, или общественное зло; и негативные субъективные чувства, или психологические страдания отдельной личности. В противоположность этой негативной действительности Фромм указывает на позитивные потенциальные возможности, создаваемые достижениями современного капиталистического производства. Капитализм приобрел большую власть над природой благодаря громадному росту средств производства в сельском хозяйстве и промышленности и тем самым создал условия для перехода к позитивной свободе. Если бы можно было организовать общество так, чтобы производство непосредственно служило нуждам и интересам развития индивида, а не извлечению прибыли и накоплению капитала, то человек мог бы преодолеть чувства изолированности и беспомощности и реализовать свою потенциальную способность к зрелой любви и творческому труду.

Позитивная и негативная свобода, по словам Фромма, является психологическим выражением позитивной и негативной сторон капитализма. Негативные черты капи-

¹ Erich Fromm, *Escape from Freedom*, pp. 119—130.

тализма — эксплуатация, войны, кризисы, безработица, отчуждение, замена человеческих отношений товарными и т. п. — освобождают человека от всякой «принадлежности» и тем самым делают его одиноким и запуганным. Позитивные черты капитализма — высокий уровень развития производства, техники и науки — создают условия для лучшей, более человеческой жизни в более совершенном, более гуманном обществе и позволяют человеку надеяться на нее. Таковы, по мысли Фромма, противоречия капитализма. Негативная свобода — это альбатрос, неотступно преследующий человека. Но вместе с тем уже созрели условия для того, чтобы устранить эту никчемную обузу и освободить человека, предоставив ему возможность строить полноценную и богатую жизнь.

Фромм развивает обе стороны этого противоречия. Он использует негативные черты капитализма и их психологические последствия для реформации основ психоанализа. И в то же время, основываясь на позитивных чертах капитализма, он рисует картину рационального общества, называемого «социализмом», которое должно заменить негативную свободу позитивной и тем самым устранить объективные и субъективные причины «универсального невроза». Фромм приступает к реформации психоанализа, опираясь на социологическую и психологическую этиологию бессознательной насильственно навязанной мотивации.

Реформация Фроммом бессознательной насильственно навязанной мотивации

Реформация психоанализа Фроммом гораздо больше, чем реформация Хорни, раскрывает главное допущение, лежащее в основе психоаналитического подхода Фрейда к человеческой психике. Фромм сводит его к одной главной посылке, без которой не могло бы быть ни теории, ни техники, ни практики психоанализа. Эта главная посылка гласит, что человеком движут бессознательные силы, глубоко скрытые в его собственном психическом аппарате, то есть что его поступки и эмоции обусловли-

ваются насильственно навязанной мотивацией, что мотивация поэтому является скорее *навязчивой*, чем *реактивной*. Источники мотивации скорее внутри психики, чем во взаимодействии индивида с природой и социальной средой. Мысли, чувства и поведение рассматриваются не как реакции на внешние условия, а скорее как «дремлющие в личности тенденции», говорит Фромм, «которые, так сказать, только ждут удобного случая для своего выражения»¹.

Фромм «реформирует» психоанализ, опираясь на универсальную бессознательную насильственно навязанную мотивацию, порожденную травмирующим воздействием капитализма, и особенно монополистического капитализма, на живущего в этом обществе индивида. Фромм считает, что современный человек, живущий в эпоху монополистического капитализма, к какому бы классу он ни принадлежал, свободен от всяких связей с природой и уз солидарности с другими индивидами. Этот индивид беспомощно мечется в одиночку в океане эксплуатации, войн, безработицы, банкротства и экономических кризисов, над которыми он не властен и которые он не в силах понять. Как психологическое следствие всех этих явлений возникают чувства невыносимого бессилия и одиночества, беспомощности и собственного ничтожества, разочарования и тревоги, которые вместе образуют универсальный травмирующий опыт. Индивид не знает, кто он, что он и зачем он живет. Его терзают сомнения и угнетает постоянное и всеподавляющее чувство полной тщетности всех усилий. Жизнь утратила всякий смысл.

В подтверждение своих идей Фромм ссылается на высказывания Кьеркегора, Ницше, Кафки и Джулиана Грина. Все они изображают человека «беспомощным индивидом, которого раздражают и мучат сомнения, угнетают чувства одиночества и собственной ничтожности». Он цитирует Грина: «Мы смотрим вниз, в зияющую под нами громадную черную бездну. И нам страшно». Эти психологические последствия капитализма Фромм называет «бременем свободы», тем крестом, который должны нести свободные индивиды в условиях монополистического капитализма. Негативная свобода, *свобода от*, не-

¹ Erich Fromm, *Escape from Freedom*, p. 180.

выносима, говорит он. Романисты и поэты в своих произведениях лишь частично отражают агонию, порождаемую негативной свободой, но даже и это небольшое является непосильным бременем для человека. Таким образом, сцена готова и фрейдовская драма может начаться.

Основные понятия в этой драме — «невыносимый», «нестерпимый». Психологические последствия капитализма с его *свободой от* настолько невыносимы, нестерпимы, что индивид просто не может себе позволить осознать их. «Все это слишком пугает, — говорит Фромм. — И тогда индивид прячется от них за рутинной своей повседневной деятельностью, ищет уверенности и одобрения в своих личных и общественных отношениях, успехах в делах, всякого рода развлечениях, «удовольствиях», «контактах», «продвижении по службе». Но сколько ни свисти в темноте, светло не станет. Одиночество, страх и растерянность остаются, люди не могут вечно нести бремя *свободы от*. Отсюда вытекают два возможных решения: либо «они должны попытаться избавиться от всякой свободы», либо «они могут перейти от негативной к позитивной свободе». Последнее представляет собой редкостную возможность для индивида, живущего в капиталистическом обществе, поэтому чаще всего «выход» заключается в том, чтобы искать различные *способы бегства от негативной свободы*. Эти психологические механизмы бегства и составляют суть проводимой Фроммом реконструкции главной посылки фрейдизма о иррациональной насильственно навязанной мотивации.

Положение о том, что в капиталистическом обществе индивидом движут насильственно навязанные мотивы, предполагает несколько фундаментальных гипотез. Они с логической необходимостью включают в себя все выводы, которые должны следовать из основной посылки. Как это часто бывает с самыми умозрительными теориями, Фромм начинает с самоочевидного факта, а затем пытается дать ему объяснение. Фромм берет за исходное тот же самый факт, от которого в свое время отталкивался и Фрейд: «Множество с виду неразрешимых проблем исчезает сразу же, как только мы решим отказать от того представления, будто побуждения, которые, по мнению людей, определяют их поведение, суть непременно те самые, которые действительно вынуж-

дают их поступать, чувствовать и думать так, как они поступают, чувствуют и думают»¹. С этим утверждением трудно не согласиться. Конечно, ни один человек полностью не понимает, какие силы управляют его чувствами, поступками и мыслями; а человечество в целом имеет об этом лишь относительное представление. Спор начинается лишь с появлением теорий, объясняющих, как определяются человеческие чувства, поступки и мысли. Отвечая на этот главный вопрос, Фромм идет по стопам Фрейда.

В поисках решения проблемы о том, какие силы, помимо сознательных побуждений, определяют человеческое поведение, чувства и мысли, Фромм, как и Фрейд, исходит из того, что такими силами являются *внутрипсихические, бессознательные побуждения*. Затем он опять-таки, как Фрейд, допускает, что бессознательные побуждения идентичны по своему характеру тем, которые известны психиатрам из наблюдений за некоторыми видами функциональных психических заболеваний, например истерии. Короче говоря, Фромм предполагает, что бессознательная мотивация компульсивна. В психиатрии термин «компульсивный» означает «неудержимо влекомый к совершению какого-нибудь иррационального действия». С точки зрения патофизиологии и психиатрии, под «компульсией» понимается результат повреждения головного мозга или нарушение его функционирования. При таком понимании как компульсии, так и их иррациональное выражение в чувствах, поступках или мыслях суть результат патологических нарушений в работе мозга. Отсюда следует, что существует качественное различие между нормальным и патологическим функционированием мозга и что характерные черты первого нельзя раскрыть с помощью исследования последнего. Вопреки этой общепринятой теории Фромм вслед за Фрейдом предполагает, что компульсия является не патологическим невролого-физиологическим, а чисто психологическим феноменом, что компульсивно-иррациональные чувства, поступки и мысли детерминируются «психологическими механизмами». Тем самым феномен компульсии теоретически выводится за пределы патоневрологии, патофизиологии и психиатрии.

¹ Erich Fromm, *Escape from Freedom*, pp. 133, 134, 137.

Фромм, как и Фрейд, стирает *качественное* различие между больной и здоровой психикой и сводит его к количественному различию. Компulsive механизмы невротика рассматриваются просто как крайнее выражение compulsивных механизмов, детерминирующих психическую жизнь нормальных людей. Эта невротическая напряженность compulsивных психических механизмов рассматривается как средство, помогающее раскрывать сами эти механизмы, их структуру и функции. Невротическая форма их выражения просто делает эти механизмы более доступными для сознания и для психоанализа. «Феномены, наблюдаемые нами у невротика, — говорит Фромм, — в принципе не отличаются от тех, которые мы находим у нормальных людей... Они только более резко выражены, более отчетливы и зачастую более доступны...»¹

Высказывая этот принципиально важный тезис, Фромм стоит не только на позиции Фрейда, но и на позиции психоаналитиков всех направлений: ортодоксального, ревизованного и реформированного. Так, например, Карен Хорни, говоря о невротиках, считает, что их «отличие от здоровых всего лишь количественное»². Формула о количественном различии позволяет распространить чисто психологические compulsивные механизмы на всех людей в обществе. Она, таким образом, превращает психоанализ из теории неврозов в общую теорию психологии.

Как показал Фромм, логический силлогизм, на котором строится главная посылка психоанализа, заключается в следующем: 1) *все, что признается механизмом невротических чувств, поступков и мыслей, верно — только в меньшей степени — и применительно к здоровым людям*; 2) *чисто психологическая (то есть непатологическая невролого-физиологическая) compulsивная мотивация считается механизмом невротических явлений*; 3) *поэтому чисто психологическая compulsивная мотивация детерминирует чувства, поступки и мысли нормальных людей*. В такой форме с этим силлогизмом согласны все психоаналитики от Фрейда до Фромма. В качестве общей причины чисто психологической насильст-

¹ Erich Fromm, *Escape from Freedom*, p. 138.

² Horney, *The Neurotic Personality of Our Time*, p. 289.

венно навязанной мотивации у невротиков и нормальных людей. Фромм называет капиталистическое общество и его психологические последствия, которыми он заменяет фрейдовские инстинкты и их подавление.

Заложив этот краеугольный камень психоанализа, Фромм дает свою трактовку психологических механизмов, образующих бессознательную насильственно навязанную мотивацию в капиталистическом обществе и вызывающих к жизни иррациональные навязчивые чувства, поступки, мысли. С этой целью он продолжает ход своих прежних рассуждений. Индивид не может выносить чувств бессилия и одиночества, которые ему навязывает капиталистическое общество, в частности монополистический капитализм. Он должен подавить в себе эти мучительные чувства; он должен изгнать их за порог сознания и в то же время создать им замену и организовать защиту против них. Подавление порождаемых капитализмом невыносимых чувств есть первый насильственно мотивированный акт. Далее следует выработка заменителей и средств защиты. Эти заменители и средства защиты, то есть психологические механизмы бегства от нестерпимой негативной (буржуазной) свободы, формируются, по словам Фромма, в каждом индивиде, причем нет двух индивидов, у которых они были бы одинаковы. Однако они распадаются на несколько общих типов, поскольку все люди подвергаются экономическому, социальному, политическому и идеологическому давлению. По мнению Фромма, существует много таких типов насильственно навязанных механизмов, но он подробно рассматривает только три из них: мазохизм — садизм, стремление к разрушению и конформизм автомата.

Прежде чем приступить к подробному анализу, Фромм заявляет, что он понял природу и функции этих психологических механизмов насильственно навязанной мотивации благодаря «психоаналитической процедуре», а именно благодаря классическим фрейдовским техническим приемам: свободным ассоциациям, толкованию сновидений и интерпретации таких явлений, как перенесение и непроизвольные действия. Вслед за этим он тут же, как бы извиняясь, делает попытку оправдать психоаналитическую процедуру: «Хотя психоанализ не поднялся до идеала, к которому в течение многих лет

стремилась академическая психология, то есть не приблизилась к экспериментальным методам естественных наук, тем не менее это глубоко эмпирический метод, основанный на тщательном наблюдении за не подвергшимися цензуре мыслями, сновидениями и фантазиями индивида»¹.

Если чувства, поступки и мысли нельзя принимать за чистую монету, а они скорее определяются насильственно навязанными психологическими механизмами, которые в свою очередь детерминируются подавленными нестерпимыми чувствами, то отсюда следует, что нужно применять такой метод наблюдения, который может заставить врасплох механизмы подавления, защиты и замещения, а затем толковать этот материал сновидений и фантазий таким образом, чтобы вскрыть действительную мотивацию, которая обуславливает непосредственно воспринимаемые чувства, поступки и мысли. Это искусство толкования фрагментов бессознательного включает в себя в качестве главного элемента искусство «перевода» бессознательных символов. Образы сновидений, например, рассматриваются как символы, выражающие «реальные» бессознательные компульсивные механизмы, которые стоят за сознательными действиями человека. Задача Фромма и других реформаторов заключается в том, чтобы рационализировать эти технические приемы, основанные на искусстве интерпретации символов, ибо без своих особых технических приемов психоанализ свелся бы к обычному «советованию». Психоаналитическая процедура — это двойной, тавтологический процесс. Технические приемы необходимы аналитику в его практической работе, и поэтому для обоснования их нужна какая-то теория. Одновременно эти же самые приемы используются для выработки теории, которая должна поставить эти технические приемы на рациональную основу. Таким образом, для проведения психоанализа своих пациентов Фромму нужны технические приемы, это заставляет его работать над своей теорией. С другой стороны, чтобы создать теорию, Фромм использует разные технические приемы, обоснованию которых и должна служить эта теория. Так возникает замкнутый круг. То же было характерно и для Фрейда, и для Хорни, и для

¹ E r i c h F r o m m, *Escape from Freedom*, p. 136

Салливена. Используя психоаналитическую технику и интерпретацию символов на свой собственный лад, Фромм «открывает» те же самые три компульсивных механизма бегства от свободы.

Бессознательный компульсивный механизм, названный «мазохизм-садизм», является одним из средств, «открытых» Фроммом благодаря психоаналитической технике, с помощью него индивид стремится «бежать от своего невыносимого чувства одиночества и бессилия». Под давлением мазохистского механизма объятый страхом индивид ищет кого-нибудь или что-нибудь, кому или чему он мог бы подчиниться. Он не может больше нести бремя своего индивидуального «я» и отчаянно пытается, как утверждает Фромм, обрести чувство безопасности ценой отказа от своего измученного, одинокого и бессильного «я». Чтобы освободиться от креста негативной свободы, он пытается затеряться в чем-то постороннем, чуждом ему самому. Личность, в которой сформировался такой механизм, испытывает неудержимое желание полностью отдаться какой-то другой личности или какому-то делу.

Извращенная форма мазохистского механизма заключается в предании человеком своего тела или духа мукам и страданиям, которые им причиняет он сам или другой человек. Наиболее обычная, неизвращенная форма предполагает, с одной стороны, утрату индивидом своего «я», а с другой — отождествление своего «я» с какой-то другой личностью или вещью. Беда в том, говорит Фромм, что мазохистский механизм ничего не решает. Он может облегчить страдание, но ничего не меняет в том смысле, что человек продолжает действовать под влиянием непреодолимых стремлений, оставаясь со всеми своими первоначальными сомнениями и страхами. Мазохистский механизм является, таким образом, *иррациональным* решением, ибо он не устраняет причину боли, а всего лишь прикрывает ее. Это страусова политика.

Фромм сравнивает мазохистский механизм с иррациональными поступками охваченного паникой человека, оказавшегося в горящем доме. Вместо того чтобы бежать вниз по еще не тронутой огнем лестнице, он может спрятаться в стенном шкафу. «Точно так же, — говорит Фромм, — мазохистские стремления вызываются

страстным желанием личности освободиться от своего «я» со всеми его недостатками, конфликтами, опасениями, сомнениями и невыносимым одиночеством, но они могут устранить только самые явные мучения или привести к еще большему страданию». И Фромм добавляет: «Иррациональность мазохизма, как и всех других невротических проявлений, состоит в конечном бессилии средств, применяемых, чтобы найти выход из неустойчивой эмоциональной ситуации»¹. Здесь Фромм говорит об иррационально-компульсивном характере мазохизма как «невротического проявления». Но фактически Фромм дает характеристику феномена, который, по его мнению, является одним из наиболее распространенных видов психологических механизмов, порождаемых капиталистическим обществом и его негативной свободой. Таким образом, он дает характеристику не отдельных конкретных невротиков, а целых больших групп населения страны, живущих в условиях монополистического капитализма. Почти все люди в такой общественной системе, утверждает он, страдают от того или иного вида невротического, иррационального механизма, который помимо их сознания детерминирует их чувства, поступки и мысли.

Садистский механизм заключается в неудержимом стремлении человека освободиться от чувства одиночества и бессилия путем подчинения себе другого человека и превращения его в беспомощное орудие своей воли и желаний, стать абсолютным господином и вершителем его судьбы и сделаться для него богом. В извращенной форме такое непреодолимое стремление направлено на то, чтобы унижить этого подчиненного ему человека, поработить его, причинить ему страдания и муки, заведомо зная, что он не может сопротивляться или мстить за себя. Садистский механизм также является не только насильственным, но и иррациональным, ибо он не устраняет и даже не уменьшает страданий садистской личности, а всего лишь прикрывает их, приводя к еще большему страданию. «Жажда власти,— говорит Фромм,— это самое характерное проявление садизма»². Тем самым садистский механизм рассматривается как чрезвычай-

¹ Erich Fromm, *Escape from Freedom*, p. 180.

² Там же, стр. 189.

чайно типичный для капиталистического общества¹.

Мазохистский и садистский механизмы насильственно навязанной иррациональной мотивации формируют, по терминологии Фромма, либо «садистско-мазохистский», либо «авторитарный характер»; то есть в первом случае — стремление к безропотному подчинению авторитету, а во втором — стремление к абсолютной власти.

Это и есть реконструкция Фроммом фрейдовских анальной и оральной структур характера. Суть компульсивного механизма та же самая, только Фромм заменил фрейдовскую биологическую сексуальную теорию его происхождения теорией социального генезиса. Под «характером» Фромм понимает комплекс бессознательно-компульсивных механизмов, которые детерминируют чувства, поступки и мысли данной личности. Если группа людей — класс, нация — обнаруживает какие-то общие компульсивные механизмы, то он называет это «социальной структурой» характера. Позднее мы увидим, как Фромм использует авторитарную и садистско-мазохистскую структуры характера, чтобы частично объяснить фашизм в Германии.

Вторым компульсивным психологическим механизмом, рассматриваемым Фроммом, является неудержимое стремление к разрушению. Стремление к разрушению есть также попытка освободиться от невыносимого чувства бессилия и изоляции. На этот раз решение сводится к тому, чтобы разрушить мир и таким образом устранить причину нестерпимого чувства. Однако в итоге чувство безнадежности и одиночества лишь обостряется. Стремление к разрушению складывается из компульсивных механизмов враждебности и агрессивности. Это «иррациональное стремление к разрушению», ибо это не реакция на то, что заслуживает быть разрушенным, а внутренняя потребность разрушения, враждебности и агрессивности, которые находят свое выражение при

¹ Фромм реконструирует также эдипов комплекс на основе садистско-мазохистских механизмов. Он говорит о «магическом помощнике» — родителе или учителе, которому ребенок, обладающий мазохистским механизмом, подчиняется с самоотверженной преданностью. Позднее в юношеском возрасте и во взрослой жизни это компульсивно-иррациональное подчинение может быть перенесено на таких заменяющих отца и мать людей, как мужья, жены, хозяева или политические лидеры, и даже на своего собственного психолога (там же, стр. 174—179).

каждом удобном случае. Фромм говорит о «резервуаре разрушительности» внутри каждой личности, в которой сложился механизм разрушения. «Иррациональную разрушительность» характеризуют «разрушительные импульсы,— то есть страсть, свойственная личности,— которые всегда с успехом находят для себя объект». Комплексивно-иррациональный механизм разрушительности является фроммовской реконструкцией фрейдовского *инстинкта смерти* с его агрессивными и враждебными стремлениями. В этом реформированном варианте механизм разрушительности, стремление к убийству рассматриваются не как инстинкты, а как детерминированный капитализмом механизм бегства от невыносимой буржуазной негативной свободы. Чем больше стеснена при капитализме позитивная свобода, свобода жить полной жизнью и развивать свои потенциальные способности, тем больше, утверждает Фромм, жизненная энергия «подвергается процессу распада и превращается в энергию, направленную на разрушение». И далее он говорит, что «социальные условия, подавляющие жизнь, порождают страсть к разрушению...»¹ Фромм считает, что разрушительно-агрессивно-враждебный механизм насильственной мотивации составляет дополнительный компонент нацизма.

Третий важный психологический механизм Фромм называет «конформизмом автомата». Это тоже непреодолимое стремление бежать от свободы, от нестерпимого чувства бессилия и ничтожества, порожденное капиталистическим обществом. Этот механизм заключается, во-первых, в том, что индивид перестает быть самим собой и, во-вторых, в том, что он принимает тот тип личности, какой ему предлагает общество, в котором он живет. Он становится точно таким же, как и все другие, тонет в общей массе как существо, не отличающееся от других, и делается тем, кем, по «их» мнению, он должен быть. Фромм приравнивает этот механизм к защитной окраске, принимаемой некоторыми животными. Отказываясь от своего «я» и становясь личностью, соответствующей стандарту данной культуры, индивид может освободиться от присущих ему чувств одиночества и тревоги. Однако это лишь усиливает его чувство изолированно-

¹ Erich Fromm, *Escape from Freedom*, pp. 180—184.

сти и ничтожности, ибо утрата своего «я» составляет самое болезненное и мучительное состояние. Таким образом, механизм конформизма автомата столь же иррационален, как и садистско-мазохистский и разрушительный механизмы. Он не является реакцией на окружающие условия и поэтому совершенно не в состоянии устранить причины страдания и тревоги. Это внутреннее психологическое стремление затеряться и выработать конформистскую личность. «Конформизм автомата» — механизм компульсивный, а не реактивный, иррациональный, а не рациональный.

Однако личность, развившая в себе такой конформистский механизм, не обязательно осознает отчуждение своего «я» и ложный характер своих чувств, поступков и мыслей. Она подавила свое действительное «я» и отождествила себя с воспринятым «я» конформиста-автомата. Она принимает свои псевдомысли, чувства и поступки за свои собственные. Псевдомысли, чувства и действия бессознательно подменили настоящие мысли, чувства и поступки. Единственное средство обнаружить истинные мысли, поступки и чувства, то есть истинное «я» индивида, — это, согласно Фромму, применение психоаналитической техники толкования сновидений, свободных ассоциаций и анализа феномена перенесения. Таким путем можно перехитрить компульсивный механизм конформизма автомата, и аналитик, проникнув сквозь защитные механизмы и сопротивление, может обнаружить подлинное «я» индивида, скрытое в его бессознательной психике.

По поводу механизма конформизма автомата Фромм говорит: «Этот особый механизм и является тем выходом, который большинство нормальных индивидов находит в современном обществе». По словам Фромма, это самое распространенное непреодолимое стремление в капиталистическом буржуазно-демократическом обществе, и особенно в Соединенных Штатах. Но оно также характерно для фашизма, поскольку утрата индивидом своего «я» и замена его псевдо-«я» приводят к усугублению состояния тревоги, граничащего с паникой, и к усилению чувства беспомощности и опасности. «Таким образом, — говорит Фромм, — он готов подчиниться новым властям, предлагающим ему безопасность и избавление от сомнений». Автоматически конформистское псевдо-«я»

есть форма бегства от невыносимых чувств, но эти чувства всего лишь скрыты или подавлены компульсивным механизмом. Однако эти чувства, подобно фрейдовским инстинктивным влечениям, слишком сильны, чтобы быть полностью или навсегда подавленными, и они будут находить свое выражение в замаскированной форме или проявляться окольными путями — в снах, фантазиях, произвольных действиях и ассоциациях, а также в перенесенных отношениях и эмоциях. Задача психоанализа заключается в том, чтобы с помощью специальных технических приемов дать толкование этой замаскированной символики и вскрывать подлинное «я», подлинные нестерпимые чувства бессилия, страха и тревоги, под влиянием которых и сформировалась псевдоличность, компульсивный механизм автоматического конформизма.

Первопричиной этих и других психологических механизмов бегства Фромм считает капитализм и особенно монополистический капитализм. Вызванные им панические чувства в свою очередь порождают неотвратимое стремление к избавлению от этих невыносимых чувств. Это стремление, со своей стороны, порождает компульсивные механизмы бегства. Главное заключается здесь в том, что капитализм порождает не рационально-реактивные методы, такие, как использование знаний, истины и основанных на них эффективных средств, а иррационально-компульсивные механизмы, качественно ни в каком отношении не отличающиеся от невротических явлений. Поэтому Фромм говорит, что капитализм почти во всем мире порождает не психическое здоровье, а психические болезни. Конечным продуктом капитализма — когда речь идет об индивиде — являются неврозы. Поскольку Фромм считает, что общество состоит только из живущих в нем индивидов, то он утверждает, что современное общество, монополистический капитализм, является душевнобольным, невротическим. Поэтому он называет свою систему психоанализа «диагнозом болезни современной западной культуры»¹. «Западное» общество нездорово, и огромное большинство, если не все люди, в этом обществе в разной степени страдают пси-

¹ Erich Fromm, *The Sane Society*, Farrar, New York, 1945, p. 209.

хическими заболеваниями. По мнению Фромма, это связано с тем, что навязанная иррациональная мотивация заменила разум, знания и истину или, иными словами, рациональную деятельность. Во всем этом повинна невыносимая «негативная свобода», порожденная капитализмом.

Резюмируя разницу между невротической и рациональной деятельностью, Фромм говорит: «В случае последней *результат* соответствует мотивации деятельности, то есть человек действует с целью достижения определенного результата. В случае невротических стремлений действуют под влиянием компульсии, которая в сущности имеет негативный характер,— избегать невыносимой ситуации». Фромм подробно останавливается на невротической деятельности или невротических стремлениях: «Эти стремления действуют в направлении, которое лишь фиктивно служит выходом. В действительности же достигнутый результат не совпадает с теми целями, к которым стремится человек; неодолимое стремление избавиться от невыносимого чувства так сильно, что человек не в состоянии выбрать линию поведения, которая могла бы послужить выходом из тупика не в фиктивном смысле»¹. Для Фромма главное состоит в том, что невротическая деятельность является «нормальной» в смысле ее преобладания в подавляющем большинстве случаев. Капитализм порождает невротические, иррациональные, непреодолимые чувства, поступки и мысли. Иррационально-компульсивная невротическая деятельность направлена лишь к фиктивному *бегству* от последствий капитализма, но не преследует цели изменить его. В этом и заключается фроммовская реконструкция психоанализа. С другой стороны, здоровая рационально-реактивная деятельность была бы направлена не к бегству от капитализма, а к его превращению в общество, в котором рациональные человеческие потребности и стремления нашли бы полное развитие. Такая рациональная деятельность была бы направлена на превращение капитализма в социализм. То, что Фромм указал именно на такую перспективу, мы увидим позднее. А пока рассмотрим его анализ фашизма и политической демократии, который покажет, как

¹ Erich Fromm, *Escape from Freedom*, p. 154.

он понимает взаимоотношение между психологическими, или, точнее, психоаналитическими, и социологическими факторами.

Взаимодействие между психологическими и социологическими факторами у Фромма

Фромм считает, что с самого зарождения капитализма теми людьми — рабочими и предпринимателями, — которые оказались вовлеченными в водоворот капиталистических экономических отношений, овладели чувства одиночества и бессилия. Под влиянием этих невыносимых чувств у людей, живших даже в самую раннюю буржуазную эпоху, вырабатывались различные механизмы бегства, такие, как садистско-мазохистское, разрушительное и автомато-конформистское иррациональные стремления. Фромм утверждает, что развитие этих компульсивно-невротических механизмов было совершенно необходимым для дальнейшего прогресса капитализма и столь же важным, как рост промышленности и торговли, действительных предпосылок, а также результата их развития.

Капитализм, как считает Фромм, привел к возникновению компульсивной мотивации, но в то же время эта последняя служила обязательным условием подъема капитализма. Так, например, капиталисты выработали и продолжают вырабатывать в себе садистский механизм, иррациональную жажду власти, собственности, прибыли и накопления капитала, основанные на эксплуатации и страданиях народных масс, которые были вынуждены всецело подчиниться их воле. С другой стороны, рабочие развили и продолжают развивать в себе мазохистский механизм отказа от своего «я» и подчинения более сильной власти капиталистов. Таким образом, утверждает Фромм, и капиталисты и рабочие пытаются освободиться от присущего им нестерпимого комплекса чувств путем насильственной утраты своего «я», причем одни делают это в погоне за властью, а другие — в стремлении к подчинению. Эти компульсивные механизмы, согласно Фромму, были и остаются

важнейшим условием подъема и развития капитализма. Они являются также необходимой предпосылкой для перехода капитализма, основанного на свободной конкуренции, в стадию монополистического капитализма. Монополистический капитализм в одно и то же время и порождает и требует развития садизма и мазохизма, неодолимого стремления к власти со стороны монополистов и столь же неодолимого стремления к подчинению со стороны рабочих. Он способствовал также распространению мазохистского механизма среди мелких капиталистов, которых поглощают гигантские монополии.

В условиях буржуазного государства, говорит Фромм, главную роль играет компульсивный механизм автоматического конформизма. Это особенно справедливо для эпохи монополистического капитализма, требующего и порождающего конформизм в политической мысли. Народ верит в то, что мысли и убеждения монополистов являются его собственными мыслями и убеждениями, а кандидаты монополистов, политика монополий, монополистическая экономическая система — его кандидатами, его политикой и его системой. Приводимые Фроммом факты сами по себе справедливы и отражают действительное положение вещей. Однако существование явления еще не говорит о верности гипотезы, объясняющей его причины.

По мнению Фромма, монополистический капитализм порождает экономические и политические взгляды и идеи, детерминированные компульсивными психологическими механизмами, и сам является их продуктом. Действительно мысли и взгляды людей, живущих в условиях монополистического капитализма, являются в широком смысле мыслями и взглядами монополистов. Это можно объяснить гораздо проще на основе научного тезиса, согласно которому господствующими в данную эпоху идеями являются идеи господствующего класса общества, того класса, которому принадлежат и который контролирует институты, создающие общественное мнение, и средства его распространения среди широких масс. Разделять этот тезис — еще вовсе не значит утверждать, что мысли и взгляды людей являются компульсивными садистскими или мазохистскими и что общественно-экономическая и политическая система является продуктом таких невротических механизмов или их пер-

вопричиной. Фромм делает психологический фактор по крайней мере столь же важным и решающим, как и социологический. Подчеркивая невротический характер психологического фактора, он фактически в дальнейшем сводит психологический фактор к фактору психиатрическому или психоаналитическому.

Таким образом, по Фромму, психоаналитический фактор неразрывно связан с социологическим. Так Фромм реформирует принцип Фрейда, согласно которому бессознательная невротическо-компульсивная внутрипсихическая динамика играет роль движущей силы исторического развития. Фрейд пришел к этому выводу, ставя на первое место антигуманные инстинкты и их подавление обществом. Фромм приходит к тому же выводу, рассматривая психоаналитические компульсивные защитные механизмы «я» как по крайней мере равные по значению социологическим факторам.

Драматическое взаимодействие двух факторов можно наблюдать на примере анализа Фроммом нацизма. С одной стороны, Фромм считает, что социологическим фактором, порождающим нацизм, является реакционный союз финансового капитала и юнкерства. Этот союз под влиянием мирового экономического кризиса и поражения в войне положил начало империалистическому стремлению к переделу Европы и колоний. С другой стороны, по мнению Фромма, немногочисленная, но могущественная в финансовом отношении империалистическая группа не могла осуществить свою политику экспансии без предварительной нейтрализации рабочего класса, стремящегося к социализму, и не заручившись предварительно горячей поддержкой среднего класса и мелкой буржуазии. Первая задача была решена путем усиления в рабочем классе мазохистского компульсивного механизма, а также механизма автоматического конформизма, определяющих, по мнению Фромма, образ мышления трудящихся масс. Вторая задача решалась путем предоставления полной свободы выражения садистскому компульсивному механизму у представителей среднего класса и мелкой буржуазии. Эти средние слои стали массовой базой нацизма с его расизмом, пытками, зверствами и газовыми камерами. Так Фромм объясняет возникновение нацизма, показывая, что он в одинаковой степени обусловлен действием невротическо-

компульсивного механизма избавления от невыносимой негативной свободы и объективным фактором объединения монополистического капитала с юнкерством. Таким образом, при объяснении германского фашизма Фромм придает равное значение психоаналитическим и социологическим факторам.

Современная история, утверждает Фромм, будет неустанно колебаться, словно маятник, между капиталистической псевдodemократией и фашизмом до тех пор, пока поочередно будет брать верх один из двух психических механизмов — садистско-мазохистский или автомато-конформистский. Эти механизмы порождают капитализм и формы его политической гегемонии, а последние создают невротические механизмы. Это, по-видимому, порочный круг.

Единственный выход из такой дилеммы, говорит Фромм, — это замена капитализма социалистическим обществом. Социалистическое общество было бы психически здоровым обществом, но весь вопрос заключается в том, как его достигнуть.

„Здоровое общество“ Фромма

«Социализм — это единственное конструктивное решение», — прямо заявляет Фромм. Он утверждает, что только социализм может преодолеть отчуждение людей и вещей, эксплуатацию, кризисы и войны, психологические последствия изоляции, бессилия и тревоги, а также невротические механизмы бегства от негативной свободы, столь характерные для капитализма, особенно в период его монополистической стадии. Социализм означал бы приход рационального общества и рационального психического склада на смену буржуазному обществу и иррациональной психике. Социализм — это единственное решение, говорит Фромм, ибо его «задача заключается в полной реорганизации нашей экономической и социальной системы для освобождения человека от использования его в совершенно чуждых ему целях и создании такого общественного строя, который будет способствовать развитию человеческой солидарности, разу-

ма и творческих способностей, а не подавлять их»¹. Социализм — это единственный выход из положения, считает Фромм, это совершенно очевидно. Однако вся сложность в том, как найти правильный путь к созданию такого психически здорового общества.

Первый шаг, с которого начинаются поиски этого пути, должен заключаться в том, чтобы понять «трагическую ошибку Маркса». По словам Фромма, Маркс допустил трагическую ошибку, считая человека *разумным* существом. Ему была неизвестна великая истина, открытая Фрейдом: человек — это иррациональное животное, им управляют неодолимые невротические стремления, детерминирующие его мысли, поступки и чувства, а его хваленый *разум* есть не что иное, как раб его иррациональных, бессознательных импульсов, тогда как его рациональные мысли являются в значительной степени только *рационализациями*. Если бы Маркс знал это, он не считал бы обобществление средств производства основным фактором превращения капитализма в социализм, и точно так же он не рассматривал бы современный рабочий класс как главную движущую силу социалистической революции. «Маркс недооценил сложности человеческих страстей,— говорит Фромм.— Он недостаточно хорошо знал те страсти и влечения, коренящиеся в природе человека и в условиях его существования, которые сами по себе являются самой мощной движущей силой человеческого развития... Он не видел иррациональных сил в человеке, заставляющих его бояться свободы и рождающих в нем жажду власти и разрушения». На рабочий класс нельзя полагаться, считает Фромм, ибо те, кто его представляют, наряду с остальными людьми, живущими при капитализме, думают, действуют и чувствуют под влиянием невротической, бессознательной силы патологических психических механизмов бегства. Обобществление средств производства лишь заменило бы один управляемый компульсивной мотивацией класс другим классом: класс капиталистов — рабочим классом. Короче говоря, Маркс «не понял, что более совершенное общество не может быть создано людьми, не претерпевшими внутреннего морального перерождения». Переход к социализму может осу-

¹ Erich Fromm, The Sane Society, p. 277.

ществиться лишь после того, как люди излечатся от своих невротических неодолимых стремлений. Маркс, не признававший этого «факта», создал «чересчур упрощенный, чересчур оптимистический, рационалистический образ человека»¹.

В отличие от Маркса, считавшего человека разумным и психически здоровым существом, Фромм утверждает, что люди, живущие в капиталистическом обществе,— существа иррациональные, невротики с навязчивыми стремлениями, если не психически больные люди. Поскольку общество, по мнению Фромма, представляет собой простую сумму живущих в нем индивидов, постольку он говорит об иррациональном, невротическом, больном обществе, которое необходимо лечить теми же терапевтическими средствами, какими пользуется психоанализ при лечении отдельных индивидов. Общество можно изменить, лишь изменив индивидов, из которых оно состоит. Лечение общества означает лечение входящих в него индивидов. Это лечение требует, во-первых, чтобы индивид осознал свойственные ему неодолимые стремления бежать от негативной свободы и, во-вторых, чтобы он осознал свое подавленное бессознательное стремление к позитивной свободе. Лечение индивидуальной патологии является в то же время «лечением социальной патологии». Главный фактор социального преобразования не исторические силы, а, как говорит Фромм, «гуманистический психоанализ». Посредником, способным раскрыть бессознательные механизмы и подавление, является психоаналитик, представитель реформированной школы психоанализа, на котором и лежит вся ответственность за социальные преобразования, за превращение капитализма в социализм и т. д. Только он может привести к внутреннему перерождению индивидов, которые начнут создавать небольшие общины или ячейки социализма внутри старого общества. По мере того как все большее число индивидов будет излечиваться от заболеваний невротического характера, новое общество будет распространяться все шире и в конце концов вытеснит капиталистический строй. Когда-нибудь с помощью психоанализа излечится все человечество и социализм станет универсальной формой жизни на земле.

¹ Erich Fromm, *The Sane Society*, pp. 263—264, 265.

За интеллектуальной поддержкой Фромм обращается к социалистам-утопистам XIX века — Прудону, Фурье и Роберту Оуэну, а также к анархистам, синдикалистам и гильдейским социалистам. «Они обращали главное внимание на организацию труда и социальные отношения между людьми,— говорит Фромм,— а не на вопрос о собственности». Вслед за ними он подробно останавливается на целом ряде экспериментов с «участием в прибылях» в сельском хозяйстве, промышленности, торговле, проводившихся в Соединенных Штатах, Европе и Израиле, и утверждает, что решающую роль играет не собственность, а «принцип соучастия рабочих в управлении производством». «Главное здесь — не собственность на средства производства,— говорит Фромм,— а участие в управлении и принятии решений». Собственники, менеджеры и рабочие составляли бы в этом случае «бригаду», работающую вместе с другими «бригадами» на благо человечества, а не ради одной только прибыли. Фромм называет это направление «гуманистическим коммунитарным социализмом». Он говорит, что это движение было когда-то достаточно сильным, в частности, среди испанских и французских анархистов и синдикалистов и среди русских социалистов-революционеров. Однако до последнего времени оно все больше уступало место марксистско-ленинской ориентации, жалуется Фромм. Теперь, правда, оно снова возрождается, хотя и «в менее догматической, менее идеологической, а следовательно, в более реальной и конкретной форме», то есть в той форме, какую ей придал главным образом психоанализ с его теориями невротическо-компульсивной структуры характера современного человека.

Если вначале Фромм открыто осуждал цинизм и пессимизм Фрейда в отношении будущего развития индивида и общества — Фрейд считал, что будущее приведет лишь к еще более тяжелым неврозам и более разрушительным войнам,— то теперь у него самого звучит нота отчаяния. Он считает, что американский капитализм и советский социализм становятся все более идентичными и что эти два гиганта разрушают маленькие гуманистические коммунитарные общины. «Каковы в таком случае перспективы на будущее?» — спрашивает Фромм и отвечает: «Первое и, пожалуй, наиболее веро-

ятное — это атомная война». Но даже если удастся избежать войны, то поскольку и индивид и общество психически больны, тенденция к превращению в «автоматы-роботы» может лишь возрасти в еще большей степени. «Нам угрожает война и превращение в роботов», — говорит он и добавляет, что, хотя есть еще некоторая надежда, «тени сгущаются, голоса безумия становятся все громче»¹.

Так как, согласно диагнозу Фромма, все люди страдают психическими заболеваниями, то единственную надежду он возлагает на индивидуальное лечение членов общества от безумия, а поскольку для осуществления этой задачи недостаточно психоаналитиков и тем более аналитиков гуманистического реформированного направления, то в итоге Фромм приходит к полной безнадежности. Война и самоуничтожение неизбежны, и таким образом полностью восстанавливается в правах фрейдовский инстинкт смерти. Нельзя избежать фрейдовских выводов, сохраняя фрейдовские послышки, будь они в ревизованной или реформированной форме. Если исходить из того, что невротические стремления детерминируют психическую жизнь человека, то неизбежен вывод, что люди оказываются во власти тьмы и отчаяния. А отсюда и невозможность успешного сопротивления войне, невозможность эффективной социальной революции. Таким образом, несмотря на личные чувства самого Фромма и даже на его участие в борьбе в защиту мира, за запрещение атомной бомбы и высказывания в пользу некоторых форм социализма, его теория, его теоретическая реформация психоанализа делает все это в конечном счете невозможным. Пользуясь основной психоаналитической схемой, он в конце концов сформулировал еще одно психоаналитическое толкование существующего порядка, и это несмотря на тяжкие обвинения, которые он предъявляет капитализму, и особенно монополистическому капитализму.

В начале этой главы было сказано, что для реформации Фрейда Фромм прибегает к учению Маркса, или, вернее, к своей собственной односторонней версии учения Маркса. Теперь, подводя итоги, можно сказать, что

¹ Erich Fromm, *The Sane Society*, pp. 274, 284, 323, 225—226, 363.

он использует систему Фрейда, чтобы реформировать, если не отвергнуть учение Маркса.

Своим анализом капитализма и его влияния на людей Фромм создает порочный круг, выход из которого может предложить только психоаналитик: капитализм в массовом масштабе производит невротиков, а невротики в свою очередь порождают и увековечивают массовый невроз, каким и является капитализм.

Психически больное общество порождает психически больных людей, а больные люди являются носителями характерных особенностей этого общества. В то же время Фромм рассматривает психически здоровое общество, социализм, который будет производить психически и физически здоровых людей. Однако трудности возникают сразу же, как только встает вопрос о путях создания такого общества. Поскольку люди, живущие в капиталистическом обществе, якобы все психически нездоровы и поэтому неспособны ни вырваться из этого психически больного общества, ни построить социализм, то единственно возможное решение дилеммы заключается в лечении отдельных невротиков, которые затем должны построить маленький социалистический оазис среди капиталистической пустыни. Поэтому ключ к будущему человека — индивида и коллектива — нужно искать в лечении психических болезней, чем и занимаются психоаналитики. Следовательно, психоаналитики играют главную роль в переходе от капитализма к социализму. Ставка на моральное совершенствование отдельного человека всегда составляла отличительную особенность утопического социализма. Фромм превращает утопическую теорию в утопическую терапию. Моральное совершенствование является средством лечения невроза, а преобразователем общества становится психоаналитик, представитель школы реформированного психоанализа.

Реформация психоанализа

У реформаторов психоанализа противоречия внутри психоаналитической теории оказа́лись еще более глубокими. Эти противоречия возникли вначале как результат воздействия развития науки на ортодоксальный фрейдизм. Замкнутая, монолитная система, с таким старанием сконструированная Фрейдом, под влиянием успехов в развитии антропологии дала значительную трещину. Всеобщий отказ от мифа о первобытной орде привел к отрицанию доисторического источника врожденных психических механизмов. Ревизия психоанализа явилась попыткой спасти бессознательное «оно» ценой отказа от его родового происхождения. Эта уступка науке, сама по себе непоследовательная, нарушила последовательность дотоле цельной теоретической системы. Фрейдизм перестал быть единым целым, где все элементы бессознательного выводились из предполагаемого опыта первобытного человека. Отныне нельзя было больше утверждать, что развитие психики индивида предопределено расовыми воспоминаниями и неизбежно повторяет ход доисторического развития.

Ревизованный фрейдизм оказался в незавидном положении теории, вынужденной опираться на врожденные воспоминания о несуществовавших событиях. Одно дело — приписывать человеку комплекс Эдипа при условии, когда утверждается, что его составные элементы являются бессознательными врожденными воспоминаниями об определенной поре в истории человечества, и совершенно другое дело, когда приходится говорить о воспоминаниях, связанных с возникновением комплекса Эдипа, и одновременно отрицать существование такого периода в истории человечества. Отрицание одного элемента теории неизбежно требовало отказа от другого ее

элемента. Если таких событий не было, то, естественно, не могло быть и воспоминаний об этих событиях, даже бессознательных. И никакие объяснения не могли скрыть этого противоречия. Либо существует источник врожденных воспоминаний, либо последние суть вымысел. До сегодняшнего дня большинство психоаналитиков предпочитают обходить молчанием это роковое противоречие и действуют в своей практике и теоретических работах так, как если бы его просто не существовало.

Хорни и Фромм распахнули заветную дверь, за которой тщательно скрывались семейные тайны. Гнев, который обрушивают на них вот уже двадцать лет фрейдисты, поистине безграничен. Реформаторов и их последователей предают анафеме, подвергают отлучению, изгоняют из ассоциаций. Их никогда не простят, ибо они совершили преступление из преступлений, равносильное предательскому поцелую Иуды. Они указали на непоследовательность теории и предложили избавиться от нее ценой отказа как от врожденных воспоминаний, так и от доисторических событий, с которыми последние якобы связаны. Таким простым и честным актом они освобождались от противоречия ревизованного психоанализа, но тем самым подрывали теоретические основы классического фрейдизма. Без опоры на врожденные воспоминания-влечения бессознательное «оно» перестает существовать, а без него система Фрейда рушится как карточный домик.

Если бы это разоблачение фрейдизма шло не изнутри, если бы Хорни, Салливен и Фромм не были сами психоаналитиками, то их заключение о теоретической несостоятельности системы Фрейда могло бы привести к краху психоанализа как определенного подхода к явлениям психической жизни. Но этого не случилось. Все трое во что бы то ни стало стремились сохранить суть психоанализа, прежде всего за счет отказа от его фрейдистской формы. Последняя была принесена в жертву. Тогда перед реформаторами встали две задачи: надо было решить, в чем суть психоанализа и как ему придать другую, нефрейдистскую форму, то есть как его реформировать.

Свое понимание сущности психоаналитического подхода к человеческой психике реформаторы раскрывали в следующих положениях: 1) мышление, чувства, побу-

ждения и поведение человека детерминированы бессознательными, внутриспсихическими силами; 2) эти силы, будучи глубоко скрыты в человеческой психике, недоступны для сознания; 3) им, однако, удается проникнуть в сознание, но только в замаскированном символическом виде; 4) технические приемы, открытые Фрейдом, представляют собой не что иное, как те основные средства, с помощью которых удается схватить материал бессознательного и расшифровать его, в результате чего становится возможным довести бессознательные силы до сознания; 5) сознательное «я» всеми силами оказывает сопротивление этим попыткам; 6) только благодаря длительному и болезненному процессу удается преодолеть сопротивление и раскрыть бессознательные мотивы; 7) и наконец, как излечение от невроза, так и изменение характера зависят от возможности превращения бессознательного в сознательное. Несмотря на некоторые частные различия, все реформаторы принимают пять основных положений, которые, вместе взятые, и составляют существо психоанализа независимо от его частной фрейдистской формы. Одновременно они разделяют и общий взгляд на реформацию психоанализа.

Хорни и Фромм в общих чертах одинаково представляют картину психических коллизий человека: «я», которому угрожают непреодолимые противоречивые и враждебные силы социального окружения, создает бессознательные защитные механизмы, детерминирующие затем мышление, чувства, мотивы и поведение индивида. Но последний не осознает насильственную навязанность бессознательных механизмов и полагает, что действует сознательно и целесообразно. Особенности структуры его характера и личности коренятся в бессознательных защитных механизмах его «я», и он всеми возможными способами будет сопротивляться любым попыткам заставить его считаться с «фактами». Фрейдовские технические приемы толкования сновидений, свободных ассоциаций, явления перенесения вместе с переводом их символического языка являются теми главными средствами, с помощью которых компульсивные защитные механизмы пробиваются в сознание, несмотря на оказываемое им сопротивление. Этот длительный и мучительный процесс превращения бессознательного в сознательное и составляет сущность психоанализа, ближайшей

целью которого является снятие «невротических» симптомов, а конечной — преобразование личности путем превращения насильственно навязанных стремлений в рациональные побуждения.

Тождество и различие между фрейдизмом и реформированным вариантом психоанализа можно показать, противопоставив их лозунги. Знаменитое положение Фрейда: «Там, где было «оно», пусть будет «я» — является прямой *противоположностью* реформистскому лозунгу: «Там, где были защитные механизмы «я», пусть будет «я» при *тождестве* их *по существу*. Их тождество обусловлено требованием «превратить бессознательное в сознательное». Различие же сводится к тому, *что* должно быть превращено в сознательное: в первом случае бессознательное выступает в виде «оно», во-втором — в форме защитного механизма «я». *Средства*, с помощью которых достигается превращение бессознательного в сознательное, в обоих случаях одни и те же, то есть фрейдовские технические приемы. Последние являются профессиональным *sine qua* поп психоаналитической практики, фрейдистской или любой другой. Поэтому если требуется теоретическое обоснование такой практики, то необходима определенная психологическая система, признающая бессознательные побуждения, сопротивление их проникновению в сознание и факт их проникновения в сознание под видом замаскированных символов. Получившее необходимое теоретическое обоснование толкование образов-символов, проявляющихся в сновидениях, свободных ассоциациях и перенесенных эмоциях, становится совершенным логическим средством превращения бессознательного в сознательное. И классический, и реформированный фрейдизм приводят все необходимые доказательства в пользу применения этих технических приемов в своей психоаналитической практике.

Придерживаясь общих взглядов на реформацию психоанализа, ведущие реформаторы расходятся в деталях. Так Карен Хорни сохранила понятие врожденных психических стремлений, хотя и свела их к двум биологически обусловленным общим потребностям: потребности в безопасности и потребности в удовлетворении. В современном обществе обе эти потребности, о которых она говорит, не только противоречат друг другу, но и обре-

чены на крушение. Ребенок рано познает всю тяжесть этой жизни и вырабатывает защитные механизмы против боли, разочарования и тревог, которые ожидают его в будущем. Эти защитные механизмы, выработанные в детстве, становятся той бессознательной основой, на которой строится представление взрослого человека о самом себе. Таким образом, «я» находит поддержку в присутствии человека с детства защитных механизмах, и это «я» непременно будет оказывать самое яростное сопротивление всему, что может ему угрожать со стороны семьи, друзей, учителя, хозяина, супруга или психоаналитика. «Я» угрожает окружающая среда, а не «оно», как у Фрейда. Сознание, с ее точки зрения, оказывается в тисках не между непримиримыми бессознательными влечениями и табу врожденного «оно», с одной стороны, и «сверх-я» — с другой, а в тисках между невыносимыми требованиями враждебного личности общества и защитными механизмами против него. «Я» и его защитным механизмам угрожают скорее внешние социальные силы, чем внутренние влечения бессознательного «оно».

Хорни первая приступила к реформации психоаналитической теории. Другие, следуя ее общим теоретическим принципам, внесли свои уточнения. Салливен полностью отказался от понятия врожденных сил или потребностей, положив в основу своей психоаналитической теории межличностные отношения. По его мнению, у ребенка развиваются компульсивные механизмы, необходимые для установления контакта с социальной средой; в дальнейшем они составят основу той или другой структуры характера взрослого человека. Сознание зрелого индивида, согласно Салливену, опирается на бессознательные механизмы «я», так называемые самодинамизмы, и будет оказывать сопротивление любой угрозе, откуда бы она ни исходила, в том числе и от аналитика. Таким образом, он приходит к тому же выводу, что и Хорни, хотя и несколько иным путем. Основное его отличие состоит в том, что он признает исключительную роль за факторами среды и не обращается к каким бы то ни было врожденным психическим элементам.

В своих ранних работах Фромм придерживался концепции Хорни о враждебном характере современного общества, но подробно останавливался на тех чертах

капитализма, которые оказывают травмирующее воздействие на индивида. Последнее настолько болезненно, по мнению Фромма, что сознание человека не выдерживает прямого столкновения с действительностью и в целях самозащиты создает бессознательные защитные механизмы в форме бегства от свободы и рациональности. Эти механизмы составляют основу формирования структуры характера индивида. Любой попытке изменить их бессознательный характер «я» оказывает самое яростное сопротивление.

Таким образом, ведущие реформаторы приходят к одинаковым выводам, хотя и несколькими различными путями. Каковы бы ни были их различия, все они, реформируя психоаналитическую теорию, стремились дать вполне адекватное обоснование для применения фрейдовских аналитических приемов как для достижения главной цели — изменения характера, так и для решения более частной задачи, а именно терапевтического лечения «невротических» симптомов. Что касается лечения невроза, то цель, которую ставил перед собой реформированный психоанализ, совпадала с тем, к чему стремился ортодоксальный и ревизованный фрейдизм, то есть восстановление здоровья больного. Однако способы, применяемые для достижения данной цели, были различными. Реформаторы смотрели на терапию как на средство, могущее укрепить защитные механизмы «я», обеспечить их большую эффективность в защите «я» от угрожающей ему внешней среды. В итоге излечившийся больной мог вернуться к нормальной повседневной жизни в кругу семьи, на работе и в обществе. Фрейд называл это «приспособлением» больного к социальной среде и считал ближайшей целью психоанализа. Конечной целью реформаторов было коренное преобразование характера, в результате чего индивидуальное сознание становилось полностью рациональным, совершенно независимым от бессознательных, иррациональных, эмоциональных, импульсивных защитных механизмов. Это могло быть достигнуто только путем разрушения защитных механизмов «я» и замены их восприятием, интеллектом, мышлением, логикой и рассуждением.

Факторы приведшие к реформации психоанализа

В своей практике и теории психоаналитики-реформаторы уделяли мало внимания специфическим невротическим симптомам, методам и средствам их лечения и занимались почти исключительно проблемой изменения характера. Это зависело не столько от их субъективного желания, сколько от того факта, что существенно изменился тип больных, обращающихся за помощью к психоаналитику. Если раньше большинство больных действительно страдало невротами и потому достижение ближайшей цели было основной задачей психоанализа, то начиная с 30-х годов все большее число людей обращалось за помощью к психоаналитикам не как больные в строгом смысле слова, а как люди, нуждающиеся в помощи и защите от воздействия невыносимо сложной социальной среды. Такого рода «больных» в 30-е годы было большинство, а в 50-е аналитики любой ориентации только ими и занимались. Таким образом, конечная цель психоанализа — изменение характера — стала его первостепенной задачей. Новый тип больных жаловался скорее на «неудачи», «беспокойство», «чувство одиночества», «разочарование», «ощущение вины», «неприспособленность», чем на специфические невротические, то есть неврологические, или патофизиологические, симптомы.

Появление нового типа больных было, по всей вероятности, одним из тех факторов, которые способствовали развитию реформированного психоанализа. Этот внешний фактор, содействуя развитию противоречия внутри ревизованного психоанализа, ускорил процесс его внутреннего преобразования. В результате действия этого и ряда других факторов возникла социально ориентированная форма психоанализа вместо прежнего фрейдизма с его ориентацией на врожденные сексуальные влечения. Главными среди этих факторов были депрессия 30-х годов и антифашистская война 40-х годов. Эти потрясшие мир события резко контрастировали с тем, чему посвящал все свое внимание Фрейд, то есть

личными и семейными душевными драмами, обусловленными врожденными причинами. Нельзя было больше, как в первые десятилетия этого века, ограничиться только миром своего «я» и семьи. Силы всемирного характера прорвали замкнутую цепь «оно — я — сверх-я» и потребовали к себе более реального подхода. С этой позиции реформация фрейдизма может рассматриваться как попытка психоанализа приспособиться не только к новому типу больных, но и к изменившемуся миру, в котором нельзя было больше игнорировать происходящих событий.

Кроме депрессии и войны, к числу событий, коренным образом изменивших мир, следует отнести целый ряд социалистических революций, начиная от русской и кончая китайской. Одна треть населения мира живет в условиях социализма и руководствуется философией и социологией марксизма. Поэтому последний нельзя больше ни игнорировать, ни замалчивать, ни предавать забвению. Марксизм был одним из тех внешних факторов, который оказал воздействие на развитие противоречий внутри фрейдизма, ускорив его реформацию.

Новый, строго говоря не невротический тип пациента, депрессия, война и марксизм явились теми внешними силами, которые оказали сильное влияние на фрейдизм. Оно дополнялось все усиливающейся теоретической беспомощностью ревизованного психоанализа, который все больше подчеркивал роль окружающей среды, защитных механизмов и вторичных процессов «я». В результате была создана реформированная аналитическая система, оперирующая скорее социальными понятиями, чем врожденными силами.

Реформированный психоанализ с удивительной легкостью завоевывал себе приверженцев, особенно в годы кризиса 30—40-х годов, находя их среди либерально и прогрессивно настроенных представителей средних слоев общества. Последние иногда присоединялись к хору ниспровергателей капитализма, а наиболее смелые из них даже открыто поддерживали марксизм, одновременно проявляя полное доверие к реформированному, социально ориентированному психоанализу и негодующе, яростно критикуя «такого реакционера, как Зигмунд Фрейд», с его бессознательным «оно» и инфантильными пансексуальными теориями.

Новый социально ориентированный психоанализ столкнулся, однако, с целым рядом своих собственных трудностей, которые в сущности отражали коренное противоречие реформированного психоанализа. Это-то противоречие и побудило Фромма в своих последних работах вернуться к классическому фрейдизму с его врожденными механизмами в надежде преодолеть это противоречие.

Основное противоречие реформированного психоанализа

Как уже отмечалось, в центре внимания реформированного психоанализа стояло скорее изменение характера, чем патологические синдромы невроза. Это было прямым следствием изменения типа больных. Говорили, что новые «больные» — невротики, но страдающие не от невроза. С точки зрения неврологии они были здоровыми. Первая трудность состояла в том, как здорового человека назвать невротиком. Психоаналитик отвечал, что невротическая структура характера или личности является универсальной в современном обществе. Универсальный характер неврозов Фрейд объяснял тем, что людям присущ неразрешимый внутриспсихический конфликт между влечениями «оно» и требованиями цивилизованного общества, воплощенными в «сверх-я». Реформаторы, стремясь как-то теоретически обосновать свою психоаналитическую практику, применяемую к людям, в сущности здоровым, вынуждены были тоже признать, что невротическая личность является универсальной. Для этого им пришлось предположить, что капитализм — источник всеобщего травмирующего опыта, который породил у всех людей защитные механизмы «я».

Таким путем теоретики реформированного психоанализа преодолели первое затруднение, решив вопрос о том, как здорового человека подвести под категорию невротика. Такое решение вопроса вызвало, однако, новые трудности. За признанием универсальности невротической личности с необходимостью должно было последовать признание иррациональности и враждебности капитализма, отрицание за данной социальной средой

каких бы то ни было положительных моментов. Последняя должна оказывать на людей исключительно травмирующее воздействие. И в то же время реформаторы утверждали, что целью реформированного анализа является изменение характера или личности и переход от иррациональной компульсивной мотивации к рационально-реактивной мотивации. Лишившись защитных механизмов, обновленная личность может рассчитывать только на свои восприятия, интеллект, логическое мышление и рассудок. Теоретические трудности возникают тогда, когда обновленной личности приходится снова вернуться в то самое иррациональное, враждебное ему капиталистическое общество, которое вызвало к жизни как защитные механизмы «я», так и саму невротическую личность. Только теперь эта освобожденная личность вынуждена приспособливаться к капитализму с его универсальным травматизмом без своих защитных механизмов. Ее интеллекту и рассудку приходится иметь дело с тем, что было охарактеризовано как абсолютно иррациональная враждебная среда. Ее новые психические механизмы не годятся, ибо как разум может понять то, что по *определению* не поддается разумному объяснению? Остается предположить, что измененный человек должен либо тут же покончить самоубийством, либо в целях простого самосохранения изменить свои старые защитные механизмы и, следовательно, свою невротическую личность, другими словами, выход в «бегстве от свободы».

Эта трудность уже у Хорни превратилась в противоречие. Незадолго до смерти она начала высказывать сомнения относительно возможности действительного изменения характера в условиях существования капитализма. Возможно, анализ мог лишь способствовать развитию более эффективного комплекса защитных механизмов «я», необходимых для приспособления индивида к капиталистическому окружению. Фромм, однако, не хотел удовлетвориться ближайшей целью психоанализа и выдвинул в качестве решения проблемы свою концепцию преобразованного рационального общества. Перед измененным сознательным индивидом могло и не возникнуть дилеммы — самоубийство или восстановление прежних защитных механизмов, — если бы ему удалось вернуться не в старое иррациональное, враждебное

ему капиталистическое общество, а в такое рациональное продуктивное общество, как социализм.

Вся трудность состояла в том, что капитализм в Соединенных Штатах был в полном расцвете сил. Может быть, новой личности в таком случае следует уехать в Советский Союз? Это, по мнению Фромма, не решает проблемы, ибо Советский Союз, согласно Фромму, не может быть рациональным продуктивным обществом. Разве это общество не создали люди, унаследовавшие свои защитные механизмы и невротические характеры от иррационального и враждебного им общества царской России? Не изменив характера с помощью психоанализа, основатели Советского Союза, утверждает Фромм, могли создать лишь другое иррациональное и враждебное общество. Только обновленные с помощью психоанализа индивиды способны построить действительно новое социалистическое общество. СССР же, заключает Фромм, порождает социальные условия ничуть не лучше, не разумнее и не гуманнее, чем капитализм.

Как же в таком случае Фромм решал эту проблему? Люди с измененными посредством анализа характерами должны объединиться в небольшие коммуны, образуя идеальные социалистические ячейки, которые со временем станут образцом для подражания в масштабе всей страны. Это был по сути дела призыв осуществить старую идею утопических социалистических коммун. Беда в том, говорит Фромм, что опыты, проведенные как в Нью-Хармони и Брук Фарм, так и в других местах, потерпели неудачу. Как возможное решение проблемы он предлагает провести эксперименты, при которых труд был бы организован на кооперативных началах и в качестве примера указывает на Шоколадную компанию в Херши, Пенсильвания. Но даже сам Фромм не мог долго всерьез относиться к своим предложениям.

Именно неспособность решить данный вопрос привела Фромма в середине его научной карьеры к кризису. Изменение характера, как того требовал и чем занимался реформированный психоанализ Фромма, Салливена и Хорни, натолкнулось на противоречия. Фромм должен был или ограничиться ближайшей целью — приспособлением пациента к существующему обществу, — или вообще отказаться от реформированного психоанализа. Та-

кая альтернатива обусловлена самими предпосылками реформированного психоанализа. Идею универсальности невротической личности можно было утверждать лишь на основе признания всесилья капиталистического зла. Не желая или будучи не в состоянии согласиться на меньшее, Фромм в результате оказался перед необходимостью отказа от той социально обоснованной психоаналитической системы, которую Хорни, Салливен и он сам с таким упорством создавали в течение 20 лет.

Такое решение, по-видимому, нелегко далось Фромму. Да и всегда не просто для ученого признать несостоятельность теории, которую он создал, развил и в защиту которой написал целые тома. Подобное признание требовало мужества, и Фромм нашел его в себе.

Он сам поставил себя перед необходимостью такого решения, сделав все логические выводы из реформированной психоаналитической системы. В результате психоаналитическая теория оказалась в полном тупике. Обновленный индивид либо должен вернуться в то же капиталистическое общество, и, следовательно, ему пришлось бы отказаться от своего приобретенного характера и опять превратиться в невротическую личность, либо найти или создать новое, так называемое «социалистическое» общество. Но последнее не может якобы существовать, так как значительное большинство человечества состоит из невротиков и не способно поэтому создать новое общество. Это был замкнутый круг, из которого реформированный психоанализ не мог найти выхода. Ранние работы Фромма можно рассматривать как изучение выводов, логически вытекающих из реформированного психоанализа. Стоило ему убедиться в нелепости того окончательного вывода, к которому он пришел, как он оказался в ловушке. Впереди — безвыходный тупик, позади — сожженный мост социального приспособления, та ближайшая цель психоанализа, которая служила главной мишенью для насмешек в течение двух десятилетий. Он не мог идти вперед, но он не мог и вернуться назад. Фромму ничего не оставалось, как признать, что то изменение характера, которое предлагал реформированный психоанализ, явно бесполезно. Еще большим абсурдом был отказ от изменения характера и возвращение к идее совершенствования защитных механизмов «я» в целях приспособления «невротиче-

ка» к «среде». Ранние работы Фромма, особенно его «Бегство от свободы» и «Здоровое общество», полезны тем, что раскрывают банкротство реформированного психоанализа. Отказ Фромма от своих прежних взглядов также свидетельствует об этом банкротстве. Негативная часть его работы была вполне правильной. Но, проделав ее, он должен был бы пойти дальше.

Какова бы ни была логика рассуждения Фромма, объективно он стоял перед следующим выбором: или совершенно отказаться от психоанализа, или сделать новую попытку его реконструировать. В последнем случае ему пришлось бы снова вернуться к Фрейду, учитывая, однако, то недавнее тяжелое поражение, которое он потерпел, придав классическому фрейдизму социальную ориентацию. В противном случае он должен был бы принять или создать психологию, не имеющую ничего общего с психоанализом. При этом он мог бы сохранить те аспекты своего реформированного психоанализа, которые были явно несовместимы с последним, а именно общую социальную ориентацию, исследование природы капитализма, признание марксизма и интерес к таким явлениям, как восприятие, интеллект, мышление, логика, познание, эмоции и идеи, разум, любовь, творческая жизнь, свобода, счастье и благосостояние. Придерживаясь такой ориентации и изучая подобные явления, интересы и стремления, для которых не было места в психоаналитической теории, Фромм при его упорстве, уме и настойчивости мог бы найти какой-нибудь рациональный подход к человеческой психике.

Однако Фромм избрал первый путь, решив не покидать спокойной гавани психоаналитической теории. Фактически, чтобы начать ее реконструкцию, он проделал длинный путь назад к фрейдовской классической системе с ее врожденными воспоминаниями и ссылками на доисторическое первобытное общество. Если Фрейд считал врожденные воспоминания бесчеловечными и разрушительными, то Фромм представлял их как гуманные и творческие. Если у Фрейда человек от природы бесчеловечен, а подавление необходимо для развития общества и человеческих ценностей, то, по мнению Фромма, человек от природы гуманен, а подавление и само общество бесчеловечны. Таким образом, реконструкция классического психоанализа Фроммом привела к тому, что

теория Фрейда была поставлена с ног на голову. Этот прием дал возможность Фромму спасти не то, что было несовместимо с психоанализом, а то, что полностью ему соответствовало, а именно компульсивные защитные механизмы «я».

В третьей части книги анализируется то, как Фромм реконструировал классический психоанализ Фрейда, а также те трудности и противоречия, которые в результате этого возникли. Предварительно будут рассмотрены две основные предпосылки реформированного психоанализа и то решение, которое мог бы выбрать Фромм. Это даст возможность взглянуть на реформированный психоанализ не только с точки зрения его внутренней непоследовательности и тех нелепых выводов, к которым он ведет, как это было сделано выше, но и дать ему оценку с точки зрения науки и философии, с которыми он вступает в резкое противоречие.

Две предпосылки реформированного психоанализа

Те самые две гипотезы, которые создали внутри реформированного психоанализа его собственные неразрешимые трудности, привели его также и к открытому столкновению с наукой и философией. Предположение, что капитализм совершенно иррационален и разрушителен, резко противоречит таким наукам, как история и политическая экономия. В то же время утверждение о совершенной иррациональности, бессознательности и навязанности мотивов индивида находится в прямом противоречии с учением о высшей нервной деятельности и рефлексорной теорией сознания.

Капитализм как нечто совершенно иррациональное и разрушительное

Для представителей среднего слоя — интеллигенции — положение об иррациональности и разрушительности капитализма вполне может звучать как самоочевидная истина. Стоящему вне всяких организаций, одинокому и беззащитному, зажатому в тисках между двумя противоборствующими гигантами и совершенно запутавшемуся в бесконечном лабиринте сталкивающихся между собой факторов представителю интеллигенции современное общество и впрямь должно казаться чем-то отрицающим разум и разрушающим все человеческое. Если бы подобный взгляд оказался действительно верным, для человечества не оставалось бы ни надежды, ни

будущего, ни возможности построить общество, более отвечающее потребностям и устремлениям людей. Если бы под внешней бессмысленностью и нигилизмом не скрывалась внутренняя логика истории и положительные результаты человеческих деяний, то сторонники реформированного психоанализа оказались бы правы в своей целиком отрицательной оценке капитализма, а их характеристика его как универсального источника болезненных переживаний, порождающих свойственную нашему времени невротическую личность, была бы теоретически оправдана.

Реформированный психоанализ принимает во внимание лишь одну группу фактов — отрицательное, иррациональное, разрушительное в капитализме, индивиде и его переживаниях. Ограничиваясь одной этой группой фактов, он совершенно извращает истинное положение вещей: капитализм нигилистичен, индивид аннигилируется, а его чувства превращаются в невротический результат этого двойного нигилизма.

Реформаторы психоанализа не одиноки в своем стремлении связывать подобный нигилистический взгляд на общество и человека с обусловленным им невротическим взглядом на характер. Это стремление проходит красной нитью в господствующем течении современной серьезной литературы, театра и кино Америки, а также — можно добавить — и Европы. Здесь, несомненно, налицо взаимодействие между реформистской психологией и психологическими продуктами культуры.

Яркий пример тому можно найти в произведениях американского драматурга Теннесси Уильямса. В большинстве его последних пьес в качестве фона выступает хищническое общество, разрушающее под влиянием капитализма идеализированный «южный образ жизни». Этот фон он затем использует как источник травмы, которая еще до того, как в первом акте поднимается занавес, породила один или несколько невротических персонажей данной пьесы. Разворачивающаяся потом драма — это история болезни или переплетение нескольких историй, развивающихся от сравнительно легкого невроза к разного рода психопатическим проявлениям, чаще всего имеющим форму грубого насилия, в том числе и самоубийства, кастрации и даже людоедства. Неизбежность такого драматического конфликта вытекает из

заранее предопределенного течения психического заболевания, развивающегося от самозащиты индивида путем бегства в иллюзии к разрушению последних. В этот момент обнаженное «я», с которого сорваны все защитные покровы, либо наносит удар, калеча кого-то в результате акта насилия, либо же приносит себя в жертву и подчиняется монолитному обществу зла, которое наносит индивиду смертельный удар.

Хотя пьесы Уильямса изобилуют тем, что можно назвать комплексами Эдипа и кастрации, композиция драмы заимствуется не у Фрейда, а в реформированном психоанализе. Невротические и психотические характеры предопределяются не родовым «оно», а скорее навязанными извне защитными механизмами против социальной травмы. Таким образом, реалистическая театральная форма Уильямса, в которой развитие характеров происходит внутри некоторой социальной структуры, уступает место истории болезни, развивающейся на фоне социальных условий, порождающих травму. У персонажей Уильямса существует противоречие не между тенденциями человечности и античеловечности, а между уже существующими невротическими симптомами и развивающимися психопатическими синдромами. Интересно в этой связи отметить, что, в то время как его персонажи испытывают всяческие чувства вроде разочарования, одиночества, гнева, ненависти и бунтарства, находятся во власти разрушительных и неистовых стремлений и по крайней мере однажды на протяжении каждой пьесы совершают робкие и заранее обреченные попытки проявить нежные чувства, они, однако, в лучшем случае очень редко испытывают чувство тревоги или вины по поводу отсутствия у них истинно человеческих качеств. Таким образом, персонажи Уильямса являются в этом смысле конформистами в рамках своего неконформистского поведения. Нет такого человеческого качества, которому противопоставлялся бы их античеловечный конформизм, а значит, нет и реального конфликта, нет настоящего осознания, подлинной тревоги, пронзительного чувства вины. Не принимая в расчет этого внутреннего противоречия между человечностью существа и его античеловеческими устремлениями, нельзя охарактеризовать персонажи Уильямса и их клинически предначертанную

судьбу. Обычной реакцией на любую пьесу Уильямса является состояние глубокого шока и зачарованности, сочетающееся с величайшим восхищением перед ним как мастером своего дела, драмы беспокойных чувств.

Возможно, что отсутствие чувств тревоги и вины у персонажей пьес Уильямса указывает и на слабость реформированного психоанализа. Если нет противоречия или столкновения человеческих и античеловеческих качеств внутри одного характера, не может быть в сущности и никакого чувства вины из-за недостатка человечности. Возможно, из-за различий, существующих между изложением определенных взглядов и художественными произведениями, Фромм может *абстрактно утверждать*, что невротический автомат с заданными извне свойствами тем не менее способен испытывать чувство вины и при отсутствии качеств человечности, в то время как драматург, которому нужно создать конкретные характеры, не может заставить их выразить чувство вины — ведь при отсутствии противопоставления у человека никакого чувства вины и не возникает. Во всяком случае, остается фактом, что Фромм при своей последующей реконструкции классического фрейдизма почувствовал необходимость предусмотреть вместилище бессознательных человеческих потенциальных способностей, чтобы разумно объяснить широко распространенное и вполне реальное чувство вины.

В отличие от Уильямса Артур Миллер, изображая развитие характера в определенном социальном контексте, сочетает в своих пьесах и сценариях противоречивые черты капитализма с их отражением в индивидуальном сознании в форме его противоречивых сторон. Развитие драмы рассматривается им как столкновение внутренне присущих персонажам человеческих и античеловеческих элементов. При этом развязка конфликта указанных элементов осуществляется теми самыми противостоящими друг другу сторонами общества, отражением которых они прежде всего являются. Такое двойное противоречие — внешнее, социальное, и внутреннее, психологическое, — между положительными и отрицательными чертами капитализма, с одной стороны, и между структурой и конформизмом — с другой, позволяет Миллеру создавать характеры и ситуации, способные более или менее полно выразить положение человека при капита-

лизме. Персонажи его пьес могут внутри сжатого времени и пространства пьесы выразить мысли и чувства, совершить действия, выявляющие обе стороны этих противоречий: тот факт, что они являются одновременно и человеческими существами и товаром и что у них есть чувства, соответствующие обеим этим линиям. Чувства тревоги и вины, а также надежда и страстные устремления, которыми насыщены пьесы «Все мои сыновья» и «Смерть коммивояжера», естественно вытекают из изображенных Миллером социальных и психологических противоречий. Реакция на пьесы Миллера — не только ужас и состояние шока, но и узнавание в той или иной степени в конфликте своего собственного конфликта, поскольку он в свою очередь отражает сходные конфликты зрителей.

При всех своих частных недостатках и дефектах теоретического и профессионального характера пьесы Миллера — это человеческие переживания, которые нужно сначала непосредственно прочувствовать, а затем обдумать. В отличие от этого драмы Уильямса — это бесчеловечное зрелище, изображающее извращенные «больные» создания, с которыми лучше бы не сталкиваться в жизни. Один драматург освещает нам трудное положение человека в нашем обществе. Другой собирает над человеком грозные тучи, окутывая его мраком и атмосферой, наэлектризованной насилием.

Контраст между двумя ведущими американскими драматургами является как бы сценическим воплощением контраста между реформированным психоанализом и рефлексорной теорией сознания. Это контраст между односторонним травматически-невротическим подходом к обществу, человеку и психологии и многосторонним комплексным рассмотрением его с точки зрения социальных противоречий, их отражения в индивидуальном сознании и возникающего на этой основе конфликта в мыслях, чувствах и поведении. Первый подход разрушителен и пессимистичен: ведь если считать и человека, и общество «больными», то нет средств к их излечению, а следовательно, нет и надежды на выздоровление. Второй подход плодотворен и оптимистичен, потому что противоречия общества и индивида рассматриваются одновременно и как причины проблем, встающих перед человеком, и как средства для их разрешения.

Как бы ни казалось, что внешние явления современного общества подтверждают глубоко нигилистический взгляд, особенно с точки зрения среднего слоя интеллигенции, соответствующие науки рисуют нам совершенно иную картину. Такие социальные науки, как история и политическая экономия, в меру своей научной зрелости должны отвергать всякий односторонний взгляд на капитализм — и восторженный и крайне пессимистичный. Они подходят к нему скорее как к некоторому развивающемуся противоречию. Помимо всего прочего, капитализм добился таких успехов в развитии производительных сил человека, о которых не могли и мечтать философы и поэты. Но одновременно он сковал эти силы узкими рамками частной собственности и прибыли. На протяжении нескольких столетий эти рамки были достаточно гибкими, чтобы расширяться в приблизительном соответствии со все более быстрым ростом производительных сил. Однако за последние 60 лет эта способность к расширению была не только утрачена, но процесс пошел в обратном направлении. Область, заключенная внутри границ частной собственности и прибыли, становилась все теснее, хотя производительные силы в то же время возрастали даже еще интенсивнее, требуя, таким образом, простора не меньше, а больше прежнего. Хотя скорость развития производства сдерживается налагаемыми на него ограничениями, возросшая производительная способность все еще так велика, что давление, оказываемое на ограничивающие ее рамки, все усиливается, приближаясь к критической точке взрыва. Таким образом, капитализм с научной точки зрения рассматривается как развивающееся противоречие между производительными силами и частной собственностью и прибылью.

С философской точки зрения термин «противоречие» имеет точное значение одной из черт внутреннего изменения или развития. Он касается изменения взаимоотношений между формой и содержанием по мере движения данного процесса от начала к концу.

В философии противоречие связывают с одним особым аспектом структуры, или логики внутреннего изменения: это переход формы и содержания некоторого процесса по мере его развития от соответствия к несоответствию. Закон противоречия так же является принципом

диалектической логики, логики изменения, как закон непротиворечивости принципом формальной логики, логики классификации. Оба закона суть фундаментальные принципы соответствующих им логик. Эти две логики — самостоятельные, но взаимосвязанные друг с другом структуры мышления, отражающие структуру мира. Вместе взятые, они представляют собой прочную основу как человеческого разума, так и рациональности Вселенной, солнечной системы, планет и всех земных явлений, в том числе и человеческого общества. Эти две логики охватывают общие, универсальные, наиболее абстрактные и в то же время конкретные законы мышления и объективной реальности. Двойная логическая структура, общая для мышления и реальной действительности, обеспечивает полную познаваемость их обоих, их связь и эффективность первого по отношению ко второй.

Логика — наука о структуре, а структура — это каркас мышления и жизни. Без структуры не могло бы быть ни мышления, ни жизни, ни знаний о мышлении и жизни. Формальная логика есть наука об объективной классификации существующих вещей и об отражении этой классификации в человеческом мозгу. Мир существующих явлений подразделяется на типы, подтипы и конкретные примеры типов. Никакой логический разум — ни божий, ни человеческий — не навязывает классификацию хаотическому неструктурированному миру. Мир сам обладает структурой и делится на классы. Разум открывает структуры и классы, дает им наименования и организует последние так, чтобы они соответствовали организации объективной реальности. Такова была первая задача в истории любой науки. Например, в ботанике первая задача состояла в определении и классификации растений соответственно их сходству и различиям. Осуществление этого первого шага в любой области мира и на каждом его уровне знаменовало величайший успех в познании мира человеком и в управлении природой. Формальная логика развивалась параллельно с решением первой большой задачи классификации объективных явлений. Основываясь на работах своих предшественников, Аристотель дал первоначальную связную и систематическую формулировку науки формальной логики, ее первых принципов и общих законов. Пока различные науки оставались на описательной стадии

классификации, не было нужды ни в какой другой логике.

Но в определенный момент, разный для различных наук, однако, прежде всего в астрономии, геологии, ботанике и биологии, содержание того, что подвергалось классификации, вырвалось за рамки последней. Обнаружилось, что границы между классами неотчетливы и классы незаметно переходят один в другой. Так, например, резкое различие между растениями и животными исчезло, когда были открыты виды, которые нельзя отнести ни к первому, ни ко второму классу и которые нужно описывать на основе характерных особенностей каждого из них. Обнаружилось противоречие в формальной логике, проводившей четкие границы между этими классами. Представление об одновременном сотворении всех классов живых и неживых существ, между которыми проводилась ясная и отчетливая разграничительная линия, не соответствовало более новым открытиям. Представление о статичной, извечной *одновременности* классов было заменено концепцией их *эволюции*. Поскольку сама формальная логика была наукой о статичных, извечно и одновременно существующих классах и о взаимоотношениях между ними по правилу «либо входит в этот класс, либо нет», она также была поставлена под вопрос. Формальная логика не могла уже считаться единственной формой логики. Возникла новая логика переходов, преобразований и изменений. Первоначальную систематическую формулировку диалектической логики как науки о структуре изменений, эволюции и революции дал Гегель.

Гегель совершил свои великие открытия после французской революции, и его прежде всего интересовало преобразование идей и общества, причем он утверждал, что изменение идей влечет за собой и социальные перемены. Маркс изменил этот тезис на обратный и тем самым создал социальные науки: историю и политическую экономию. Применяя основные принципы и законы диалектической логики к данным истории, экономики и политики, он смог открыть законы движения, структуру социального изменения. Классификация типов общества уже была произведена в соответствии с формальной логикой. До Гегеля и Маркса типы общества считали по преимуществу одновременно существующими и выделя-

ли среди них племенное, или первобытное, общество, рабовладельческое общество, феодализм и капитализм; сюда же относилась и мечта о некотором совершенном обществе, называемом социализмом. Стирание границ между отдельными типами общества, возникновение и исчезновение их и, наконец, мечта о социализме — новом типе общества — привели к необходимости переоценки представления о статичных, извечно и одновременно существующих типах социальной организации. Классификация типов общества все еще оставалась важной задачей, и поэтому формальная логика сохраняла свое значение. Но она была неадекватна для решения новой задачи — открытия структуры социального изменения. Таким образом, формальная логика рассматривалась как относительная истина — часть абсолютной истины, но не вся она целиком, и была верна вплоть до того момента, когда классификация уже не могла дать полную истину о мире вообще и об обществе в частности. С этого момента требовалась диалектическая логика. Для человеческого познания и истины необходимы обе логики. Человек должен прежде всего знать, чем данная вещь является и чем не является, ее существо, и только затем он может перейти к следующему вопросу о том, как она стала такой, в каком направлении она движется и какой она станет.

Формальная и диалектическая логика — это науки об онтологической и логической структуре, и в совокупности они создают основу рациональности мира и разума человека. Цель каждой науки состоит в раскрытии объективной, онтологической структуры той стороны мира, которой она занимается. Это означает, что структура науки, логика ее принципов, законов и фактов должна возможно ближе соответствовать структуре реальной действительности. Практическое значение любой науки состоит в ее все возрастающей способности к предсказанию и управлению, которая изменяется параллельно степени соответствия между структурой науки и структурой реальной действительности.

После 125 лет своего теоретического развития и практического применения социальные науки достигли высокого уровня соответствия между структурой науки и структурой социальной действительности. В меру этого они обладают и способностью предсказания и управле-

ния, сочетающимися с внушительным списком практических достижений во многих областях земного шара. Однако в США социальные науки — история и политическая экономия — вместе с философской наукой диалектической логики, дающей им общую структуру изменения, не получили признания и развития. Вместо них были разработаны такие теории и методы, объективным результатом которых явилась замена массой данных с многочисленными альтернативными статистическими корреляциями лежащих в их основе рациональной, логической, исторической и социальной структур. Статистически коррелируемые данные и факторы служат для сокрытия структуры реальной действительности, сведения человеческого мышления и науки к субъективно определяемой организации, диктуемой индивидуальными предпочтениями, как сказал об истории Чарлз Берд. Таким путем историческая наука была превращена в безобидную дисциплину, именуемую историографией. Науки об обществе превратились в социологические, эконометрические и социальные исследования, имеющие дело с целыми мириадами второстепенных и третьестепенных сторон современной жизни, то есть со всем, кроме структуры капитализма и законов его движения. Научный метод и саму науку подменили подсчетом баллов и статистическим анализом.

Конечным результатом изгнания социальных и логических наук и замены их факторными теориями и бесконечным собиранием фактов явилась подмена разума, объективности и знания иррационализмом, субъективностью и обскурантизмом. Если в социальном мире нет никакой структуры, то человек не может познать его, предсказывать и управлять им. Он может только группировать на разные лады факторы и данные согласно своим склонностям, вроде ребенка, играющего в кубики. Но тогда мир оказывается иррациональным, непредсказуемым и неуправляемым, а индивид — обреченным на жизнь в изоляции, одиночестве, неведении, страхе, тревоге и ужасе, где только преходящие эмоциональные реакции удовольствия или боли могут его ненадолго подбодрить или ввергнуть в уныние.

Историография, социология в их нынешней форме и другие факторные теории и коллекции данных, заменяющие науку, создают представление о мире и положении

человека, вполне созвучное идеям реформированного психоанализа. Такой подход к обществу подкрепляет утверждение, что капитализм иррационален и разрушителен и что, с точки зрения психологии, он, кроме всего прочего, служит универсальным источником болезненных переживаний, приводящих к появлению невротической личности нашего времени. Если внутреннее противоречие реформированного психоанализа свидетельствует о его общем банкротстве, как в случае с Фроммом, первый шаг в сторону положительного решения влечет за собой острую необходимость обратиться за помощью к социальным и логическим наукам, а это в современной Америке дело нелегкое.

Структура капитализма с его развивающимся противоречием и основанной на нем классовой борьбе отвергает не только утверждение реформированного психоанализа о том, что капитализм — это нечто целиком иррациональное, отрицательное и разрушительное, но также и доктрину Фромма о том, что путем изменения характера с помощью психоанализа на смену капитализму может прийти социализм. История и политическая экономия, так же как стратегия и тактика классовой борьбы, показывают, что в капитализме в качестве противостоящей ему самому стороны кроются потенциальные человеческие ресурсы и конечная способность преобразовать общество и построить сначала социализм, а потом и коммунизм. Между современным утопическим социализмом Фромма, основанным на желаниях и идее возрождения индивида, и научным социализмом, основанным на онтологической структуре социального изменения, отраженной в логической структуре социальных наук, имеется коренное различие.

Реформированный психоанализ, особенно в его фроммовской форме, представляет собою один из типов идеологической теории, объективным результатом которой является сокрытие структуры социальной реальности в тумане иррационализма. Это особенно замаскированный ее тип, так как он имеет видимость радикализма, антикапитализма и социализма. В сущности, можно сказать, что по отношению к классическому фрейдизму он является тем же, чем социал-демократическая демагогия — по отношению к самой крайней буржуазной идеологии.

Если первая предпосылка реформированного психоанализа состоит в утверждении универсальной иррациональности и разрушительности капитализма, то вторая говорит о совершенной иррациональности и навязанном извне характере мотивов индивида. И если первая противоречит логическим и социальным наукам, то вторая приходит в резкое столкновение с рефлекторной теорией сознания и наукой о высшей нервной деятельности.

Иррациональность и насильственный характер мотивации

Положение об иррациональности и насильственном характере мотивации как универсальной характеристике современного человека разделяют и фрейдизм и реформированный психоанализ. Оба они утверждают, что мышление, чувства и поведение полностью детерминированы бессознательными внутрипсихическими механизмами. Фрейд и ревизионисты считают, что сознание предопределяется филогенетическими по своему происхождению бессознательными влечениями и ранними воспоминаниями. Хорни, Салливен, Фромм и их сторонники-реформаторы полагают, что сознание целиком определяется социально обусловленными бессознательными защитными механизмами «я». В любом случае результатом является всеобщая невротическая навязчивость. Психоаналитическая предпосылка о том, что все люди — невротики, что их сознательная жизнь подчиняется действию бессознательных внутрипсихических сил, включает два отрицания: во-первых, отрицание всякого качественного различия и реальных граней между психическим здоровьем и психической болезнью и, во-вторых, отрицание того, что сознание есть отражение внешнего мира.

Психоаналитическая посылка о том, что все люди — невротики, вовсе не случайна. Это существенно важное условие психоанализа, который не желает ограничиваться лечением людей, больных в буквальном смысле слова, страдающих конкретными невротическими и психопатическими симптомами. Представление об универсальности невротического характера необходимо для

объяснения того, почему психоаналитические методы распространяются на анализ характера. Так обстояло дело уже во времена Фрейда, но за последние 20 лет указанное положение, безусловно, приобрело решающее значение. Реформаторы если и занимаются лечением неврозов, то лишь в минимальной степени, их интересует почти исключительно анализ и изменение характера. Практика психоанализа с необходимостью требует теоретического тезиса, который оправдывал бы применимость определения «невротический» ко всем людям, отличающимся в этом отношении друг от друга якобы не качественно, а только по степени развития невроза. Подобная теория и практика, на которой она основывается, находясь в противоречии с фактами, установленными учением о высшей нервной деятельности. Согласно последнему, психика, как нечто нематериальное, не может быть больной. Только мозг — орган, функцией которого является психическая деятельность, — может быть здоровым или больным. И поскольку «психическое здоровье» зависит от нормального функционирования высших отделов мозга, постольку и «психическая болезнь» означает нарушение их функционирования.

Согласно учению о высшей нервной деятельности, граница между психическим здоровьем и психической болезнью — это разграничительная линия между физиологией и патофизиологией высших отделов нервной системы. Из этого принципа вытекает следующий вывод: если отсутствует патофизиологическое состояние высших отделов нервной системы, то нет и функционального психического заболевания. И если подобное состояние отсутствует, то, значит, мозг функционирует нормально и нет никакой нужды в терапии¹. И наоборот, если имеется патофизиологическое состояние мозга, то наличие болезни и возникает нужда в терапии. Терапия может быть самой различной: от словесной и гипнотической психотерапии до медицинского лечения того или иного рода в зависимости от диагноза.

Значит, в теории учение о высшей нервной деятельности формулирует положение дел совершенно однозначно. Имеется резкая, хотя временная и тонкая, граница

¹ Термин «терапия» употребляется здесь в его собственном значении, то есть относится к медицинскому лечению болезни.

между психическим здоровьем и психической болезнью; существует ясно определяемая, относительно ограниченная область, в которой показана терапия соответствующего типа, и есть гораздо более обширная область, в которой никакой терапии вообще не требуется. В последнем случае, когда нет патофизиологического состояния высших отделов мозга, отдельные люди могут чрезвычайно отличаться друг от друга степенью разнообразных знаний или невежества, большей или меньшей противоречивостью своих позиций и чувств; конфликтностью желаний и стремлений; смещением ценностей; недостатками воли и самодисциплины; индивидуальными или социальными трудностями приспособления к окружающей среде и любой комбинацией этих и других факторов, которые в своей совокупности определяют особенности характера и стоящих перед личностью проблем.

Эти проблемы могут быть легкими и безобидными или же чрезвычайно серьезными и тревожными, даже разрушительными, приводящими к отклонениям от нормы или преступлениям. Однако независимо от их формы, до тех пор пока они не являются результатом неправильного функционирования мозга, они служат не симптомами психического заболевания, а выражением более или менее серьезного нарушения: искаженности понимания и переживания или неправильностей в характере и личности. В этих случаях будет уместной не терапия, а такие меры, как консультации, перевоспитание, перестройка характера и восстановительные меры, в зависимости от обстоятельств. Во всяком случае, учение о высшей нервной деятельности предполагает, что человек, испытывающий определенные трудности, но без нарушений в работе мозга, независимо от того, страдает ли он сам или другие по его вине, не является больным, не требует терапии и его прежде всего не нужно лечить как больного. Считать такого человека больным, позволять ему думать, что он болен, — значит обострять его проблемы, усугублять трудности приспособления его к окружающему, его слабости, нарушения, искажения его характера. Такой человек нуждается в помощи, быть может даже очень в ней нуждается, но назвать его «невротиком» и лечить его «терапевтически» — значит в лучшем случае серьезно, хотя и из луч-

ших побуждений, повредить ему, а в худшем случае — произвести губительное вмешательство, которое лишь научит человека приспособиться к своим трудностям.

Такова, следовательно, *теоретическая* позиция, вытекающая из учения о высшей нервной деятельности. Она находится в резком противоречии с практическими и теоретическими позициями психоанализа по этому вопросу. Проблема была бы окончательно решена и не давала бы разумным людям никакого повода к спорам, если бы учение о высшей нервной деятельности было уже сейчас в состоянии практически вооружить нас набором надежных тестов, выявляющих наличие или отсутствие патофизиологического состояния высшей нервной деятельности. Хотя это желание пока не удовлетворено, в этом направлении достигнут заметный прогресс, достаточный, чтобы четко определить эту позицию в качестве руководящего принципа не только в патофизиологическом исследовании, но также и в практике неврологических и психиатрических клиник во многих областях земного шара, а в особенности в Советском Союзе.

Это еще один пример того, как принятие научно установленного и проверенного на опыте принципа составляет предварительное условие дальнейших успехов человеческого познания и эффективности его практики, даже если он и не дает немедленного ответа на все возникающие вопросы, на которые в конце концов ответы должны быть получены. Без такого принципа даже сами вопросы не могут быть правильно сформулированы. А если вопросы поставлены неправильно, то практика оказывается в лучшем случае слепой, а в худшем — ложные теории заводят ее в тупик. Психоаналитическая доктрина об универсальности невротического характера с ее отрицанием качественных различий между психическим здоровьем и психической болезнью как раз и представляет собой такую ложную теорию, вводящую в заблуждение. Хотя психоаналитическая доктрина выросла из потребностей аналитической практики, то есть обосновывает распространение ее методов на проблемы изменения характера, она находится в прямом противоречии с давно сложившимся в психиатрии принципом, согласно которому психическое заболевание, как органическое, так и функциональное, является заболеванием мозга как физического органа психической жизни. И напро-

тив, научный принцип учения о высшей нервной деятельности, говорящий о существовании четкой границы между психическим здоровьем и психическим заболеванием и о принадлежности к функциональным психическим болезням только тех случаев, когда имеется патологическое состояние мозга, находится в полном соответствии с основным научным принципом психиатрии, согласно которому психическая болезнь есть болезнь мозга. В сущности, исходное отрицание Фрейдом этого принципа и привело нетерпеливых психоаналитиков к *перекидыванию мостика* через пробел в знаниях о мозге, тот пробел, который можно *заполнить* только в результате терпеливой и упорной научной работы. В наше время такая работа по заполнению пробела в наших знаниях настолько продвинулась вперед, что позволяет утверждать сформулированный выше принцип без тени всякого сомнения.

Сегодня указанный принцип и следующие из него выводы столь же истинны и несомненны, как и более общий принцип, принимаемый всеми, кто не преследует особых религиозных, мистических или связанных с конкретными доктринами целей,— он состоит в признании того, что психическая жизнь есть функция мозга, что без человеческого мозга нет никакой человеческой психической деятельности. Принцип психиатрии является просто обратной стороной той же монеты: психическая болезнь человека — это болезнь человеческого мозга. Первый следующий отсюда вывод заключается в том, что функциональное психическое заболевание представляет собой патологическое отклонение от нормального функционирования человеческого мозга. Второй вывод состоит в том, что если такого нарушения функций нет, то мозг здоров, а психическая деятельность «в норме», какой бы спутанной она ни была. В третьем выводе утверждается, что медицинская терапия, включая и научную психотерапию, уместна только при психической болезни, определяемой как заболевание мозга. Четвертый вывод говорит, что там, где нет болезни мозга и психическая деятельность поэтому «нормальна», но все же при этом в ней наблюдается более или менее серьезная спутанность, может возникнуть потребность в определенной помощи, имеющей форму не терапии, а консультаций, перевоспитания или восстановительных мер. Терапия —

это лечение болезни. Консультации, перевоспитание и восстановительные мероприятия — это способы переориентации человека со здоровым мозгом.

Общая структура «нормальной» психической деятельности, основанной на правильном функционировании высших отделов нервной системы, — вот что прежде всего интересует рефлекторную теорию сознания. Эта теория противостоит психоаналитической доктрине о совершенно бессознательной иррациональной и насильственно навязанной извне психической деятельности. Анализ рефлекторной теории сознания должен показать некоторые заблуждения реформированного психоанализа и в то же время пролить свет на восстановительные меры, применяемые к «нормальной», но травмированной психике.

Реформированный психоанализ — это теория *бессознательного*, в то время как рефлекторная теория — это теория *сознания*. Употребляя термин «бессознательное», реформированный психоанализ исходит из своего положения о том, что сознательная жизнь детерминирована *системой* иррациональных эмоций, приобретенных в раннем детстве. Причем предполагается, что эти системы служат защитными механизмами сознательного «я» от угрожающих воздействий окружающей среды. По существу, это положение состоит в отрицании того, что эмоция есть часть сознания, хотя сознание и может отдавать себе в них отчет, и в утверждении, что в сознании содержатся одни только идеи и, наконец, что неосознаваемые эмоции детерминируют идеи, а также, следовательно, и мышление, желания, стремления, волю и поведение. Вот что, значит, подразумевается под тезисом об *универсальной, иррациональной, бессознательной и насильственно навязанной мотивации*. Все стороны сознательной психической жизни якобы определяются эмоциями, рассматриваемыми не как отражение реальной действительности, а как защита от нее. Поскольку такая детерминированность эмоциями объявляется характерной особенностью современного человека, она является универсальной. Она иррациональна, так как утверждает, что она служит механизмом самозащиты от враждебного мира. Она бессознательна, потому что иррациональна, служит для самозащиты, эмоциональна и, следовательно, недоступна для сознательного отражения в собственном «я». Она насильственно навязана, потому

что сознание не может уклониться от рокового предопределения со стороны иррациональных, бессознательных и служащих для самозащиты эмоций. Реформированный психоанализ говорит, что всеобщая мотивация сознательной жизни такими эмоциями представляет собой структуру невозрожденной психики современного человека. Рецепт же ее возрождения состоит в том, чтобы сломить детерминирующую способность иррациональных эмоций и таким образом освободить сознательный интеллект с тем, чтобы он мог реализовать свои потенциальные возможности, включая мышление, логику, разум и воображение. Методом достижения такого возрождения является применение фрейдовских психоаналитических приемов доведения бессознательных и насильственно навязанных эмоций до сознания. Предполагается, что такое осознание — анафема для иррациональных эмоций, которые благодаря катарсису якобы устраняются или по крайней мере нейтрализуются.

В основе реформированного психоанализа лежит глубоко неправильное представление о природе эмоций, идей и взаимоотношений между ними. Согласно этой теории, эмоции механически отделены от идей, что вызывает следующее искажение и тех и других. Оторванные от идей эмоции понимаются как иррациональные, самозащитные реакции «я» на хищнический мир. Идеи же, оторванные от эмоций, толкуются как рационализации иррациональных эмоций. Отношение между теми и другими рассматривается как детерминация идей эмоциями. Говорится, что мысли индивида детерминируются его чувствами, «рациональное» — «иррациональным». Поскольку «иррациональные» эмоции считаются бессознательными, а «рациональные» идеи — сознательными, отсюда делается вывод, что сознательное определяется бессознательным.

В отличие от этого рефлексорная теория сознания утверждает, что эмоции и идеи составляют две основные стороны индивидуального сознания, что они неотделимы друг от друга и в то же время противоположны и, наконец, что уровень эмоциональных реакций определяется уровнем понимания, но не наоборот.

Эти два подхода к человеческой психике различаются почти по всем пунктам. Если реформированный психоанализ рассматривает общество как источник травмиру-

ющих переживаний, главное влияние которого состоит в пробуждении у индивида бессознательных защитных механизмов «я», то рефлекторная теория смотрит на общество как на источник человеческого опыта, основным результатом воздействия которого является пробуждение духовных качеств, характерных для сознательной жизни человека.

Реформированный психоанализ считает, что человек пассивно претерпевает хищнические атаки всеразрушающего общества, от которого он может защититься, только создавая для своего самообмана и самогипноза системы эмоциональных реакций. Мир рассматривается как источник угрозы, и потому первая задача индивида состоит в самозащите или, может быть, в обращении угрозы себе на пользу. Например, ребенок, живущий под гнетом отца-тирана, может защитить себя, развив систему эмоциональных реакций, в которой беспрекословное, выстраданное долгими усилиями повиновение, представляющее само по себе защитный механизм «я», становится источником уничижительного удовлетворения или даже мазохистского удовольствия. Когда такой ребенок вырастет, скажет психоаналитик, его жизнь как взрослого человека будет в значительной степени определяться защитным механизмом «я», сформированным ранее в рамках эмоциональной реакции на отца, выступавшего по отношению к нему как враждебный социальный агент. Он будет находить удовлетворение и удовольствие в подчинении жене, начальнику и политическому лидеру, заменившим авторитарную фигуру отца. Поэтому у него обнаружится тенденция находиться под пятой жены, быть гражданином конформистского толка и человеком-винтиком в большой организационной машине. Другой ребенок при отце того же типа может построить защиту «я» в противоположном направлении. Он может восстать против отцовского авторитета, находить удовлетворение или даже садистское удовольствие в нанесении ущерба и в разрушении и в детском, и в зрелом возрасте. Подобная насильственно навязанная структура эмоциональных реакций может привести, как сказал бы психоаналитик, к возникновению человека воинственно-радикально-анархистского типа. Но в любом случае с точки зрения психоанализа иррациональные эмоциональные механизмы, развившиеся в детстве, предопределяют

характер взрослого человека. Таким образом, утверждается, что люди всегда «бегут от свободы», то есть уклоняются от того, чтобы стать разумными творческими людьми, и становятся вместо этого автоматами, находящимися под жестким механическим контролем своих собственных бессознательных насильственно навязанных защитных механизмов «я».

Такая позиция кажется на первый взгляд убедительной в отношении того, что мы видим вокруг. Для Америки особенно справедливо, что конформизм и даже некоторая «тенденция к превращению в робота» действительно являются господствующими. Однако для психоанализа очень характерно, что он обращает внимание на определенное явление, затем дает ему какое-то объяснение, а в конце концов снова возвращается к рассматриваемому феномену в подтверждение не только факта его существования, но и правильности психоаналитического объяснения *причин* его существования. Такой вывод, разумеется, совершенно незаконен. Широкое распространение какого-нибудь явления отнюдь не свидетельствует в пользу данной конкретной теории, старающейся объяснить, почему оно существует. Фрейд применил этот метод рассуждения по замкнутому кругу при создании своей теории, объясняющей привязанность матерей к своим сыновьям, а сыновей — к матерям. Если бы истинность теории проверялась существованием соответствующего феномена или числом людей, которые в нее верят, то теории Фрейда были бы признаны «истинными» без голосования. Подобно этому если бы широкое распространение конформизма среди американцев служило проверкой истинности теории реформированного психоанализа о насильственно навязанной мотивации как его причине, то и эта теория также была бы признана «истинной». К счастью, наука развивается не таким феноменологическим, прагматическим, позитивистским образом, а истина не устанавливается путем «демократического голосования». Истинность любой теории определяется ее способностью объяснить все факты с помощью минимально сложной системы принципов. При этом истинной является та теория, которая не приходит в противоречие с другими созданными ранее теориями и не порождает неразрешимые трудности и противоречия вследствие своей собственной структуры.

Окончательной же проверкой теории служит ее способность содействовать дальнейшему прогрессу в понимании данного явления и других, с ним связанных, и в конце концов управлять ими на благо всего человечества. Реформированный психоанализ, как и фрейдизм, не удовлетворяет ни одному из этих требований.

Во-первых, теория о всеобщей насильственной навязанности мотивов ни в коем случае не объясняет всех фактов. Вопреки этой теории *существуют* люди, которых нельзя причислить ни к ультраконформистам, ни к ультравоинственным личностям, люди разумные, ведущие плодотворную личную и общественную жизнь и которых, исходя из определения реформированного психоанализа, никак нельзя считать управляемыми бессознательными навязанными им защитными механизмами «я». Если существует такая вещь, как сформированная в детстве бессознательная навязанная мотивация, предопределяющая психическую деятельность взрослого человека, то она по меньшей мере не столь универсальна, как это утверждается.

Однако еще более глубоко противоречит теории то, что, как указывалось выше, общество, и в частности капитализм, нельзя низводить до положения источника травмирующих переживаний. Хотя оно и может вызывать шок, ужас, разрушения, буквально травмирующим — в психоаналитическом смысле этого слова — оно является только тогда, когда вызывает перенапряжение нервной системы человека и тем самым порождает у него хронические патофизиологические состояния. Количество таких случаев в Соединенных Штатах крайне велико, и оно постепенно увеличивается. Один процент населения, или 1 814 000 человек, попадает каждый год в больницы и клиники в результате психических заболеваний¹. Хотя эта цифра и велика, она составляет все же лишь малую часть всего населения Америки. Подавляющее большинство населения (примерно 99 процентов ежегодно) не является психическими больными. Намного большее число людей, не являясь больными, по-видимому, страдают от того, что называется «эмоциональными трудностями», но даже и в этом случае наибольшая цифра составляет еще 10 процентов населения²,

¹ G. W. Albee, *Mental Manpower Trends*, pp. 25—26.

² Там же.

или примерно 18 млн. человек. Нет никакого сомнения в том, что давление американского капитализма чудовишно, что оно вызывает сильное перенапряжение нервной системы и собирает чрезмерно обильный урожай в виде функциональных психических заболеваний, определяемых научно. Очень часто оно порождает также непреодолимые общественные и личные проблемы, заставляющие миллионы людей искать помощи в их разрешении. Однако остается несомненным факт, что для части населения, большей одного процента, — эта цифра включает и органические психические заболевания, — американский капитализм никаким усилием воображения нельзя поставить в положение источника *травмирующих* переживаний. Он играет эту роль, но она не является его существенно важной чертой.

Реформированный психоанализ не объясняет всех фактов, он может разумно объяснить только то, что происходит с одним процентом населения, людьми «психически больными» в буквальном смысле слова. Ибо лишь при психических заболеваниях в строгом смысле слова наблюдается тот феномен, который можно было бы назвать насильственно навязанным поведением — словесным, эмоциональным или любым другим. Но и в данном случае психоаналитическая теория о бессознательных насильственно навязанных иррациональных структурах эмоциональных реакций кажется совершенно фантастической. Она дает общее описание синдромов, в которых проявляется нарушение функционирования мозга. Эти синдромы первоначально вполне могут быть вызваны такими причинами, как эмоциональные проблемы, однако аномальные или навязчивые эмоции, идеи и поведение — это не механизм болезни, а скорее ее симптомы. Реальными механизмами являются патофизиологические состояния высшей нервной деятельности. Таким образом, теория реформированного психоанализа прежде всего не способна объяснить дело даже в отношении того единственного процента населения, который страдает от психических заболеваний, не говоря уже об остальных девяноста девяти процентах. Оказывается, что предполагаемая этой теорией насильственная детерминация поведения эмоциями не только не универсальна, но на деле вообще не существует.

Далее, реформированный психоанализ запутывается

в своих собственных неразрешимых трудностях и противоречиях. Если бы вызванные капитализмом травмы и сопутствующая им насильственная эмоциональная мотивация были всеобщими, то как вообще могли бы существовать разумные люди, ведущие плодотворную жизнь? Тогда могли бы быть только роботы, конформистские автоматы, движимые их собственными бессознательными невротическими психическими механизмами. Если бы навязанные индивиду защитные механизмы «я» можно было ликвидировать с помощью психоанализа, применяющего классические фрейдовские методы, как это утверждает реформированный психоанализ, то что случилось бы после исчезновения защитных механизмов? Может быть, сторонники психоанализа предоставят «пациенту» не навязанные ему насильственно человеческие качества, такие, как разум, любовь, воображение и т. д.? Но где же психоаналитик добудет их? От других психоаналитиков? Но где возьмут их те? Именно это *reductio ad absurdum*¹ и заставило Фромма порвать с реформированным психоанализом и реконструировать фрейдовское «оно» в форме свойственного человеческой расе бессознательного, в котором пребывают все истинно человеческие качества, достоинства, способности и возможности. Тогда психоаналитику нет нужды снабжать пациента элементами человечности. Ему нужно только освободить их из темницы бессознательного, устранив тюремную стражу защитных механизмов «я».

Реформированный психоанализ не смог объяснить факты и одновременно запутался в собственных внутренних трудностях и противоречиях в результате своего ошибочного представления об индивиде, обществе и их взаимосвязи. Рассматривая общество исключительно как источник психических травм и считая, что психику отдельного человека угнетают возникающие у него при этом невротические состояния, реформированный психоанализ сводит взаимосвязь между обществом и индивидом к псевдомедицинскому отношению, когда травмирующий шок порождает невротическое состояние.

Именно эти трудности и привели Фромма к попытке коренной реконструкции психоанализа.

¹ Доведение до абсурда (лат.).

ЧАСТЬ III

Реконструкция психоанализа

Психофилософия любви

Чтобы избежать дилеммы реформированного психоанализа, Эрих Фромм вернулся к классическому фрейдизму и начал перестройку его в направлении гуманизма. Первый его шаг состоял в теоретическом преобразовании бесчеловечного «оно» Фрейда в человеческое бессознательное, наделенное от рождения потребностью и способностью любить.

Среди американцев широко распространилось и укоренилось стремление рассматривать любовь как панацею от всех болезней современного человека. Начиная с *Tip Tap Alley* и кончая кинофильмами, в известных романах, множестве популярных книг по психологии и половой проблеме любовь является одновременно и субъектом и объектом внимания. В своей книге «Искусство любви» Фромм анализирует субъект любви и утверждает ее объект. Тем самым он становится частицей главного потока национальных интересов и одновременно поднимает его уровень. Он подхватывает распространенные идеи о том, что любовь имеет первостепенное значение и представляет собой единственный реальный ответ на все проблемы, как индивидуальные, так и общественные, и превращает их во всеобщие принципы человеческой психологии и философии. Он отыскивает у человека некоторые эмоциональные сущности и потенциальные способности, выражением которых служат самые разнообразные формы любви — эротическая любовь, материнская и отцовская любовь, братская любовь и любовь к богу.

Теория любви, созданная Фроммом

Свою теорию любви Фромм начинает с выяснения того, что именно он понимает под бессознательным как потенцией человека; этот процесс он затем продолжает и завершает в своих работах по этике, религии и дзен-буддизму. Он говорит, что любовь — это «конечная и реальная потребность каждого человеческого существа», «единственный разумный и удовлетворительный ответ на проблемы человеческого существования». В качестве вывода из доктрины о том, что любовь является внутренне присущей человеку сущностью, Фромм выдвигает новый историографический принцип: «Любое общество, которое относительно препятствует развитию любви, должно в конце концов погибнуть от своего собственного противоречия с основными потребностями человеческой природы».

Капитализм как раз и представляет собой такое противоречащее человеческой природе общество и, следовательно, согласно Фромму, должен в конце концов погибнуть от саморазрушения. Достаточно просто «проанализировать природу любви», говорит он, «чтобы обнаружить, что сегодня она в общем отсутствует и что необходимо подвергнуть критике социальные условия, которые за это ответственны». Таким образом, он формулирует радикальные выводы, к которым приводит его теория любви. «Принцип, лежащий в основе капиталистического общества, и принцип любви несовместимы друг с другом», — говорит он. Капитализм порождает не любовь, а эгоизм. «Если все наше общество в целом и его экономическая организация основаны на том, что каждый отдельный человек стремится добиться для себя особых преимуществ, если оно руководствуется принципом эгоизма, умеряемого только этическим принципом приличия, то как может человек, — спрашивает Фромм, — жить в рамках современного общества и в то же время любить?» Противоречие между капитализмом и любовью приводит Фромма к революционному выводу: «Все, кто всерьез относится к любви как к единственному разумному ответу на все проблемы человеческого существования, должны, следовательно, сделать вывод, что необ-

ходимы важные и радикальные изменения в нашей социальной структуре»¹. Таким образом, Фромм разрабатывает свою психо-философскую теорию любви в контексте абсолютно отрицательных перспектив для ее осуществления на практике при капитализме.

Ведущим тезисом Фромма служит утверждение, что любовь — это единственный ответ на проблемы человеческого существования, а на его основе делается вывод о том, что капитализм в общем исключает развитие любви и, следовательно, не может обеспечить человеку разрешения осаждающих его проблем. Неизбежно возникает третий вопрос, на который можно дать ответ, только изучив теорию любви Фромма: что представляет собой проблема человеческого существования, почему любовь — это единственный ответ на нее и из чего следует, что капитализм не может обеспечить этот ответ?

Фромм полагает, что проблема человеческого существования связана с основными естественными условиями развития человека. После того как животное стало человеком, было утрачено неразрывное инстинктивное слияние с окружающим миром, свойственное царству животных. Разум и самосознание человека оторвали его от природы. Он оказался отделенным от окружающего мира и не может к нему вернуться. Он является его частью, и в то же время он не часть его. Он и принадлежит и не принадлежит ему. Будучи человеком, он не может полагаться на инстинктивное приспособление, а должен сознательно отыскивать свой путь в мире, руководствоваться на каждом шагу мышлением, переживать свой путь эмоционально, порождать свое собственное социальное окружение, создавать свои собственные формы общества, свои собственные законы, нормы и ценности. В результате человек может выбрать ошибочный путь — и чаще всего он именно так и поступает, — заблуждаться, идти не в ту сторону, создавать хищнические социальные системы и изобретать нормы поведения, пригодные больше для роботов.

Человек, обладающий даром разума, — это «жизнь, осознавшая самоё себя». Человек осознает себя как осо-

¹ Erich Fromm, *The Art of Loving*, Harper, New York, 1956, pp. 130—133.

бое существо, отделенное от природы и других людей, от своего физического тела и от лиц другого пола, что особенно драматично для него. Короче говоря, он осознает свою совершенную отчужденность и одиночество. «Все это,— говорит Фромм,— делает его отдельное, не связанное с другими существование невыносимой темницей». Вследствие переживания своей отделенности человек испытывает тревогу, стыд и чувство вины. Он страдает от сильнейшего беспокойства, потому что, будучи отрезан от вещей и людей, чувствует себя беспомощным, неспособным активно познать мир. Он страдает от стыда, потому что отдает себе отчет в принадлежности к полу, чуждому другому полу. Он испытывает чувство вины, потому что осознает свою неспособность использовать собственные человеческие возможности.

Для того чтобы ярче проиллюстрировать свою точку зрения, Фромм пересказывает миф о садах Эдема. Адам и Ева не послушались бога и вкусили от древа познания. Бог изгнал их из рая инстинктивного бессознательного единства с миром и предоставил им возможность полагаться на собственные рациональные, сознательно избранные средства. Он разорвал их родственные связи с окружающим миром, освободил от принадлежности к нему и вверг в тюрьму одиночества, где индивид подвергает себя самоистязанию тревогой, стыдом и чувством вины.

Отделенность, тюрьма одиночества, по Фромму,— универсальное естественное условие существования человека, возникающее в ходе его развития; и это относится как к отдельному индивиду, покидающему при рождении чрево матери, так и ко всему человечеству, возникшему в туманном прошлом из царства животных. Это условие создает потребности и выдвигает проблему и перед отдельными людьми, и перед человечеством в целом как в прошлом, так и в настоящее время. Отсюда вырастает, с одной стороны, универсальная потребность, а с другой — универсальная проблема. «Таким образом,— говорит Фромм,— самая глубокая потребность человека состоит в преодолении своей отделенности, в освобождении из тюрьмы своего одиночества». А универсальная проблема человечества состоит в том, «как преодолеть отделенность, как достичь союза,

как выйти за пределы своей собственной отдельной жизни и получить искупление».

Существуют две извечные человеческие проблемы. Негативная состоит в том, чтобы преодолеть отделенность, а позитивная — в том, чтобы достичь *воссоединения* с миром, окружающими людьми, с самим собой и с лицами другого пола. Фромм утверждает, что эта проблема остается неизменной на протяжении всей истории человечества, от дикарей до современных людей, от родового строя до капиталистического. Проблема остается одной и той же и для отдаленного прошлого и для настоящего, потому что, как говорит Фромм, «вопрос остается прежним, так как он вырастает на одной и той же почве: положение человека, условия человеческого существования». Проблема отделенности и ее преодоления не изменяется на протяжении всей истории и только становится с течением времени все более острой. Ход исторического развития, последовательно возникающие формы общества, нисколько не продвигая дело преодоления отделенности одного человека от другого, в сущности лишь знаменуют собой стадии все большего ее обострения. «Но чем больше освобождается человечество от этих первичных (инстинктивных) уз, — говорит Фромм, — тем в большей степени оно отделяется от естественного мира и тем интенсивнее становится его потребность отыскать новые пути для того, чтобы избавиться от отделенности»¹.

Созданная Фроммом теория отчуждения

Правильно ли, что сегодня, при капитализме, человек отделен от мира, людей и самого себя больше, чем когда-либо раньше? Намек на ответ можно найти в банальном утверждении современных гуманистов о том, что мир ныне един больше, чем прежде, а вот человек разделен больше, чем когда-либо. Возможность мира, братства и счастья сейчас яснее, чем в какой бы то ни было предшествующий период истории, но в то же время еще никогда не была так велика и опасность войны,

¹ Erich Fromm, *The Art of Loving*, pp. 8—11.

уничтожения и анархии. Это может свидетельствовать о том, что человек теперь отделен в одном смысле больше, а в другом меньше, чем прежде, что в одних направлениях он добился прогресса, а в других — нет. Фромм полагает, что история начинается с отчуждения человека на всех фронтах и движется затем к все более широким и глубоким формам отчуждения, хотя, быть может, правильнее было бы рассматривать ее как некоторое развивающееся противоречие. С одной стороны, совершенно несомненно, что в своем развитии человек проходит три большие стадии, двигаясь от абсолютной бедности первобытного общества через относительную бедность цивилизованного общества к все более близкому абсолютному изобилию завтрашнего дня. Таким образом, человек добился больших успехов в преодолении своего отчуждения от необходимых для жизни вещей, пищи, одежды и жилища. Подобно этому гигантскими шагами преодолевает он и свое отчуждение от здоровья, познания и прекрасного. Если сформулировать это в позитивной форме, можно сказать, что человек чрезвычайно высоко развил свою способность к производству, к управлению природой, к изменению окружающей среды для удовлетворения своих потребностей, к творческой работе в области искусства и архитектуры, к сокращению расстояний с помощью транспортных средств, к познанию мира и самого себя с помощью науки.

В этой графе прихода человек сделал накопления, выражающиеся во внушительной сумме всяческого имущества и достижений. Фромм же пренебрег всем этим при рассмотрении эволюции человека. С другой стороны, огромное большинство человечества при капитализме и колониализме действительно отделено, во-первых, от мира, земли, средств производства, машин и сырья вследствие частной собственности на них, сосредоточенной в руках относительно небольшого числа людей. Во-вторых, человек отделен от человека, поскольку один класс отчужден от другого и поскольку на рынке труда люди выступают как конкурирующие между собой товары. В-третьих, мужчина отчужден от женщины в любви и браке, потому что их отношения подчинены борьбе за существование и положение и приносятся в жертву последней. Наконец, человек отчужден от само-

го себя, его стремления чужды реальности, его идеалы далеки от действительности, его жизнь лишена творчества, целенаправленности и смысла.

Критика теории отчуждения Фромма

Фромм правильно определяет эти формы отчуждения человека, но он не прав, приписывая их *естественным* условиям человеческой эволюции. Они не являются *природным* отчуждением, они не есть результат разрыва человека с миром животных. Они скорее представляют собой результат развития одной стороны противоречивой истории общества, ее социально-экономическо-политического аспекта, форм собственности и управления обществом. Другая же сторона — та, что движет вперед прогресс человечества, есть комбинация контроля над природой, достигнутого благодаря производству, и познания природы — в том числе и человека, — воплощенного в технике, искусствах и науке. Эта последняя сторона противоречия объясняет величайшие возможности, присущие современному миру, в то время как его первая сторона обуславливает грозящие ему величайшие опасности. Фромм видит и описывает только недостатки, но не достижения, только отчуждения, но не преодоление отчуждения, лишь одну сторону противоречия, но не другую его сторону. Поэтому он рассматривает стоящую перед человеком задачу как проблему преодоления всеобщего естественного, но отнюдь не социального отчуждения. В действительности же проблема, стоящая перед человеком в наше время, исторически сложилась как проблема, состоящая в том, чтобы покончить с отделением человека от мира, других людей и самого себя и тем самым привести экономические, социальные и политические формы в соответствие с величайшим прогрессом, достигнутым человечеством в управлении природой и в познании природы и общества.

Видя только одну сторону противоречия, Фромм ошибочно толкует *историческую* проблему, стоящую перед человеком, как *естественную* проблему эволюции человека из животного мира. Он рассматривает отде-

ление человека как нечто вроде бессознательного первородного греха, проникающего в сознание людей во все эпохи в виде чувств одиночества, беспомощности, безнадежности, тревоги, вины и стыда. Согласно Фромму, эти чувства не первичные эмоциональные реакции на конкретные исторические условия, а реакции, исходный и постоянно возрождающийся источник которых кроется в возникновении человечества в ходе его эволюции и в физическом отделении младенца от матери при рождении. Обществу отводится лишь роль пособника естественного отчуждения человека по всем линиям. Наличные формы отчуждения и соответствующие им эмоции рассматриваются как следствие того, что люди «эмансипировались от свойственной первоначально животным гармонии с природой после их рождения как людей». Это новый вариант классической психоаналитической «родовой травмы». И фило- и онтогенетически человек вырван из естественной гармонии биологического инстинктивного союза и обращен к миру и к самому себе своим изолированным и обнаженно уязвимым телом и духом. «Когда рождается человек,— пишет Фромм,— как отдельный индивид или как человечество в целом, он оказывается исторгнутым из одной ситуации, которая была столь же определенной, как инстинкты, и перенесенным в иную ситуацию, являющуюся неопределенной, неизвестной и открытой... Он осознает себя как отдельное существо... осознает свое одиночество и отделенность, свою беспомощность перед силами природы и общества, и все это делает его отдельное, оторванное от других существование невыносимой темницей». Естественная, вызванная самим фактом рождения тюрьма одиночества, усиленная чуждым индивиду обществом, служит источником синдрома отрицательных эмоциональных состояний, которые Фромм, экзистенциалистская философия и новая теология считают характерными для современного человека. «Осознание человеческой отделенности,— говорит Фромм,— является источником стыда. И в то же время оно является источником чувства вины и тревоги»¹. Родовая травма якобы приводит к возникновению человеческого отделения и к

¹ Erich Fromm, *The Art of Loving*, pp. 7—9.

синдрому осознания собственного несчастья как у отдельного человека, так и у человечества в целом.

Чрезвычайно много свидетельств, собранных романистами, драматургами и поэтами, а также психологами, философами и теологами, говорит в пользу существования и объективного отчуждения и реактивного эмоционального синдрома, — слишком много, чтобы можно было в них усомниться. Точно так же как существует широко распространенное отчуждение на многих уровнях, *существует* и синдром осознания собственного несчастья, включающий в себя чувства одиночества, безнадежности, разочарования и тому подобное. Может ли, однако, причина синдрома быть сколько-нибудь более естественной, чем причина действительного отделения человека? Последняя, как было сказано выше, включает отрицательную сторону развивающегося исторического противоречия, которой противостоит другая сторона, представляющая собой величайший прогресс, проделанный человечеством в течение веков путем преодоления других форм отчуждения. Отсюда следует, что эмоциональные состояния синдрома несчастья представляют собой односторонние реакции на те виды социального, политического и экономического отчуждения, которые составляют в совокупности отрицательную сторону исторического противоречия. В таком случае существующие ныне формы отделенности человека вместе с их эмоциональным отражением в виде синдрома несчастья представляют собой компоненты некой конкретной формы общества на данной конкретной стадии его развития.

Если синдром несчастья выражает собой одностороннее подчеркивание негативного аспекта истории, и в особенности капитализма, как у Фромма, то одностороннее рассмотрение только великих и несомненных положительных достижений истории, включая даже те, которые были осуществлены при капитализме, в прошлом и в настоящее время, может привести к появлению особого синдрома «розовые очки», состоящего из всех светлых и оптимистических эмоций. При рассмотрении лишь одной стороны развивающегося исторического противоречия, какую бы из них мы ни взяли, неизбежно возникает определенный синдром исключительных эмоциональных состояний, либо сплошь положительных, либо только отрицательных.

Здравый реалистический подход к истории, в том числе и к современному капитализму, состоит в тщательном анализе обеих сторон противоречия, предполагающем историческое развитие как каждой из них в отдельности, так и обеих вместе в их взаимодействии. Подобный подход показывает направление движения противоречия, ведущего к его разрешению. При таком тщательном многостороннем анализе уделяется внимание как прогрессу, достигнутому в преодолении разных форм отчуждения, так и той отделенности, которая становится со временем все более острой и настойчивой. Подобный подход позволяет наметить возможное и потенциальное решение проблемы преодоления еще сохранившихся форм отчуждения. Эмоциональные состояния, выражающие реалистическую оценку развивающихся противоречий капитализма, как и вообще истории, если только они действительно основаны на тщательном анализе, будут характеризоваться ясностью мышления, нервной устойчивостью, твердостью цели и воли и находить свой источник в сильной эмоциональной убежденности, обусловленной знанием того, что все развивается только в борьбе и эту последнюю можно познать.

Структура тесно взаимосвязанных эмоциональных состояний, выражающих осознание обеих сторон развивающегося исторического противоречия, определяется, как и все эмоции, уровнем познания, истинностью идей, фактов и теорий, на которых они основываются. Если в какой-то момент неостаток знаний о конкретном историческом развитии, индивид легко может скатиться либо к крайнему пессимизму, либо к чрезмерному оптимизму, то есть к синдрому несчастья или к синдрому так называемых «розовых очков». Только непрерывное расширение и углубление знаний может правильно отразить постоянно изменяющуюся социальную реальность на уровне как идей, так и эмоций.

Обращая внимание лишь на одну сторону исторического противоречия, Фромм становится настолько пессимистичным и недалеким, что не может увидеть никаких положительных ценностей ни в капитализме, ни в других формах общества. Ничего хорошего не может увидеть он и в индивиде, по крайней мере во внешних проявлениях социальной личности. С другой

стороны, он убежден, что человек где-то очень глубоко внутри гуманен и добр. Единственный способ, которым он может объяснить подобную аномалию, состоит в том, чтобы принять всерьез миф о грехопадении и изгнании человека из рая. Все хорошее, что есть у человека, происходит от того, что было в нем до грехопадения, а после него все доброе и гуманное было подавлено в угоду социально обусловленному роботоподобному «я». Видя лишь те формы отчуждения, которые не только не были преодолены, но, напротив, становятся все острее, он приписывает их изначально не истории, а естественным причинам — изгнанию человека из рая инстинктивных родственных связей. Так, например, эмоциональный синдром несчастья связывается им прежде всего с теми формами отдаления, которые возникли в ходе естественной эволюции, и только вторично Фромм относит их за счет общества вообще и капитализма в частности — и то рассматривая общественное влияние только как усугубляющий фактор.

Односторонняя трактовка истории и индивида привела Фромма к тому, что он неверно сформулировал и проблему, стоящую перед людьми, и возможности ее разрешения. Вследствие своей неспособности увидеть, что общество предоставляет человеку все его потенциальные возможности — и положительные и отрицательные, и хорошие и плохие, и отчуждение в его разнообразных формах, и преодоление отчуждения, — Фромм вынужден был присоединиться к вековой традиции, не подвергшейся пока еще критике, согласно которой потенциальные способности человека каким-то образом внутренне присущи индивиду. Ему приходится, таким образом, считать, что индивид содержит в себе и положительные, и отрицательные силы. По традиции доброе в человеке ведет свое происхождение со времен рая, а злое — со времени его грехопадения. Фромм освобождает миф от его теологической формы и дает ему биологическое толкование. Человек выпадает из биологического инстинктивного единства и впадает в психологически осознаваемую им отдаленность. Таким образом, все злое в индивиде и в создаваемом людьми обществе происходит из этой сильной родовой травмы и затем все более усугубляется. Вот это воистину пессимистический взгляд, рассчитанный на то, чтобы не уменьшить,

а скорее усилить влияние синдрома несчастья на большую часть современного человечества. Однако Фромм указывает нам тонкий луч надежды. Он предлагает решение проблемы существующего отделения человека и его эмоционального одиночества, а именно «воссоединение с помощью любви».

Критика теории любви Фромма

Прежде чем уточнить, что именно он имеет в виду, говоря о «воссоединении с помощью любви», Фромм производит различие двух ложных способов преодоления отчуждения, называемых «бегством от отделенности». Он имеет в виду оргии и конформизм, которые, по его утверждению, в равной степени характерны для капиталистического общества. Состояния первого типа вызываются наркотиками, алкоголем или животной сексуальностью; они дают кратковременное освобождение из темницы одиночества благодаря созданию иллюзий единения. Второй представляет собой массовое производство роботоподобных личностей, которые обладают абстрактным равенством вследствие тождественности внешнего облика и характера, а также совершаемых ими по заведенному порядку браков, ведению хозяйства, выполнения работы и участия в играх. Подобно оргиям, конформизм создает временное ложное ощущение «сопринадлежности», но со временем приводит лишь к усилению чувства одиночества и к обострению синдрома несчастья. В совокупности оргии и конформизм представляют собой два основных способа избавления от отделенности в американском капиталистическом обществе — оргия конформизма и конформизм оргий, карусель бесконечных, неустанных и тщетных поисков.

Только в любви может найти человек истинное решение. «Любовь, — говорит Фромм, — позволяет ему преодолеть чувство изоляции и отделенности». Но что такое любовь? «Любовь — это активная сила в человеке, — определяет он, — сила, которая опрокидывает стены, отделяющие человека от других людей, и объ-

единяет его с другими»¹. Любовь вовсе не один из многих типов взаимоотношений и не совокупность эмоций, различные формы которых развились в конкретных условиях в ходе тысячелетней человеческой истории. Это вовсе и не социальный феномен, который должен быть интериоризован и усвоен в ходе индивидуального развития каждым ребенком и взрослым. Согласно Фромму, это скорее «активная сила в человеке», внутренне присущая ему способность, изначально вложенная в него потенциальная возможность, которая только и ждет своего признания в той или иной форме и освобождения из темницы подавленного бессознательного.

Каковы же формы любви? Фромм различает шесть форм: это материнская любовь, отцовская любовь, любовь к родителям, братская любовь, эротическая любовь и любовь к богу. Он полагает, что они все одновременно сосуществуют в бессознательном каждого индивида. Они составляют большую часть тех человеческих потенциальных способностей, которыми Фромм наделяет гуманное образование, замещающее негуманный бурлящий котел фрейдовского «оно». Они являются частью наследия, полученного человеком из рая, перед его грехопадением. И здесь Фромм снова приписывает условиям естественной эволюции то, что в действительности следовало бы отнести за счет исторического развития. Формы человеческой любви — как сами взаимоотношения, так и разнообразные сочетания родственных эмоций — являются продуктами исторических процессов, причем довольно-таки поздними по времени. Большинство из них, если не все вообще, формировались, вероятно, параллельно с развитием семьи в различных ее формах, все более приближаясь к известным нам формам любви по мере того, как семья приближалась к современному типу моногамии. Так, например, известно, что эротическая, романтическая любовь начала развиваться у греков и римлян в средние века, как своеобразная реакция на ограничение моногамии, и только в наше время она действительно стала основой самого брака.

¹ Erich Fromm, *The Art of Loving*, pp. 20—21.

Каждый тип любви имеет свою собственную историю, которая в свою очередь связана с человеческой историей в целом¹. При рождении у ребенка нет способности ни к одной из форм любви. Он должен научиться любить родителей, братьев и сестер, сверстников, друзей, страну и, наконец, своего супруга и собственных детей. Среди других форм существует и любовь к истине, науке, искусству, развлечениям. Ни одна из них не является врожденной или внутренне присущей некоему подавляемому бессознательному. Врождены только анатомо-физиологические структуры и функции, те структуры и функции, которые делают возможным для человека участие в жизни общества. Благодаря этому участию ребенок и взрослый узнают, что значит любить и быть любимым.

Разные формы любви существуют вокруг индивида в его социальном окружении. Когда взрослый или ребенок усваивает какую-нибудь форму любви, он также может начать любить, и чем больше он любит, тем больше возрастает его способность любить. *На первый взгляд кажется*, что любовь исходит изнутри, что нет нужды учиться любить, потому что она усваивается как бы благодаря социальному осмосу. Ребенок и взрослый сами овладевают способностью любить. Значит, видимость вещей не является целиком ложной. Действительно, благодаря нашему участию в жизни общества мы создаем у самих себя способность любить в разных формах, примерно так же, как мы усваиваем и многие другие умения, например умение говорить. Оно не может быть врожденным, просто ожидающим *где-то там* своего часа, чтобы расцвести, так как чем же иначе определяется, на каком языке мы будем говорить? Можно задать аналогичный вопрос и о том, что же определяет формы нашей любви по сравнению с теми ее формами, которые практикуются в разных местах или в разное время? Рассмотрение человеческих «способностей» как внутренне присущих всему виду приводит к неразрешимым проблемам. Можно считать, что язык и любовь существуют в обществе и заново усваиваются каждым ребенком по мере его взросления

¹ Morton H. Hunt, *The Natural History of Love*, Knopf, New York, 1959.

путем участия в жизни общества, а также благодаря биологическому созреванию организма и нервной системы.

Формы любви — это социальные явления, усваиваемые, как и другие способности и взаимоотношения, только в результате социальной практики. Любой другой взгляд наталкивается на непреодолимые трудности и противоречия. Теория любви Фромма не представляет в этом отношении исключения. С его точки зрения, все формы любви — это активные силы, внутренние присущие бессознательной психике человека. Исходя из его собственной психоаналитической теории можно было бы ожидать, что Фромм будет утверждать, что путем использования пересмотренных методов психоанализа и реформированного им искусства толкования якобы универсального символического языка бессознательного разнообразные способности любить и быть любимым, выступающие в шести формах любви, могут быть извлечены на свет, стать предметом сознания и активизироваться как виды межличностного поведения. Если он действительно всерьез относится к своим теориям и методам, то он должен был бы сам сделать это или рекомендовать это другим. Однако Фромм, вместо того чтобы использовать психоаналитические методы толкования сновидений, свободных ассоциаций, перенесения и искусства перевода универсального символического языка бессознательного, полагается на старомодные рационалистические аргументы с целью преподать читателю сведения о природе любви и даже о том, как любить. Но если любовь и способность к ней являются частью бессознательного, забытого людьми наследия, то зачем учить их этому? Фромм должен был бы выступить в роли повитухи по отношению к тому, что уже содержится в личности, применяя для этого психоаналитические акушерские средства. Сейчас нам ничего не остается, как проследить его рационалистическую аргументацию.

Фромм утверждает, что существует некая сущность любви, которая лежит в основе всех ее шести конкретных форм. Эта ее внутренняя сущность состоит из двух полюсов, или начал: мужского полюса, или начала мужественности, и женского полюса, или начала женственности. Оба они имманентно присущи индивиду независимо от его пола. У мужчин есть заложенное в них

не только мужское, но и женское полярное начало, а у женщин — не только женское, но и мужское. У женщин доминирует женский полюс, у мужчин — мужской. Эти два полюса воплощают два противоположных начала. Женское полярное начало характеризуется, по словам Фромма, «качествами плодотворной восприимчивости, защиты, реализма, терпения и материнства», а мужское начало — «наличием качеств проникновения и вмешательства, активности, дисциплины и авантюризма». Эти полюсы с определяющими их чертами Фромм превращает путем обобщения в универсальные принципы, заложенные в природе в целом, «принцип восприятия и проникновения, материи и духа». «Такая же полярность мужского и женского начал, — говорит он, — существует и в природе, и не только у животных и растений, что само собой очевидно, но и в полярности функций притяжения и проникновения. Это полярность земли и дождя, реки и океана, ночи и дня, тьмы и света, материи и духа»¹. По существу, выдвигаемая Фроммом концепция представляет собой старую доктрину восприимчивой материи и проникающего в нее духа, согласно которой пассивная, бесформенная, женственная материя приобретает конкретное качество вследствие проникновения в нее активного и сведущего мужественного духа. Множество авторов, приспособив к теологии аристотелевскую метафизику, придерживались этой линии мышления, начиная с Маймонида и святого Фомы Аквинского. В последнее время эта концепция превратилась в излюбленную тему не только теологии, но и романтизма, от Уильяма Блейка и до Д. Г. Лоуренса.

Фромм смешивает воедино теологический и романтический варианты тезиса об изначальном существовании в природе женского и мужского начал. В раю перед грехопадением мужское и женское начала извечно удерживались в состоянии равновесия с помощью естественных инстинктивных сил. Когда мужчина отведал от плода познания, это естественное равновесие было нарушено. Последующая история человечества — это повесть о неустанных и бесплодных поисках соединения полюсов как в лице представителей противоположного пола, так и в самом себе; мужчина ищет жен-

¹ Morton H. Hunt, *The Natural History of Love*, pp. 34—36.

щину, женщина — мужчину, и каждый из них ищет самоинтеграции, уравновешенного союза мужского и женского начал. Самым простым способом воссоединения этих начал было бы возвращение в рай, к инстинктивно регулируемому единству. Ранние романтики, например Руссо, возвеличивали первобытного человека, и современные, например Д. Г. Лоуренс, временами тоже ратуют за возврат к нему. Но, в общем, романтики, в том числе и Лоуренс в минуты наиболее глубоких и серьезных его раздумий, утверждают, что для человечества нет пути назад, что оно должно двигаться вперед в своем «путешествии в глубины сознания» и отыскивать новые пути соединения двух противостоящих друг другу чуждых начал. Фромм присоединяется к этому господствующему взгляду романтиков: «...будучи однажды оторван от природы, он уже не может вернуться к ней... Человек способен двигаться только вперед, развивая свой разум, отыскивая новую человеческую гармонию вместо дочеловеческой гармонии, безвозвратно утерянной»¹.

«Новая гармония», которую отыскал «разум» Фромма, представляет собой единство мужского и женского начал внутри одного индивида. Он называет этот союз начал «ориентацией характера», являющейся сущностью любви, общей для всех ее различных форм. «Любовь не есть прежде всего отношение к конкретному лицу, — говорит он, — ориентация характера — вот что определяет отношение личности к миру в целом, а не к одному объекту любви»². Но если это так, то тогда центральной проблемой любви становится вопрос о том, как создать такую ориентацию характера. Ведь, согласно Фромму, без такой внутренней, внутрииндивидуальной гармонии мужского и женского начал оказываются невозможными и родительская, и эротическая, и братская любовь, и любовь к богу. Любовь считается «неделимой». В зависимости от ориентации характера человек либо способен любить, либо не способен. Если он достиг правильного равновесия мужского и женского начал, то отсюда следует, что он будет способен любить мир, мужчину, женщину, самого себя и бога. Приобре-

¹ Morton H. Hunt, *The Natural History of Love*, p. 7.

² Там же, стр. 46.

тение гармоничной структуры характера служит ключом к жизни и любви, средством преодоления первоначальной отделенности и создания единства на всех уровнях.

Решение, которое предлагает Фромм для проблемы, как достичь новой гармонии мужского и женского начал в душе отдельного индивида, приводит к неожиданному выводу. Можно было бы ожидать, что он будет взывать к психоанализу, что он, конечно, и делает. Но он обращается к нему только для того, чтобы указать на ограниченность его возможностей, которая свойственна якобы и «всякому рациональному мышлению и науке». Тут Фромм, по-видимому, чувствует, что он добрался до последней ступени психологической мысли, по крайней мере в ее психоаналитической форме. С вершины лестницы он обнаруживает, что единственной альтернативой признания своего бессилия и поражения является прыжок в разреженную атмосферу мистицизма. Проследивая его аргументацию, мы становимся свидетелями его перехода от психоанализа к мистической логике, теологии и дзен-буддизму.

Согласно Фромму, психоанализ, психология, рациональное мышление и наука могут добраться до сердцевины гуманного по своему содержанию бессознательного и найти там два коренных элемента человеческой души — мужское и женское начала. Они могут определить два противоположных начала, указав их противоположные черты. Но традиционное рациональное мышление, какой бы научный вид оно ни принимало, бессильно привести противоречивые начала в состояние гармонии. Здесь якобы лежит граница разума, по крайней мере в его «западной» форме.

Обратившись к мистической философии и религии Востока, Фромм обнаруживает там логику, которая занята прежде всего разрешением парадоксов и противоречий. Когда традиционная аристотелевская логика достигает границ своих возможностей, пункта окончательного противоречия, он обращается к парадоксальной логике, где каждое из двух противоположных начал оказывается равно истинным и обязательным для одного и того же лица и в одно и то же время.

Фромм описывает аристотелевскую логику и ее исходные принципы, смысл которых исключает возмож-

ность противоречия. Он цитирует самого Аристотеля: «Невозможно, чтобы одна и та же вещь одновременно и принадлежала и не принадлежала той же самой вещи и в том же самом отношении». Аристотель называет это положение «наиболее определенным из всех принципов». Два противоположных атрибута, таких, как мужское и женское начала, не могут приписываться одной и той же вещи — человеческой душе или бессознательному — в одно и то же время. Однако именно это Фромм считает неизбежным. Следовательно, аристотелевская логика оказывается в дальнейшем бесполезной. Он обращается к *парадоксальной логике*, которая, по его словам, «признает, что А и не-А в качестве предикатов Х не исключают друг друга»¹. Парадоксальная логика, по-видимому, не усматривает ничего невозможного или чрезвычайного в утверждении, что противоположные друг другу противоречивые мужское и женское начала должны одновременно принадлежать индивидуальному бессознательному.

Фромм отождествляет парадоксальную логику с китайскими и индийскими мистическими учениями и с философией Гераклита, Гегеля и Маркса, где она выступает под именем диалектики. Однако он игнорирует диалектическую логику — и древнюю, и современную — и утверждает мистическую парадоксальную логику, цитируя наиболее соответствующий ему принцип Чжуан-цзы: «То, что является этим, есть это. То, что не является этим, также есть это». Он обращается к учениям Лао-цзы и даосистов, к браминской философии и учению ведды, к каббале и Мейстеру Экхарту.

Из всего этого он заключает, что существует «единство, скрывающееся за многообразием», что, согласно парадоксальной логике, «воспринимаемая пара противоположностей отражает природу не вещей, а воспринимающего ума». Противоречие или парадокс характерны для разума, а не для мира. Поэтому они не объективны, а чисто субъективны. Фромм соглашается с парадоксальной логикой в том, что противоречие представляет собой только свойство мышления. Вне мышления и сознания существует абсолютное единство, гармоническое слияние всех противоположностей и противоре-

¹ Morton H. Hunt, *The Natural History of Love*, p. 73.

чий в единую реальную действительность. Реальность есть гармоническое целое, в то время как конечной границей мышления является противоречие. «Человеческое мышление, — говорит Фромм, — воспринимает реальность в противоречиях», и поэтому «человек способен познать только отрицание, но никогда не утверждение самой конечной реальности». Уточняя, Фромм утверждает, что «человек может воспринимать реальность только в противоречиях, но никогда не способен воспринять *мышлением* конечную реальность в ее единстве, ее самоё»¹. Он делает вывод, что найти ответ с помощью рационального мышления нельзя. «Мышление, — говорит он, — может привести нас только к познанию того, что оно не способно дать нам окончательный ответ». Даже «наиболее развитое» мышление в форме парадоксальной логики «остаётся в ловушке парадокса». Эта логика может мыслить в терминах противоречий, но она не способна разрешить противоречие, которое сама создает. Только прыжок к гармонической реальной действительности, которая, как предполагается, является непротиворечивой, непарадоксальной, прыжок в таинственное Нечто мистической религиозной философии может разрешить проблему противоречия, вывести единство из двойственности.

Прыжок к единству с таинственным Нечто — это и есть решение Фроммом проблемы любви. Это решение, говорит он, «основано на нашем знании фундаментальных, а не случайных возможностей нашего познания». Рациональное познание ограничено в своих возможностях; только с помощью мистического знания человек способен усвоить единство мужского и женского начал. «Это знание о том, что мы никогда не постигнем тайны человека и Вселенной, — говорит он, — но что мы можем тем не менее познать ее в акте любви». Человек не может разрешить противоречие, существующее в сфере его бессознательного, не может объединить мужское и женское начала, гармония которых якобы составляет сущность любви и необходимую предпосылку ее существования, иначе чем в самой любви. Воистину немало труда потребовалось, чтобы родить тавтологию.

Согласно Фромму, психология способна познать лю-

¹ Morton H. Hunt, *The Natural History of Love*, p. 77.

бовь не более, чем теология способна познать бога. Как в одном, так и в другом случае только непосредственный опыт, акт веры и любви, может дать полное познание. «Психология как наука имеет свои границы, — говорит Фромм, — точно так же, как мистицизм является логическим следствием теологии, конечным следствием психологии является любовь»¹.

Для чего же было погружаться во все хитросплетения внутренних, прирожденных человеку противоречивых начал, ограниченных возможностей познания, субъективной парадоксальной логики и объективной гармонии, если в конце концов Фромму пришлось заявить, что решением проблемы любви служит сама любовь? Но и, помимо этого, в рассуждениях Фромма имеется неразрешимое противоречие. Если достижение гармонии мужского и женского начал есть предпосылка любви, то тогда каким образом акт любви можно рекомендовать в качестве средства осуществления этой самой гармонии? Единственным возможным решением этого противоречия в рассуждениях Фромма может служить то, что парадоксальная логика показала ему, что в действительности нет никакого внутреннего противоречия между мужским и женским началами, поскольку реальная действительность едина. Фромм лишь *думал*, вследствие ограниченных возможностей своего мышления, что существует противоречие, разрешение которого представляет собой обязательное предварительное условие любви. Поскольку противоречие существует только в мышлении Фромма, но не в предполагаемом бессознательном индивида, то отсюда следует, что люди могут спокойно продолжать поступать, как прежде — учиться любить путем приобщения к социальным формам любви, существующим для них в окружающем обществе. Они могут даже развить на их основе формы, более соответствующие их потребностям, интересам и стремлениям, поскольку эти последние в свою очередь развиваются в процессе взаимодействия индивидов с продвигающимся вперед обществом.

Источником безнадёжного тупика в рассуждениях Фромма о любви служат два ошибочных и некритичных предположения, из которых одно имеет отношение к

¹ Morton H. Hunt, *The Natural History of Love*, p. 32.

теории, а второе к *методу*. Теоретическое предположение, которое сбilo Фромма с истинного пути, состоит в утверждении, что любовь — это прирожденная способность человека, а не социальный феномен, к которому приобщается индивид. Как уже говорилось выше, взгляд, согласно которому любовь есть имманентная потенциальная способность человека, тлубоко укоренившаяся в его природе, делает невозможным объяснение исторического происхождения и развития конкретной формы любви. Эта позиция приводит Фромма также и к противоречию с самим собой: человек способен познать любовь, только любя, то есть участвуя в социально установленных формах любви. Подобных противоречий можно избежать только в том случае, если рассматривать любовь наряду со всеми другими взаимоотношениями, идеями, эмоциями, способностями и т. д. как исторически развившиеся явления.

Методическое положение, сбившее Фромма с пути, состоит в том, что противоречия, согласно парадоксальной логике, характерны только для мышления, но не для реальной действительности. Два типа логики — формальная и диалектическая — по традиции рассматривались до сего времени как не только логические, но и онтологические, то есть выражающие законы и формы как человеческого мышления, так и объективного мира. Классическая научная позиция в отличие от субъективной идеалистической состоит в том, что логические законы считаются отражением в человеческой психике объективно существующих законов.

Мы видели выше, что Фромму присущ односторонний взгляд на общество, и в частности на капиталистическое общество, потому что он не признает одновременного существования противоречивых его сторон, того, что капитализм содержит в себе элементы, которые являются и добром и злом, и прогрессивны и реакционны, и человечны и античеловечны. Сосредоточившись исключительно на зле, игнорируя или не желая видеть добро, Фромм столь резко клеймит капитализм, что отрицает возможность превращения его во что-то лучшее или существование при этом строе сколько-нибудь добрых, прогрессивно настроенных и гуманных людей. Из этих рассуждений следует, что при капитализме нет людей, способных построить из обломков старо-

го новое, лучшее общество. Другими словами, они приводят к почти полному цинизму.

То же самое можно сказать и о подходе Фромма к любви. Капитализм и естественное отчуждение человека в совокупности приводят к появлению людей, которые не умеют любить, хотя и предполагается, что в глубине их души кроется способность к любви. Как же могут люди любить в таком бесприсветно ужасном обществе, как капиталистическое? В действительности, конечно, капитализм вовсе не такое уж бесприсветно ужасное общество. Это скорее динамическое противоречие между такими его чертами, которые открывают перед людьми величайшие возможности, и другими чертами, которые приводят к крушению человеческих планов и искажают их. К любви это относится не меньше, чем к другим аспектам жизни. С одной стороны, при капитализме романтическая любовь, например, заменяет деловую сделку родителей как приемлемая основа для брака; это большой шаг вперед. Но с другой стороны, продолжают сохранять свою силу влияния, которые при том же самом капитализме подчиняют романтическую любовь как основу для брака экономическим или социальным мотивам, препятствуют любви мужа и жены и душат ее в тисках экономического давления и извращения ценностей. Таким образом, капиталистическая организация общества в одно и то же время предоставляет для отношений романтической любви неслыханные до сих пор возможности и создает условия для крушения всех надежд. Это противоречие — только один пример из хаоса сталкивающихся друг с другом сторон, характерных для современного капитализма. Непонимание объективного существования таких противоречий может привести либо к циничному отчаянию, либо к ослепленному желаниями рассуждению. Эти две крайности представляют собой абсолютные и нереальные противоположности, которые легко превращаются друг в друга.

Отчаяние Фромма по поводу невозможности любви при капитализме находит свою противоположность в его желании думать, что в глубине души человек способен любить и что нужно только дать расцвести этой его способности. Но каждый раз, когда Фромм возвращается к своему мрачному взгляду на капитализм, эта

страстная надежда превращается в отчаяние. Для него при капитализме нет никаких противоречий. Капитализм не предоставляет людям никаких возможностей, а лишь подавляет их врожденные способности. Он производит исключительно только «отчужденные автоматы», «а автоматы,— говорит Фромм,— не умеют любить». Автоматы могут овладеть лишь «какими-то формами псевдолюбви, которые в действительности представляют собой самые разнообразные формы разрушения любви»¹. При таком одностороннем подходе к капитализму Фромм отчаивается в возможности любви и говорит о «полной несовместимости любви и нормальной мирской жизни в рамках нашего общества». Что же тогда остается человеку? Он может только «питать веру в возможность любви». Единственным «рациональным» основанием для такой веры служит «прозрение», говорящее, что любовь есть способность, внутренне присущая человеческой природе. Вера в любовь, говорит он, — «это рациональная вера, основанная на понимании природы человека»².

Подобно тому как приобщение к существующим в обществе формам любви является всеобщим, универсальными и силы, приводящие к крушению стремлений людей к любви. Это относится как к неконформистскому меньшинству, так и к конформистскому большинству. Противоречие между любовью, существующей на практике, и любовью, к которой человек стремится, для человечества само по себе — и обещание и надежда. Будущее любви — в преодолении этого противоречия путем усилий и борьбы.

Фромм при свойственном ему неисторическом подходе к капитализму не способен увидеть никакой основы для развития любви и в мятежной реакции возлагает надежды — и свои и всего человечества — на непрочный союз между предполагаемой им внутренней способностью человека любить и неконформистской долей любовной практики. Следовательно, единственной альтернативой отчаяния для Фромма служит хрупкая вера.

Полагаясь в конечном счете на веру, Фромм приходит к союзу с теологией и дзен-буддизмом.

¹ Morton H. Hunt, *The Natural History of Love*, pp. 83, 87.

² Там же, стр. 131—133.

Врачеватель души

Слияние психоанализа с религией, экзистенциализмом и дзен-буддизмом

Эрих Фромм является ведущим представителем нового направления в американской мысли, тем центром, где сливаются три потока: психоанализ, философия и теология. Общим для них всех является интерес к душе человека, которая, как считается, находится в состоянии кризиса и требует врачевания для своего возрождения. «Психоаналитик, — по словам Фромма, — не теолог и не философ, и он не претендует на компетенцию в этих областях, но как врачеватель души он занимается теми же проблемами, что и философия и теология: душой человека и ее излечением»¹.

Говоря конкретнее, три течения мысли, объединяющихся для создания нового направления, — это реконструированный гуманистический психоанализ, широко распространенная экзистенциалистская философия и реформированная несектантская теология, основанная на учениях последних иудейских пророков и раннего христианства. Все три потока находятся под влиянием дзен-буддизма.

В лице Фромма это новое направление находит своего наиболее четкого и влиятельного выразителя. Это глас бунта в понимании Камю, вопиющий в пустыне грубого материализма и примиренчества с преходящими ценностями. Это крик одинокого гуманиста, тонущего в море превратившихся в товар людей и тревог атомного века, некий Измаил, призывающий к моральному возрождению ста восьмидесяти миллионов падших душ.

¹ Erich Fromm, *Psychoanalysis and Religion*, Yale Univ. Press, New Haven, 1950, p. 7.

Этот глас, крик и призыв необычайно глубоко проникают в душу собратьев — отдельных гуманистов и людей доброй воли, особенно в США в современной надежной исторической обстановке.

Множество влияний создают как внутри трех указанных областей, так и вне их, в стране и во всем мире ситуацию, благоприятствующую появлению того типа мышления, который можно наблюдать у Фромма, и придают ему большую притягательную силу.

Философия и теология обращаются к психоанализу

В философии отмечается все возрастающая нетерпимость к академическим системам, занимающимся проблемами познания и реальной действительности, вместо того чтобы обратиться к нынешнему затруднительному положению человека, подавленного обезличенным колоссом современного общества. Разочарование в познании вообще и в науке в частности приходит сейчас на смену тем эпистемологическим рассуждениям, которые были на первом плане у позитивистов и логического, и семантического, и прагматистского толка. Если, например, Джон Дьюи в другое время утверждал науку и научный метод, одновременно производя подкоп под них, то в настоящее время отмечается тенденция к открытому и полному вырождению науки. Науку, лишенную ее героической роли, теперь обвиняют в большей части того зла, которое творится в мире и где не последнее место занимают водородная бомба, электронный мозг и поточное производство умов. Наука, разум и прогресс развенчиваются, как натурализм и материализм XIX века. Рационализм и реализм отвергаются, как и архаический идеализм прошлого столетия. Философы, занимающиеся социальными проблемами, независимо от того, защищают они натуралистический прагматизм или диалектический и исторический материализм, пользуются плохой репутацией как порождение XIX века и эксцессов тридцатых годов.

Академическая философия все еще широко разрабатывает свои традиционные проблемы и системы, но ее прямое влияние за пределами университетов и даже внутри них очень невелико. Быстро растущая армия уче-

ных, художников, писателей, театралов, читателей поворачивается ныне к широко распространенной философской теории, известной под именем экзистенциализма. Экзистенциализм возник в эмоциональной ситуации, характерной для самосознания современного западного человека. Его отправным пунктом является комплекс таких эмоций, как чувства одиночества, разочарования, вины, тревоги и отчаяния. В совокупности они называются «смертельной болезнью», «*maladie du siècle*»¹ или «тяжелым положением человека».

Экзистенциализм исходит из того состояния ума, с которым отчужденный индивид может полностью себя отождествить. Затем он ставит метафизический, но эмоционально актуальный вопрос: быть или не быть, существование или ничто, жизнь или самоубийство? Если после длительной агонии копания в душе принимается решение против самоуничтожения и в пользу жизни, то встает второй вопрос: быть или не быть самим собой, что выбрать — существование личности как некой целостной человеческой индивидуальности или же молча согласиться на бытие в качестве псевдоличности, соответствующей анонимному ничтожеству современного стандартного человека? При этом предполагается, что второй вопрос выдвигает проблему спасения души. Каким образом я могу стать реальной индивидуальной личностью в том смысле, что смогу реализовать на деле свои человеческие потенциальные возможности?

Экзистенциализм предлагает несколько различных способов излечения души. В лице Камю он предлагает разумный *бунт* против бесчеловечности бога и установленного социального порядка. Устами Сартра он рекомендует *участие* в социальных и политических событиях сегодняшнего дня. Однако ни в одном из этих случаев ничего не говорится об историческом развитии человека, к которому бунтующий и занимающийся вопросами дня индивид мог бы присоединиться; не говорится также и о способах спасения души, которые сделали бы возможным бунт человека или активное участие его в жизни общества.

В результате и сам Сартр, и экзистенциализм в целом, в его французском, немецком и американском

¹ Болезнь века (франц.).

вариантах, обращаются к психоанализу. Он один предлагает какую-то разработанную технику преобразования характера и излечения души. Сегодня множество экзистенциалистов занимаются приспособлением психоаналитического метода к своим собственным потребностям. В то же самое время многие психоаналитики обращаются к экзистенциализму, пытаясь дать своему учению более широкую основу, чем та, которую предложил Фрейд. В частности, психоаналитики изучают экзистенциалистскую литературу, для того чтобы глубже понять философско-психологическую «*maladie du siècle*». Основной предмет у тех и у других, в сущности, одинаков: это личная эмоциональная тревога, чувство вины и отчаяние современного человека.

В теологии наблюдается разочарование в традициях, сходное с тем, которое мы видим в философии. С одной стороны, оно принимает вид бунта против лицемерия, сектантства и стремления к выгоде организованной религии, имеющей форму общественного клуба. Выдвигается обвинение, что церковь и храмы превращаются в агентов комфортабельного статус-кво. С другой стороны, говорится, что сама теология занимается не эмоционально-личностными состояниями современного человека, а мельчайшими деталями традиционных различий между отдельными сектами. Результатом этого бунта является новое движение в теологии, которое все более отчетливо оформляется; оно отправляется от охарактеризованного Кьеркегором, Ницше и экзистенциалистами затруднительного положения, в котором находится ныне человек, и приходит к необходимости преобразования человеческой души.

Первым шагом служит признание тяжелого положения индивида в антагонистическом мире и обществе при нынешней международной ситуации; он подавлен бесчисленными институтами и находится во власти страхов и неведомых сил, не поддающихся его контролю. Одиноким, стоящим под угрозой уничтожения человек оказывается в силках комплекса эмоций, состоящего из чувств тревоги, вины и отчаяния. Второй шаг заключается в подведении человека к задаче воссоздания божественного образа человеческой личности, так чтобы он мог жить творческой жизнью служения богу и своим собратьям.

Это извечная проблема спасения души человека. С этой целью люди в течение тысячелетий прибегали к молитвам, увещаниям и вере, рациональной или открытой, и не достигли, скажем прямо, удовлетворительного результата. Новая теология ищет новый метод, который по меньшей мере дополнял бы старый, и сейчас она открывает этот метод в технике психоанализа. Анализ характера *есть* спасение души, ее исцеление, и он предлагает современные средства для того, чтобы освободить личность от старого «я» и предоставить наконец возможность проявиться ничем не подавляемой реальной личности. Теологии больше не нужно полагаться только на молитвы и обращение в веру: на помощь им могут прийти толкование снов, свободные ассоциации и метод перенесения. Переваривание психоанализа теологией быстро прогрессирует и обещает новую эру в спасении души. Одновременно и психоанализ, выступая в роли «врачевателя души», все ближе смыкается с теологией, без бога или с ним.

Таким образом, в философии и теологии намечается тенденция тяготения к психоанализу. Притягательная сила последнего в обоих случаях состоит в одном и том же: это методика излечения души, предложенная Фрейдом.

Вклад Фромма в новую теологию

Применение технических приемов Фрейда в целях излечения души, а не для устранения патологических симптомов, требует коренного изменения *формы* психоаналитической теории и ее методов. Самым решающим среди таких изменений является превращение бессознательного античеловечного «оно», ведущего свое происхождение с доисторических времен, в благословенный источник человеческих потенциальных способностей. Только такое изменение позволяет превратить преобразованный вариант фрейдовской методики в повивальную бабку человеческой души и осуществить слияние психоанализа с пребывающим внутри человека богом новой теологии и с врожденной жизненной силой экзистенциализма.

Фромм пошел дальше всех остальных психоаналитиков, внося в теорию и метод множество формальных изменений, имеющих существенное значение, если психоанализ собирается откликнуться на зов своих новых «пациентов», удовлетворить потребности новых философских и теологических союзников и решить свою новую задачу спасения души. Он преобразует фрейдовское «оно» с его врожденными первобытными силами в бессознательное, рассматриваемое как хранилище и источник всех человеческих потенциальных способностей. Чтобы открыть этот источник, он преобразует фрейдовский бессознательный сексуальный символизм в универсальный символический язык человеческой души. В этих рамках Фромм отводит новую роль психоаналитическим приемам Фрейда. Толкование снов, свободные ассоциации и явление перенесения рассматриваются отныне не как методы обнаружения подавленных инфантильных сексуальных фаз, а как *via regia* для возрождения души человека. Подобный подход к бессознательному, сочетающийся с техническими приемами доведения его до сознания, уводит Фромма от клинической психологии и приближает его к слиянию с идеалистически-религиозной философией и теологией.

Фромм сам прямо говорит об этом слиянии в своих трех религиозно-этических работах: «Человек в своем представлении», «Психоанализ и религия» и «Дзен-буддизм и психоанализ». Продолжая формально сохранять верность основной структуре учения Фрейда, Фромм в них, по существу, порывает с традиционным психоанализом и склоняется к философскому и религиозному мистицизму.

Свою защиту религии Фромм начинает с обсуждения «*maladie du siècle*». Он говорит, что современный западный человек находится в состоянии глубокого кризиса. Этот кризис является результатом совпадения двух постепенно созревающих ситуаций, одна из которых «экзистенциальная», а другая «историческая». Экзистенциальная ситуация коренится в первичных условиях существования человека на земле, в том, что Фромм называет «человеческой дихотомией», расколом между телом и душой. Тело человека едино с природой, тогда как психика его вступает в противоречие с ней. Исходная гармония природы, наблюдаемая в жи-

вотном царстве, была утрачена вследствие успехов в развитии психики, разума, воображения и самосознания. Последнее «сделало человека аномалией, причудой Вселенной»¹, чужаком на своей собственной планете. В то время как тело объединяет человека с животными, его ум возвышается над природой. Он принадлежит природе и в то же время отделен от нее. Человек осознает себя, а осознавая, отчетливо понимает свои силы и видит свой собственный конец в смерти. Фромм говорит: «Он никогда не освобождается от дихотомии своего существования: он не может избавиться от своего ума, даже если бы он захотел этого; он не может избавиться от своего тела до тех пор, пока он жив». В каждый момент своего существования он вынужден жить расколотый надвое — наполовину ум и наполовину тело, наполовину животное и наполовину человек. Дихотомия тела и ума или разума представляет собой неизменное условие человеческой жизни и потому неразрешима. «Разум, благословение человека, — пишет Фромм, — это в то же самое время и его проклятие; он заставляет его снова и снова пытаться разрешить задачу неразрешимой дихотомии». Таким образом, человек всегда представляет загадку для самого себя, которую он должен разрешить для того, чтобы дальше жить, но которую он в то же время разрешить не может, потому что, согласно Фромму, не существует решения проблемы раскола между телом и духом, между единством с природой и выходом за ее пределы. Человек не может жить, не разрешив проблему взаимоотношения души и тела, которая остается неразрешимой.

Из этих тяжелых условий существования у человека рождается его самая настоятельная потребность — потребность в «вере» и «религии». Человек может жить, несмотря на неразрешимость дихотомии, только благодаря своей религиозной вере. Следовательно, потребность в религии «коренится в условиях существования человека». Под религией Фромм понимает «любую систему мыслей и действий, которая предоставляют индивиду систему ориентиров и объект, которому он может поклоняться». Понимаемая таким образом, религия воплощает попытку человека преодолеть внутренний рас-

¹ Erich Fromm, *Psychoanalysis and Religion*, pp. 20—25.

кол своего существования, создавая образ некой гармонии тела и души, природы и духа. Вера состоит в убеждении, что мечта о гармонии будет каким-то образом осуществлена в этом мире или в ином. Божество — это воплощение мечты и веры, и таким образом система ориентиров превращается в объект поклонения. Богу поклоняются потому, что он одновременно воплощает мечту и гарантирует ее осуществление. Вера — это цемент, связывающий воедино эти два аспекта божества.

Однако для Фромма религия независима от понятия божества. В ходе истории великие религии антропоморфизировали самые существенные черты религии. Бог в образе человека по традиции рассматривался как воплощение системы ориентиров и как объект поклонения. Но по мнению Фромма, для религии это не имеет существенного значения. Религия содержит только два компонента: во-первых, систему идей в форме всеобъемлющей картины мира как высшего или конечного единства человека и природы, духа и тела; во-вторых, поклонение этой картине мира, достаточно сильное для того, чтобы вдохновить на деятельность, направленную на осуществление ее во всех сферах жизни. Чем более передовой является личность, тем менее требуется ей понятие божества как дополнение к религии. Сам Фромм не ощущает никакой потребности в таком понятии, но он не спорит с теми, у кого такая потребность имеется.

Поскольку потребность в религии возникает на основе дихотомии тела и духа и поскольку эта дихотомия представляет собой неотъемлемое условие жизни человека, общее для всех людей, отсюда следует, что «нет ни одного человека, у которого не было бы потребности в религии, потребности в системе ориентиров и в объекте для поклонения». Но если это так, то тогда человек должен был иметь такую потребность всегда. Почему же в таком случае Фромм считает дихотомию тела и духа вместе с религиозной потребностью ее преодоления характерной чертой, свойственной кризису современного человека? Напомним, что он говорил о двух составных элементах — экзистенциальном и историческом. Дихотомия включает в себя экзистенциальный фактор, существующий у человека с момента его зарождения. Исторический фактор вместе с экзистенциаль-

ным фактором тяжелого положения человека объясняет якобы теперешний кризис человека Запада.

Вплоть до XX столетия человек прежде всего и по преимуществу был занят, по мнению Фромма, проблемой хлеба, проблемой производства достаточного количества пищи, одежды и жилища. В течение этой эпохи, длившейся тысячелетия, религиозные заботы человека, осознание им дихотомии собственного существования не только играли второстепенную роль, но протитуировались ради политических требований сменявших друг друга правящих классов собственников. Священники и теологи, служа интересам господствующих кругов общества, эксплуатировали «естественную» потребность человека в религиозном поклонении. Они использовали религию, как «опиум для народа», обещая «журавля в небе», для того чтобы недовольство растворялось в слепой вере, а собственность на землю могла безопасно оставаться и дальше в руках немногих.

Однако теперь, говорит Фромм, в западном мире проблема производства решена, только *распределение* хлеба должно улучшаться и совершенствоваться. Именно этот-то факт и лежит в основе кризиса, переживаемого человеком в XX веке. Тысячелетия человек думал, что, если он сможет решить свои экономические проблемы, жизнь на земле станет благом. Но теперь, по мнению Фромма, в западном мире эти проблемы в общем и целом решены, но жизнь стала хуже, еще более невыносимой, чем когда-либо раньше. Действительно, человек совершенно дезориентирован, у него нет твердого представления о ценностях, ему не за что бороться, он одинок, находится в постоянной тревоге, отчужден от природы, других людей и от самого себя. Объяснением этого отчаянного положения, говорит Фромм, является то, что человек наконец должен прямо и непосредственно встать перед лицом величайшей из всех истин — экзистенциальной дихотомии человеческого существования. Эта истина, утверждает он, воплощена в пророческом изречении «не хлебом единым жив человек». До тех пор пока хлеб был первой и всепоглощающей заботой, человек мог поклоняться ложным богам, следовать ложной религии, обещающей ему возвращенный рай в форме материального изобилия. Теперь же человек Запада сбросил одежды ложной религии и ложных ценностей

и, обнаженный, предстал наконец перед величайшей духовной истиной — потребностью в истинной религии, в такой системе мышления, которая воплотила бы его мечту о единстве человека и природы, себя самого с другими людьми и которая в качестве объекта поклонения вдохновила бы его на борьбу за всеобщую гармонию.

Материальное изобилие, имеющееся в развитых странах Европы и Америки, открывает человеку второстепенную роль, которую играет хлеб, и решающую роль религии. Человек постигает дихотомию своего существования, с которой сорван покров экономической нужды. Таким образом, исторический фактор, по мнению Фромма, объясняет кризис современного человека. Сущность его состоит в том, что он «освобождает» человека, позволяя ему прямо взглянуть на подавляющую проблему его отчуждения. Если раньше человек думал, что все виды его отчуждения — от природы, от других людей и от самого себя — будут разрешены вместе с решением проблемы производства, то теперь он приходит к страшному для него осознанию того, что отчуждение носит не исторический, а естественный характер, что оно заложено в самих условиях человеческого существования. Это осознание, смутно ощущаемое в западном мире всеми, а особенно остро некоторыми людьми, в частности отдельными художниками и философами, вызывает, по Фромму, все усиливающийся травматический шок. Конец оказался вовсе не концом, а только новым, и на этот раз настоящим началом истинно человеческих поисков людьми самих себя, самосознания. Разочарование охватило всех, все ценности распались, все перспективы были утрачены. Потому что готового ответа пока не существует.

И традиционная, и современная организованная религия слишком тесно связана с этой великой иллюзией экономического изобилия как панацеи от всех бед, и поэтому она по большей части вовсе и не представляет собой истинной религии. Согласно Фромму, человек должен сначала честно взглянуть в лицо проблеме дихотомии существования и вытекающего отсюда отчуждения на всех его уровнях, а затем ему нужно создать религию — систему ориентиров и объект для поклонения, — которая давала бы ему чувство верного направления, картину будущего, а это в свою очередь восстановило

бы его надежду, стремления и чувство ценностей и привело бы в конце концов к преодолению всеобщего отчуждения и к установлению всеобщей гармонии.

В качестве аргументов Фромм выставил пока два тезиса: первый — о том, что человек по самой своей природе нуждается в религии, понимаемой как совокупность ориентиров и объект для поклонения; и второй, состоящий в том, что нынешний человек наконец-то осознал эту потребность, поскольку он якобы уже разрешил проблему хлеба насущного, но им одним жить не может. «*Maladie du siècle*», кризис человека XX века состоит в том, что он нуждается в религии больше, чем когда-либо раньше, а в то же время старые религии не удовлетворяют и не могут его удовлетворить.

Все традиционные религии Фромм подразделяет на два типа, которые он обозначает как идолопоклонство и авторитарные религии. Говоря об идолопоклонстве, он имеет в виду ту или иную форму «материалистической» ориентации, сочетающейся с поклонением физическим объектам. Первоначально идолопоклонство выступало в форме волшебства, магии, но сегодня превалирующей формой идолопоклонства служит поклонение товарным ценностям как своего рода идолу. В таком религиозном идолопоклонстве ценности основаны на конкурирующей собственности и на явно видном потреблении, а отправление такой религии состоит в том, что человек стремится заработать, чтобы купить, с целью занять определенное положение в обществе. Однако вследствие «решения» проблемы производства для человека XX века становится все более очевидным, что идолопоклонство — это вовсе не настоящая, а ложная религия, приводящая к дальнейшему разочарованию и отчуждению.

Значит ли это, что должно произойти возвращение к более ранним и чистым формам традиционной религии, таким, как иудаизм и христианство? Фромм дает на этот вопрос отрицательный ответ. При своем возникновении эти религии озаменовали величайший шаг вперед по сравнению с древним идолопоклонством, но в настоящее время стало очевидно, что они представляют собой разнообразные формы авторитарной этики. Бог считается королем, или отцом, слово которого — закон. Ценности, как утверждает Фромм, распределяются свыше божественным указом, и подкреплением им служит на-

казание в этом или ином мире. Подобные организованные религии слишком уж часто отражают в идеологической форме ценности собственников и правителей, и практически они всегда применялись раньше и используются ныне для поддержания и сохранения статус-кво меньшинства привилегированных классов, господствующих над огромным большинством населения. Таким образом, традиционная религия оказалась содействующей идолопоклонству, а в наши дни она в основном свелась к субботнему или воскресному шабашу словопрений, имея в лучшем случае лишь очень слабое отношение к идолопоклонству по будням.

Вывод Фромма состоит в том, что ни поклонение вещам, ни религиозное поклонение авторитету короля-отца не предоставляет человеку ни эффективных координат для его ориентировки в мире, ни объекта для поклонения. Требуется новая религия, которая отвергла бы идолопоклонство во всех его формах, взяла бы от старой религии все, что в ней есть лучшего, и выработала бы систему ценностей и норм, отвечающих современному положению, когда человек живет не хлебом единым. Только с помощью такой новой религии человек, согласно Фромму, сможет преодолеть свое отчуждение и сопутствующие ему чувства тревоги, вины и одиночества. Без такой новой религии человек будет продолжать поклоняться идолам или погрязнет в какой-нибудь комбинации традиционной религии по субботним дням и каждодневного обожествления товаров. Фромм считает, что в наши дни невроз представляет собой выражение неудовлетворенности человека своей религией и идолопоклонством. Ни религия, ни идолопоклонство не могут помочь преодолению раскола человека на тело и душу или разрешить проблему отчуждений, осаждающих человека, — и отдельного индивида, и все человечество в целом. Для Фрейда религия выступала как своеобразный симптом невроза, невротической потребности человека в авторитете, в поклонении отцу. Для Фромма ложная организованная религия и поклонение идолу в лице товаров — это не только симптомы невроза, но и их причина. Единственное настоящее средство против неврозов, настаивает Фромм, — это новая и истинная религия, потому что только такая религия способна преодолеть дуализм тела и духа вместе с основанным на нем отчуждением.

Согласно Фромму, религия — наиболее существенная и глубоко укоренившаяся в человеке потребность. Как вопросы войны нельзя предоставить решать одним военным, так и религиозные потребности слишком жизненно важны, чтобы можно было оставить их на усмотрение религии, священнослужителей и теологов. «Можем ли мы доверить,— говорит Фромм,— религии выступать в качестве представителя религиозных потребностей и разве мы не должны отделить эти потребности от организованной, традиционной религии, для того чтобы предотвратить крах нашей нравственной структуры?»¹ А кому же в таком случае можно их доверить? Фромм отвечает: современному врачу души, реконструированному гуманистическому психоанализу. Интерес к неврозам и анализу вызывающих его причин — а они кроются в отсутствии религии — дает право психоаналитику принять на себя роль спасителя человеческих душ, творца предписываемой людям новой религии. В конце концов именно психоаналитики, рассмотрев недуги современного человечества, поставили диагноз универсального невроза, проистекающего из отсутствия истинной религии. А разве диагностик не лучше остальных вооружен для того, чтобы прописать и лекарство?

Фромм предлагает свой собственный вариант реконструкции психоанализа как системы идей, способных дать современному человеку в поисках им собственной души систему ориентиров и объект для поклонения. Другими словами, он предлагает особую психоаналитическую теологию для новой религии. В своих трех этико-религиозных работах («Человек в своем представлении», «Психоанализ и религия» и «Дзен-буддизм и психоанализ») он не испытывает потребности изменить структуру или форму своей «гуманистической» системы психоанализа. Он чувствует необходимость лишь указать вытекающие из нее этические, теологические и религиозные выводы.

Сфера бессознательного, которую Фромм уже превратил из фрейдовского врожденного и от природы бесчеловечного «оно» в хранилище всех потенциальных гуманистических способностей человека, теперь объявляется конкретизацией жизненной силы человека или, если хотите, местом пребывания бога. Бессознательное в каждом

¹ Erich Fromm, *Psychoanalysis and Religion*, p. 34.

человеке, по словам Фромма, «есть носитель всех человеческих потенциальных способностей». Утверждается, что бессознательные потенциальные способности, которыми одарены все люди, представляют собой общие способности человека любить, рассуждать и воображать, с которыми сочетаются более специальные конкретные способности. В ответ на вопрос о том, откуда человек черпает эти способности, Фромм заявляет только, что они находятся у человека в сфере бессознательного с момента его зачатия. Следовательно, они имеют наследственный характер и составляют часть врожденного снаряжения человека. Жизнь человека — это процесс появления на свет врожденных потенциальных способностей человека к любви, рассуждению и воображению. «Рождение, — говорит он, — это только один частный шаг в той непрерывности, которая начинается зачатием и кончается смертью. Все находящееся между этими двумя полюсами есть процесс порождения потенциальных способностей человека, появления на свет того, что потенциально содержалось уже в двух клетках»¹. Центральной проблемой жизни является помощь рождению человеческих потенциальных способностей, освобождению их из бессознательного, из души. Это и есть проблема второго рождения, о котором говорили все великие религиозные учителя, к какой бы вере они ни принадлежали. Однако традиционные религии явно не преуспели в осуществлении своих функций повивальной бабки человеческой души. Это объясняется, по мнению Фромма, тем, что организованные религии видели движущие силы добра и зла вне человека, в боге и дьяволе, борющихся за овладение душой человека.

Величайшим вкладом психоанализа, и в особенности гуманистического психоанализа, в теологию является признание наконец внутренних по отношению к человеку сил добра и зла. Фромм полагает, что стремление к реализации человеческих потенциальных способностей присуще бессознательному. Но одновременно в бессознательном локализованы и разрушительные античеловеческие стремления. Производительные силы добра и связанная с ними психическая энергия объявляются пер-

¹ Erich Fromm, *Man for Himself*, Rinehart, New York, 1947, pp. 42, 91.

вичными, в то время как разрушительные силы зла и их энергия считаются вторичными. Если первичные силы блокируются, если они не допускаются из бессознательного в сознание и действия, то тогда спускаются с привязи вторичные силы со всей разрушительностью их ярости¹.

Гуманистический психоанализ предлагает теологии долгожданное решение проблемы о том, почему человек по преимуществу не добр, а зол, другими словами, почему потенциальные силы добра блокируются, а потенциальные силы зла высвобождаются. В отличие от того, что говорит религия, дело здесь не в дьявольском искушении в форме соблазнительных удовольствий материального мира. Добро блокируется, утверждает Фромм, не по причине неадекватных социальных условий, а прежде всего потому, что человек поклоняется ложным объектам или богам, исходит из неверных ориентиров. Ложные верования мешают высвобождению первичных способностей человека и тем самым приводят в действие вторичные силы зла, также заключенные в человеке. Поклонение деньгам, экономическому преуспеянию, стремление к высокому общественному положению, например, представляют собой веру в неправильные ориентиры и объект поклонения. Такая ложная религия блокирует человеческие потенциальные силы и приводит в движение такие мысли и действия, которые разрушают все человеческие ценности, отношения и устремления, а в конечном счете разрушают и индивидуальный характер, личность, и могут привести к гибели всего человечества от атомного уничтожения. Если ложная религия оказывается «социально оформленной», если она представляет собой широко распространенное верование и, следовательно, оказывается «социально приемлемой», человек может продолжать жить ею до тех пор, пока он не уничтожит себя или не обратится к вере в истинные человеческие возможности.

Однако, если какой-нибудь индивид создает свою собственную, не общественную, «религию», такую, например, как обожествление своего ребенка, отца или матери, Фромм называет это «неврозом», а человек объявляется «больным». Одним из лекарств для него может

¹ Erich Fromm, *Man for Himself*, pp. 217—219.

послужить возвращение к общей вере в социально оформленную, хотя бы даже ложную и идолопоклонническую религию. *Настоящее* же лекарство, лекарство для всего человечества, страдающего от «дефектов характера» или «душевных болезней» нашего века, состоит, напротив, в том, чтобы раскрыть в человеке первичные потенциальные силы добра, его способности любить, рассуждать и воображать. Предполагается, что тогда вера загонит вторичные разрушительные силы человека назад, в область бессознательного, подавит их и приведет к высвобождению истинно человеческих потенциальных способностей, которые поднимутся на уровень ясного сознания и претворятся в действие.

Последним вкладом гуманистического психоанализа в новую теологию является метод высвобождения первичных потенциальных способностей. Здесь вступают в действие технические приемы классического психоанализа. Первоначально Фрейд разработал эти приемы как средство преодоления сопротивления и проникновения вглубь бессознательного для высвобождения подавленных, вытесненных воспоминаний, эмоций и влечений. Пересмотренные Фроммом, эти приемы Фрейда применяются с целью проникновения к потенциальным силам человечности путем преодоления сопротивления античеловечности, то есть предназначаются для выполнения задания, противоположного тому, для которого их разработал Фрейд. Ключом к психоаналитическим техническим приемам Фромма, так же как и Фрейда, служит понятие универсального бессознательного символического языка. Будучи переведенным с языка символов сновидений, свободных ассоциаций и мифов на общий повседневный язык, он может раскрыть содержание бессознательного. Фрейд с помощью своего пансексуального символизма обнажает античеловеческие разрушительные влечения «оно», те самые, которые Фромм считает «вторичными силами». Фромм же с помощью своего гуманистического символического языка высвобождает так называемые первичные или истинно человеческие потенциальные способности любви, рассуждения и воображения.

Фромм, как и Фрейд до него, заявляет, что его «система» психоанализа представляет собой результат его психоаналитической практики. Может показаться, что в обоих случаях психоаналитик «находит» именно то, что

ищет, что он переводит якобы бессознательные символы в соответствии с тем ключом к символическим значениям, который у него имеется.

Преобразование Фроммом психоанализа в религию

Психоанализ выполняет у Фромма две функции, причем обе они представляют собой усовершенствование и модернизацию древних функций традиционной религии. Первая из них состоит в раскрытии истинно человеческого в любом и каждом человеке. То, что раньше входило в компетенцию пророков, божественных посланников и сынов божьих, ныне становится законной обязанностью гуманистического психоаналитика. Вопрос о природе человеческой души объявляется вопросом о бессознательной сфере человека. Психоанализ ставит перед собой внушающую благоговейный ужас задачу проникновения во внутреннюю суть человечности, имманентно присущую бессознательной сфере каждого индивида, преодолевая подавление и извращение «я». Это функция раскрытия человека человеку, обнажения человеческих потенциальных способностей.

Самой важной предпосылкой здесь служит утверждение, что «каждый человек является носителем всех человеческих потенциальных способностей»¹. Объявляется, что психоаналитики вооружены гораздо лучше пророков древности, потому что они располагают способами проникновения в глубины души и преодоления сопротивления. В то время как пророки в старину полагались на божественное откровение, якобы исходящее от бога, написанное на скрижалях, появляющееся на спаленных солнцем просторах или же во время поста и одинокого бдения в диких пустынях, психоаналитики имеют в своем распоряжении современные «научные» методы. Они применяют психический микроскоп толкования снов и мифов, свободных ассоциаций и явления перенесения, а кроме того, и искусство раскрытия символов. Таким образом, не прибегая к божеству, человека снабжают всеми существенными составными частями любой религии —

¹ Erich Fromm, *Man for Himself*, p. 42.

системой ориентиров и объектом для поклонения. Подобный подход будто бы делает религию теоретически приемлемой для современного человека.

Первая функция психоанализа, согласно Фромму, состоит, таким образом, в предоставлении человеку модернизированной формы религии — системы ориентации, причем говорится, что человеческие потенциальные способности кроются в бессознательном индивида и состоят из множества способностей человека к любви, мышлению и воображению. Эти способности в свою очередь составляют объект «поклонения» и «удивления», объект «веры» и «верования». «Человек, — говорит Фромм, — не может жить без веры»¹, веры в человечество, веры в врожденные потенциальные способности — хотя бы они и находились в подавленном состоянии, — присущие нам, другим людям, всем человеческим существам. Одна только эта вера и способна преодолеть экзистенциальную дихотомию и отчуждения, которые ныне больше, чем когда-либо раньше, мучают человека.

Таким образом, первая функция психоанализа состоит в том, чтобы снабдить человека современной «научной» религией, приемлемой для всех — и для атеистов, и для верующих. Говоря о понятии бога, Фромм заявляет: «Не нужно ссориться с теми, кто желает сохранить символ бога, хотя и возникает сомнение, не является ли это навязчивой попыткой сохранить символ, имеющий, по существу, чисто историческое значение»².

С точки зрения Фромма, психоаналитик как врачеватель души ставит перед собой задачу руководства «пациентом», страдающим не столько от невроза, сколько от «*maladie du siècle*», в процессе познания им самого себя и самооткрытия. Первой целью является самопознание, другими словами, познание той молчаливо или открыто признаваемой идолопоклоннической религии, которую исповедует индивид. Ведь именно эта ложная религия с ее извращенными ориентирами и недостойным объектом поклонения и обеспечивает успех блокирования, сдерживания или подавления человеческих потенциальных способностей. Чаше всего — по крайней мере в Соединенных Штатах — личная религия идолопоклонст-

¹ Erich Fromm, *Man for Himself*, p. 210.

² Erich Fromm, *Psychoanalysis and Religion*, p. 114.

ва состоит в сосредоточении внимания на финансовом преуспевании и в поклонении деньгам. Это, по Фромму, целиком ложная религия, которая приводит лишь к высвобождению вторичных, антигуманных разрушительных сил, свойственных бессознательной сфере человека. Она высвобождает врожденные потенциальные силы «древнего человека, хищного зверя, людоеда, идолопоклонника»¹, которые так или иначе характеризуют человеческие взаимоотношения на всех уровнях — у рабочего и у хозяина, у мужа, родителя и гражданина. Ложная религия вместе с ее влиянием на характер и жизненные ситуации одновременно усиливает дихотомию духа и тела и оставляет человека разорванным и совершенно разбитым своим отчуждением от природы, других людей, самого себя, тоимым чувствами одиночества, тревоги, разочарования и тоски.

Человеку, с которым проводится психоанализ, нельзя просто *рассказать* о нем самом. Согласно Фромму, психоаналитик должен подвести его к тому, чтобы он *почувствовал* ложность религии, которая завела в тупик его жизнь. Это процесс самопознания как следствие того, что человека заставили посмотреть в лицо истине о самом себе, не прибегая к рационализациям и оправданиям. Фромм говорит, что психоаналитик «должен избегать ошибки пичкать пациента толкованиями и объяснениями, которые только мешают тому совершить прыжок от размышлений к переживанию. Как раз наоборот, он должен отвергать одну рационализацию пациента за другой, до тех пор пока тот не сможет больше уклоняться и вместо этого прорвется сквозь иллюзии, которые наполняли его ум, и непосредственно почувствует реальность, то есть осознает кое-что из того, чего он не осознавал ранее». Пациент будет сопротивляться этому прорыву, но психоаналитик должен упорно продолжать свою работу. Только через несколько лет подобной работы пациент сможет сам почувствовать и осознать, что его идолопоклоннические ориентиры и объект поклонения, его ложные религиозные верования действительно являются источником его тревог и разочарований, его чувства вины и тоски.

¹ Erich Fromm, *Zen Buddhism and Psychoanalysis*, Harper, New York, 1960, p. 106.

Следующим шагом является открытие самого себя. Пользуясь своими методами, психоаналитик выполняет роль повивальной бабки, помогая пациенту родить новую личность посредством определения того, что Фромм называет «более широкой и глубокой реальностью внутри самого себя». Цель этой второй фазы — «превращение бессознательного в сознательное», достижение «состояния неподавленности». Состояние неподавленности означает для Фромма освобождение бессознательных человеческих способностей к рассуждению, любви и воображению, что в свою очередь ведет к «достижению свободы, счастья и любви, к освобождению энергии, спасению от перспективы безумия и уродства». Состояние неподавленности представляет собой психоаналитический аналог религиозного состояния «превращения в ребенка», возврата к невинности. «Состояние неподавленности,— говорит Фромм,— это состояние, в котором человек снова достигает непосредственного, неискаженного постижения действительности, простоты и спонтанности ребенка». Это состояние благодати, основанной на вере в человеческие потенциальные способности. Оно находится за пределами интеллекта и, по существу, неопишимо, его необходимо пережить. Это скачок к полному *единению* с природой, людьми, самим собой. Это *прозрение*, но не интеллектуальное, а аффективное, непосредственно переживаемое. Оно приходит только в том случае, если человек сделает себя недостижимым «для вмешательства сознания, над которым господствует интеллект». Это вопрос «целостного аффективного переживания», а не интеллектуальный, научный или рациональный процесс. Это состояние чрева, а не головы. «Истинное психоаналитическое прозрение внезапно; оно приходит, ничем насильственно не навязанное и даже ничем предварительно не опосредованное. Оно возникает у нас не в мозгу, а в чреве, если воспользоваться образным японским выражением». Подобное детству состояние неподавленной невинности «нельзя адекватно сформулировать в словах, а если человек попытается это сделать, это состояние исчезает; но оно все же реально и осознаваемо и совершенно изменяет того человека, который его испытал». Это состояние «есть детское переживание... непосредственности и единения», состояние приподнятости или благодати, при котором нет «никако-

го раскола между субъектом и объектом»¹. Психоаналитическое прозрение, согласно Фромму, преодолевает внутренний раскол между духом и телом и внешнее отчуждение «я» от мира и других людей. Это есть, по существу, прозрение той истины, что я — это и есть мир, а мир — это я, что я — это только я, и в то же время, что я — это все люди.

Таким образом, гуманистический психоанализ предоставляет в распоряжение человека новую религию, переполненную откровениями, обращениями и состояниями благодати. «Психоаналитическое врачевание души,— говорит Фромм,— имеет своей целью помочь пациенту достичь такого состояния, которое можно назвать религиозным и гуманистическим, но не в авторитарном смысле этого слова»². Господствующим на Западе религиям, основанным на авторитете отца, неведомо это психоаналитическое религиозное переживание. Как правило, современный западный человек освободился от своих иллюзий в отношении традиционных религий, основанных на признании бога-отца, утверждает Фромм. Он нуждается в религии без такого авторитарного лица, в котором богом или объектом обожествления является идея потенциальных способностей человека.

Такую религию без бога Фромм находит в даосизме и буддизме, особенно в дзен-буддизме. Восточные религии, или системы мысли, говорит он, «обладают рациональностью и реализмом, далеко превосходящими западные религии»³. Дзен-буддизм предлагает раскрыть присущие человеку потенциальные способности, его душу, не оскорбляя его разум верой в образ отца. В то же время дзен-буддизм находится в полном согласии с целями гуманистического психоанализа, хотя и не пользуется его методами. Фромм говорит, что сатори, или мгновенное просветление,— это то же самое, что психоаналитическое прозрение. Оно означает освобождение в каждом индивиде имманентно присущего ему космического бессознательного, в результате чего он может испытывать тождество, полное единение себя с миром, и

¹ Erich Fromm, *Zen Buddhism and Psychoanalysis*, pp. 126, 110, 126, 122, 128, 131, 132.

² Erich Fromm, *Psychoanalysis and Religion*, p. 93.

³ Erich Fromm, *Zen Buddhism and Psychoanalysis*, p. 80.

таким образом преодолевает отчуждение во всех его формах. Осознание того, что раскол между субъектом и объектом представляет собой только иллюзию, составляет самое существо дзена, так же как и психоаналитического прозрения.

Дзен применяет один метод раскрытия космического бессознательного, гуманистический психоанализ — другой, но конечный результат — сатори, просветление или прозрение — одинаков: это неинтеллектуальное, происходящее на уровне чрева познание единства всех вещей — себя, людей и мира.

Таким образом, Фромм реконструирует великую традиционную идею иудаизма и христианства о наличии у человека извечно пребывающей в нем души, посредством теории и метода своего гуманистического психоанализа, находящегося в рамках философии экзистенциализма и дзен-буддизма. Именно эту реконструированную религиозную традицию Фромм и рекомендует в качестве лекарства от душевных болезней современного человека, средства для преодоления «*maladie du siècle*», дихотомии тела и души и вытекающих из них отчуждений. Это рекомендация новой психоаналитически ориентированной религии, в которой бессознательное — это душа, а психоаналитик как врачеватель души занимает место пророков и священнослужителей.

Тот факт, что фроммовская реконструкция психоанализа находит свою кульминационную точку в реконструкции религии и мистицизма, представляет собой симптом широко распространившегося в наши дни разочарования западных, и в особенности американских гуманистов, ученых, художников и людей доброй воли вообще. Он свидетельствует о разочаровании в науке и в особенности в социальных науках и в марксизме, в рациональной, натуралистической и материалистической философии, в прогрессе, в великих целях американской, французской и русской революций.

Превращение Фроммом психоанализа в религию свидетельствует о чувстве беспомощности и безнадежности, отражающем ряд потрясений, затронувших землю, мышление и эмоции. К ним принадлежат: кумулятивный эффект великой депрессии, которую, как начинку сандвича, стиснули с обеих сторон две опустошительные мировые войны; хладнокровное и расчетливое истребление

еврейского народа в Европе; колоссальное по своим масштабам равнодушное массовое убийство, совершившееся в Хиросиме и Нагасаки; безудержное нагнетание атмосферы холодной войны; атомно-ракетное вооружение, ведущее человечество к самоуничтожению; ошеломляющие разоблачения деяний последнего периода сталинской эры. А над всем этим разрушающий душу конформизм внутри игрушечного неустойчивого процветания, происходящего на фоне общего кризиса капитализма; запертый в тупике поток товаров земных благ, угрожающий затопить западный мир; бессмысленность жизни в страдающем близорукостью, обреченном обществе, смутно осознающем свою собственную судьбу; потеря направления, перспективы, будущего; отсутствие ценностей и крайнее банкротство идей и чувств; умирающее общество, состоящее из людей, которые больше всего на свете желают жить в комфорте, мире и безопасности.

Не удивительно, что Фромм исходит из индивида, охарактеризованного им как бессильное, беспомощное, безнадежное существо, подавленное тревогой, отчаянием, тоской и одиночеством, от которого ускользает смысл жизни, так никогда им и не прожитой. Не приходится удивляться тому, что он обращается к спасению души человека и к религии — традиционному средству спасения души. Это смутное понимание того, что общество обречено, что единственным лучом надежды является современный ковчег, спасающий немногих возрожденных индивидов, могущих уберечься от ужасного потопа XX века.

Попытка Фромма перестроить психоанализ завершает полный цикл внутреннего развития последнего. В сущности, исследования, проделанные ревизионистами, реформаторами и реконструкторами психоанализа, пункт за пунктом исчерпали все возможные выводы, логически вытекающие из теории психоанализа. Нет больше ни одного направления, в котором мог бы еще развиваться психоанализ. Самое большее, что еще можно сделать, — это производить бесконечные мелкие усовершенствования тех основных направлений, которые проложили сам Фрейд, Анна Фрейд и Франц Александер, а также Хорни, Салливен и Фромм, последний — в своих ранних и поздних работах. Критика и отрицание основных теорий Фрейда ревизионистами, реформаторами и реконструкторами

рами подтачивают фрейдизм изнутри. С другой стороны, все естественные и социальные науки и научная философия сходятся на том, что отвергают фрейдизм как дисциплину, не принадлежащую к основному руслу развития человеческой мысли.

В последнее полу столетие все основные теоретические компоненты психоанализа один за другим устранялись теми самыми людьми, которые были больше всего заинтересованы в их спасении. Стараясь спасти психоанализ, его представители успешно уничтожали его. Последний удар был нанесен Фроммом, попытавшимся превратить фрейдовское бесчеловечное отношение к человеку в гуманистическую систему психологической мысли. Этой попыткой он раз и навсегда продемонстрировал, что всякий психоанализ совершенно враждебен гуманизму, и если созданную Фрейдом форму наполнить человеческим содержанием, форма окажется разорванной на части мощными силами человеческой природы. Не ставя такой цели, Фромм доказал, что понятие бессознательного совершенно неадекватно и бесполезно для понимания психики и природы человека.

Человеческие потенциальные способности можно искать в биологически унаследованном бессознательном не более, чем в богом данной человеку душе. Разумное и научное понимание природы и способностей человека возможно только с точки зрения взаимодействия индивида с исторически сформировавшимся обществом, в котором он живет. Только такой подход поможет избежать непреодолимые теоретические и практические трудности, которые встают при психоаналитической или теолого-мистической ориентации. Несмотря на кажущиеся различия, эти две последние позиции находятся на одном и том же уровне, они тождественны. И психоанализ, и теологический мистицизм рассматривают человеческую природу и потенциальные способности человека как биологические или богом данные внутренне присущие ему с момента зачатия способности, находящиеся в его уме, духе, душе или в бессознательной сфере каждого человека. Подобному подходу к потенциальным способностям человека резко противостоит теория взаимодействия филогенетической анатомии и физиологии с онтогенетическим участием человека в жизни окружающего его естественного и социального мира.

Потенциальные способности человека

Альтернатива психоаналитическому бессознательному

Проблема потенциальных способностей человека — древняя и постоянная проблема. Два классических, но диаметрально противоположных ее решения были сформулированы греческими и римскими философами. Одна группа мыслителей находила ответ в окружающей среде, другая — в человеке. С того времени и до наших дней спор ведется в тесных рамках между этими двумя полюсами.

Демокрит, Эпикур и Лукреций занимали позицию, согласно которой поведение, мысли и чувства человека формируются тем миром и обществом, в котором он живет. Платон и Аристотель, придерживаясь противоположной точки зрения, утверждали, что человеческая природа является врожденной, даром бога — по Платону и следствием биологического строения — по Аристотелю.

Первый взгляд сегодня назвали бы подходом к потенциальным способностям человека с позиций фактора внешней среды, в наши дни его представителями в психологии являются бихевиористы. Этот взгляд религия и теология обычно предавали анафеме, и он считался политически радикальным, как губительный для существующего социального порядка. Ориентация на окружающую среду часто использовалась в истории бунтарскими и революционными элементами в их попытках заменить старую форму общества, государства или правительства новыми. Возможность такой политической экс-

плуатации заложена в самом подходе к человеческим потенциальным способностям с точки зрения влияния на них окружающей среды. Все зло существующего положения можно отнести за счет социального порядка, а не присущего человеческой натуре зла и пообещать появление новых прекрасных людей после установления нового общества. *Плоха* не врожденная природа человека — организация людей в *плохую* социальную структуру порождает *плохих* людей.

В философии такой подход к потенциальным способностям человека представляет собой механистический материализм. Это одностороннее рассмотрение способностей, когда все акценты ставятся только на окружающей среде и ни один из них не попадает на человека — отдельного или в коллективе. Рассматриваемая позиция служила полезным целям — таково было ее применение революционной буржуазией, например Джоном Локком, в борьбе против феодальной доктрины богом данной человеческой души, наделенной от рождения феодальными идеями. Доктрина Локка о психике как о *tabula rasa*, на которой делает свои записи опыт, оказалась мощным оружием буржуазной революции в Англии, на континенте и в Америке.

Другой взгляд на потенциальные способности, как внутренне присущие природе человека силы, был разработан Платоном в детальную иерархию врожденных идей о добре, истине и прекрасном в их отношении ко всей Вселенной, обществу и человеку. Для их развития не требуется никаких соответствующих окружающих условий, достаточно мудрого старого философа, выполняющего функции повивальной бабки по отношению к беременному идеями человеку и пользующегося вопросами, как акушерскими инструментами. Аристотель внес поправки в платоновскую доктрину, заменив сократический метод благоприятными окружающими условиями, рассматриваемыми им в качестве средства, облегчающего проявление врожденных способностей человека. К платоновской позиции присоединился Августин, а к аристотелевской — Фома Аквинский, и оба взгляда таким образом оказались вошедшими в ортодоксальное учение христианской церкви. В истории признание врожденных человеческих способностей в их платоновской или аристотелевской трактовке использовалось идеологиями и

институтами, представлявшими господствующий социальный порядок. Каждая форма классового общества, будучи установленной, всецело полагалась на концепцию о врожденности и неизменности природы человека, оправдывая ею свою собственную конкретную структуру. Общество построено так, а не иначе, потому что человеческая природа наследственно и неизменно является рабской, феодальной или капиталистической. Доктрина врожденности человеческих способностей доказала на деле, что она является высокоэффективным идеологическим оружием защиты целого ряда социальных организаций на протяжении по меньшей мере двух тысяч лет.

Борьба между революционными и реакционными элементами снова и снова принимает форму борьбы между двумя крайними точками зрения на природу человеческих способностей. Тот факт, что тезис, подчеркивающий значение окружающей среды, исторически использовался на благо прогресса, сам по себе не является никакой гарантией его истинности, точно так же, как использование реакцией тезиса о врожденности способностей не определяет ложности последнего. Объективный анализ вопроса показывает, что в действительности обе крайние точки зрения неправильны, а истина состоит в чем-то ином. Два психоаналитических варианта тезиса о врожденности человеческих потенциальных способностей — классический фрейдовский и реконструированный фроммовский, — как показано в предыдущих главах, приводят к нелепым выводам. В то же время реформированный психоаналитический вариант учения об определяющей роли окружающей среды тоже сталкивается с непреодолимыми трудностями и оказывается несостоятельным. Единственной жизнеспособной альтернативой представляется некоторая комбинация обоих крайних взглядов, не апеллирующая, однако, к аристотелевской формуле о необходимости соответствующих внешних условий для реализации врожденных способностей.

Вопрос о том, имеют ли человеческие потенциальные способности внешний или внутренний характер, определяются ли они природой отдельного человека или социальным окружением, очень сложен, и на него нельзя дать простой ответ. На него нельзя ответить «да» или «нет» — или внешний, или внутренний, тот или другой.

Он требует более тонкого рассмотрения, включающего и ту и другую крайности. Потенциальные способности человека лежат одновременно и внутри него, и вне его — в обществе. Это, конечно, не весь ответ, а только его начало. В каком смысле можно сказать, что потенциальная способность стать человеком имеется у индивида от рождения или с момента зачатия, как утверждает Фромм, и в каком смысле она находится вне индивида, в окружающем его обществе, как утверждают реформаторы?

Фромм полагает, что «человек имеет способность ходить», что «человек одарен способностью говорить и думать», что «человек обладает способностью любить», что «у него есть эмоциональные и интеллектуальные способности». Человеку присущи, говорит Фромм, «как психические, так и физические способности», он обладает ими с момента зачатия, они «потенциально присутствуют в двух клетках». Идея внутренних потенциальных способностей настолько очевидна для Фромма, что он не чувствует никакой потребности дальше ее обсуждать, а лишь заявляет вслед за Аристотелем, что они обнаруживаются, «если только для этого имеются соответствующие условия»¹. Сочетание внутренних врожденных потенциальных способностей и соответствующих внешних условий рассматривается как достаточное для того, чтобы убедить кого угодно. К сожалению, Фромм, по всей видимости, имеет основания считать это сочетание достаточно убедительным. Большинство из нас соглашаются признать его адекватным, потому что может показаться, что при таком сочетании отдается должное и наследственности, и окружающей среде. Представляется очевидным, что потенциальные способности в совокупности с условиями, благоприятствующими их развитию или созреванию, дают полный ответ на вопрос. Этому весьма способствует то обстоятельство, что мы выросли на таком представлении, никогда не подвергая его сомнению. Если же мы откажемся принять это положение на основании одной его видимости и, напротив, поставим вопрос о том, с какими именно способностями рождается человек и что это за условия, благо-

¹ Erich Fromm, *Man for Himself*, pp. 219, 91.

приятствующие их развитию, мы сразу увидим, что дело далеко не так просто и самоочевидно, как кажется на первый взгляд.

Приобретение первичных навыков

Фромм начинает с той способности человека, которую он считает наиболее простой, — с его способности к прямохождению, и ограничивает свое обсуждение утверждением, которое кажется самоочевидным, что у человека имеется способность к прямохождению и что он будет ходить, если только для этого будут соответствующие условия. Вот и все. Для практических целей подобная формулировка подходит, но адекватна ли она тем теоретическим целям, которые имеет в виду Фромм? Он использует пример с прямохождением для того, чтобы провести аналогию между ним и развитием психических способностей, таких, как речь, мышление и любовь. Это довольно высокая ставка, и потому вопрос заслуживает исследования. Достаточно ли рассмотреть феномен прямохождения с точки зрения внутренних врожденных способностей и условий внешней среды?

Что представляет собой эта «внутренняя, врожденная способность ходить»? Ребенок рождается с определенной анатомической структурой костей, суставов, мышц, сухожилий и центральных нервных связей, включая расположенный во внутреннем ухе механизм поддержания равновесия, который приводится в действие в процессе обучения ходьбе и развивается при хождении. Эта структура представляет собой внутренние «потенциальные способности» ребенка в отношении ходьбы. Здесь имеется не врожденная «способность ходить», а некоторое внутреннее условие, без которого человеческий способ прямохождения не может быть усвоен. Элемент наследственной анатомической структуры можно назвать «врожденной внутренней потенциальной способностью», если мы только будем точно знать, что под этим подразумевается.

Неточное употребление терминов «способность» или «потенциальная способность» — это архаический пережиток древности и средневековья, когда еще не было

научного знания человеческого тела, и в особенности нервной системы и мозга. Человек рождается с анатомическим и нервным снаряжением, которое дает ему возможность научиться в определенном возрасте прямохождению. В этом, и только в этом, состоит его «внутренняя врожденная способность ходить».

Другим элементом феномена прямохождения является «научение ходьбе». Это научение не находится в простой и прямой зависимости от окружающих условий, например предметов, поддерживающих ребенка во время его первых попыток ходить. Ребенок овладевает прямохождением в человеческом, социальном окружении, в котором прямохождение уже существует в качестве определенной реальности. Ребенок растет и развивается в среде прямоходящих. Навык ходьбы преподает ребенку ему подобные. Шаг за шагом учат ребенка родители независимо от того, отдают ли они себе при этом полный отчет в том, что делают. Прямохождение существует в обществе; это социальный навык, к которому каждое новое поколение должно приобщиться заново. Зная точно значение, которое мы придаем этому выражению, можно сказать, что навык прямохождения представляет собой внутренне-внешнюю потенциальную способность человека.

Следовательно, способность человека к прямохождению имеет и внутренний, и внешний элемент. Внутренний элемент является прежде всего биологически врожденным и имеет форму соответствующей анатомической и нервной структуры. Внешний элемент внешен прежде всего социально и существует в виде уже освоенного старшими детьми и взрослыми характерного навыка прямохождения. Реализация этих двух потенциальных возможностей требует взаимодействия внутреннего анатомического строения с внешним социальным навыком. Это взаимодействие само по себе также чрезвычайно сложно, оно требует обучения ребенка родителями, другими детьми и товарищами нервному и мышечному регулированию акта с помощью таких психологических вспомогательных средств, как соревнование, поощрение и другие побудительные мотивы. В процессе усвоения навыка ходьбы, в процессе объединения двух потенциальных способностей человека внешний социальный навык интериоризируется индивидом. Из внешней социальной

потенциальной возможности он превращается во внутреннюю реальность индивида.

Однако интериоризация социальной потенциальной способности происходит не в туманной области бессознательного, а осуществляется совершенно конкретно физиологически, путем функционирования соответствующей анатомической структуры под контролем нервной системы. Постепенно навык прямохождения становится произвольным или, если хотите, бессознательным (последнее слово употребляется как определение). Это означает только то, что внешний социальный навык нашел свое полуавтоматизированное воплощение в анатомическом функционировании. Интериоризация, которую можно назвать также и «физиологизацией» социального навыка — это частная форма объединения в результате более или менее длительного взаимодействия внешних и внутренних потенциальных возможностей в единицу более высокого порядка. Эта более высокая единица есть просто-напросто автоматизированное функционирование анатомических структур, имеющих отношение к прямохождению. С того момента, когда социальный навык полностью воплощается в физиологической деятельности анатомической структуры, об акте ходьбы становится возможным говорить, как об экстериоризации интериоризованной социальной потенциальной способности. Здесь имеет место движение от внутреннего к внешнему, от интериоризации внешнего к экстериоризации интериоризованного внешнего. Процесс действительно сложный! Сформулированное так абстрактно, это движение вполне может послужить общим описанием того, каким образом встречаются внутренние и внешние потенциальные возможности человека, чтобы, соединясь, составить вновь приобретенный индивидом навык или способность. В своей частной форме, имеющей отношение к навыку прямохождения, движение совершается от соответствующей внутренней врожденной анатомической и нервной структуры к взаимодействию этого элемента с социальным навыком ходьбы, существующим вне индивида, то есть в обществе. Благодаря такому взаимодействию социальный навык физиологически интериоризуется, а акт ходьбы после этого становится экстериоризацией интериоризованного (ранее внешнего) социального навыка.

Прямохождение — это способность человека, приоб-

ретаемая абсолютно всеми людьми, как, например, локализация звуков в пространстве. Опосредствующим звеном между внутренней анатомической структурой и безусловными рефлексам, с одной стороны, и внешним социальным окружением — с другой, является социальная практика, или участие в жизни общества. Результатом такого опосредствования служит приобретение индивидом социальных потенций. Механизм этого индивидуального приобретения состоит в физиологическом функционировании. Физиологическое функционирование — это слияние безусловных и условных рефлексов в сложные единицы, называемые динамическими стереотипами. В результате этого опосредствования, приобретения и физиологического функционирования стереотипов ребенок, например, соединяет свою потенциальную способность к ходьбе с существующим в обществе навыком прямохождения, воплощенным в тех людях, которые уже овладели им. Другими словами, ребенок соединяет свою внутреннюю структурную и функциональную потенциальную способность с внешней социальной возможностью, тем самым интериоризуя навык, который ранее был по отношению к нему внешним. С этого момента акт ходьбы становится экстериоризацией способности, ставшей отныне внутренней.

Тот факт, что прямохождение представляет собой способность, которой обладают абсолютно все, может привести к маскировке процесса научения ходьбе. Кажется почти очевидным, что эта способность вырастает изнутри ребенка. Именно эта видимость и заставляет казаться доказанным утверждение, что прямохождение — это врожденная потенциальная способность человека и что она созреет, если только будут существовать благоприятствующие ей условия. Однако если произвести анализ того, что скрывается за этой видимостью, то выяснится, что врожденная способность к прямохождению, состоящая из наличия определенной анатомической структуры и некоторых безусловных рефлексов, представляет собой всего лишь одно из предварительных условий приобретения навыка, уже существующего в обществе. Таким образом, в прямохождении скрывается внутренняя врожденная потенциальная способность в форме анатомических и функциональных предпосылок и приобретенная внешняя способность, имеющая форму

социального навыка. Усвоение навыка требует соединения этих двух способностей посредством физиологического функционирования на основе условных рефлексов. Для того чтобы ребенок научился ходить, должны существовать обе способности.

Если бы ребенок вырос каким-то образом среди волков, то он никогда не научился бы ходить, несмотря на наличие у него врожденной потенциальной способности, его анатомического строения и безусловнорефлекторного запаса в полной норме. Такой гипотетический ребенок передвигался бы на четвереньках, на локтях и коленях, усвоив этот способ передвижения от волков, по он бы никогда не ходил¹. Согласно аристотелевско-фрейдистским представлениям, о наличии благоприятных внешних условий следовало бы говорить даже в том случае, когда родителей ребенку заменили бы усыновившие его волки. Если бы способность ходить была врожденной, то все, что требуется ребенку, ограничивалось бы предметами, с помощью которых он мог бы подтянуться и выпрямиться и за которые он мог бы держаться, делая свои первые неуверенные шаги. Однако в действительности подобные материальные условия не ведут к появлению прямохождения. Усвоение прямохождения требует не только соответствующих опорных предметов, но и обязательно социальной стимуляции, участия и соревнования. Научить ребенка ходить могут только те люди, которые уже знают, как это делается. С другой стороны, ребенок с неустраняемыми дефектами в анатомической структуре или функционировании нервной системы не смог бы научиться прямохождению даже при наличии социального окружения.

Все это совершенно очевидно. К сожалению, общественное мнение в Соединенных Штатах в отношении понятия врожденных способностей настроено таким образом, что мало кто ставит под вопрос адекватность преобразованного аристотелевского подхода к проблеме человеческих потенциальных способностей. Поэтому в большинстве случаев Фромм может ссылаться на прямохождение в качестве примера врожденной способности, не боясь услышать возражений. Если же на минуту задум-

¹ Сообщения о таких случаях появлялись в печати (например, так называемый «мальчик-волк» из Индии).

маться над этим, то станет вполне очевидно, что и внутренние, и внешние потенциальные возможности представляют собой одинаково необходимые элементы для усвоения прямохождения.

Специальные навыки и общество

Двойные потенциальные способности, лежащие в основе овладения ребенком навыком прямохождения, становятся очевидными в еще более полной мере, если рассмотреть некоторые не столь общие навыки, связанные с ходьбой. Навык, который требуется для того, чтобы принять участие в соревнованиях по ходьбе, — это в высшей степени социальный навык, строящийся на основе двойных потенциальных способностей, приобретаемых при усвоении ходьбы обычным способом. Этот скоростной навык представляет собой социальную способность, существующую в обществе и развившуюся в течение столетий. Спортсмен, который захотел бы принять участие в таких соревнованиях, должен был бы долгое время тренироваться, чтобы приобрести необходимые умения. Эти последние представляют собой усовершенствование обычного акта ходьбы, требующее очень сложного нервного регулирования высокоспециализированных мышц.

То же самое можно сказать о восхождении на горы. Этот навык развивался исторически в течение длительного времени и существует в качестве социальной способности. Эта способность, подобно навыку спортивной ходьбы, совершенно социальна. Она существует только в обществе, но ее усвоение зависит от первоначального объединения в детстве врожденных и социальных способностей, требующихся для ходьбы.

Различные формы танца также имеют чисто социальную природу и долго развивались в ходе истории, начиная со времен первобытного общества и до настоящего времени. Связанная с танцами потенциальная способность индивида существует только в обществе. Племенные, народные, деревенские, балльные танцы, балет, современные танцы появлялись и существуют в обществе. Для того чтобы научиться танцевать, индивид должен овладеть этим социальным навыком в результате ак-

тивного участия в его осуществлении и обучения. Другого способа не существует. Умение танцевать балльные танцы приобретается относительно легко, а искусство балета чрезвычайно трудно и сложно. Но и в том и в другом случаях потенциальная способность существует в обществе. Если бы человек вырос в обществе, в котором не было бы никаких танцев как особой социальной формы, он не смог бы приобрести это умение. Важно еще раз напомнить, что потенциальная способность *научиться* танцевать имеет в конечном счете в своей основе двойную способность, сливающуюся воедино в детстве в процессе овладения ходьбой.

Научиться ходить — значит слить воедино действительно существующие внутренние и внешние потенциальные способности. Однако приобретение более специальных и сложных навыков зависит от существующих в обществе социальных форм. Чтобы приобрести навык или умение, необходимо овладеть этими социальными формами. Следовательно, потенциальная возможность является не врожденной, а социальной, не внутренней, а внешней. Внешняя социальная форма — вот то, чем нужно овладеть, что требуется превратить в интериоризованное умение. Уровень нервного контроля над мышечными движениями, приобретаемый в процессе ходьбы, прыгания, при беге, вращении и тому подобных движениях, — это существенно важный элемент усвоения таких более сложных и изощренных навыков, как танец, акробатика, гонки на треке и на шоссе, спортивные игры и т. д.

Если потенциальная способность к обычной ходьбе, бегу и прыжкам является двойственной, то потенциальная способность овладеть более совершенными и специальными формами движения рук и ног остается одиночной, другими словами, она социальна и существует только в обществе. Мы никоим образом не хотим этим сказать, что «случайности» врожденного строения и функций или уровень нервного и мышечного контроля, усвоенные при овладении общими движениями ног и тела, не приводят к появлению особых «танцов» и таких интериоризованных умений, которые делают возможным для данного индивида овладение социальными формами, например балетом, гораздо легче и эффективнее, чем для других людей. Но это значит, что не суще-

ствуется таких людей, как «прирожденный» танцовщик в строгом смысле этого слова. *Врожденных навыков нет.* Все навыки социальны и должны быть усвоены социальным путем.

А теперь можно сформулировать общий принцип усвоения навыков движения тела и ног. Приобретаемые всеми людьми умения ходить, бегать и прыгать есть непосредственное соединение врожденных, внутренних элементов (структурных и функциональных) с приобретаемыми внешними (социальными) элементами, причем это соединение осуществляется путем физиологического функционирования, механизмом которого служит условный рефлекс, прямо сливающийся с безусловным рефлексом, создавая в результате динамический стереотип, или «привычку». В отличие от этого все специализированные навыки и умения, такие, как танец, представляют собой социальные формы, усваиваемые на основе исходных приобретенных умений, свойственных всем людям. Общие навыки служат основанием, на котором в качестве надстройки воздвигаются специальные навыки. Они суть прямое соединение безусловных и условных рефлексов. Механизмом же специализированных навыков служат в отличие от этого сложные и взаимосвязанные между собой условные рефлексy, возникшие на основе смешанных рефлексов общих навыков.

Исходя из этого общего принципа усвоения навыков движения тела и ног, можно сформулировать гипотезу относительно того, как приобретаются все человеческие навыки и умения. Первичные навыки, приобретаемые всеми людьми в детстве, представляют собой результат соединения врожденных внутренних анатомических и нервных элементов с существующими в обществе внешними навыками. Вторичные специальные навыки — это продукт соединения свойственных всем людям навыков с социальными формами игры, труда, искусства или спорта, существующими в данном обществе. С точки зрения потенциальных способностей человека эта гипотеза означает, что общие умения есть соединение внутренних и внешних потенциальных способностей, в то время как специальные умения — это соединение уже слитых ранее внутренних и внешних способностей с другими, более сложными внешними социальными потенциальными возможностями.

В применении к усвоению языка эта гипотеза означает, что приобретаемое всеми людьми умение говорить есть результат соединения внутренних и внешних потенциальных возможностей, а вовсе не продукт созревания врожденной способности, как утверждает Фромм. Ребенок рождается с определенным мышечным, нервным и мозговым аппаратом, который созревает в период между одним и тремя годами. Эта анатомическая структура и запас безусловных рефлексов позволяют ребенку научиться говорить. Таково внутреннее предварительное условие, необходимое для усвоения данного умения. Однако само по себе это условие никогда не привело бы к тому, чтобы ребенок заговорил. Существование в обществе определенного языка представляет собой внешнее предварительное условие. Усвоение устной речи основано на соединении внутренней биологической потенциальной способности и внешней социальной возможности. Устный язык существует в обществе, воплощенный в умении говорить старших детей и взрослых. Ребенок в возрасте от одного года до трех лет может овладеть этим умением только путем использования своей соответствующей врожденной структуры, путем участия в социальной жизни, в устном вербальном разговоре своих родителей, братьев и сестер и других людей, соприкасающихся с ним. В процессе такого участия интериоризуется элементарный и общий словарь, грамматика и логика данного языка.

Это исходное усвоение всеми людьми в детстве устной речи представляет собой основу, на которой позднее ребенок сможет выработать гораздо более специальные и приобретаемые уже индивидуально навыки разговора, артикуляции, абстрактного мышления, письма, чтения, публичных выступлений, сочинения, творческого создания прозаических и поэтических произведений, чтения романов, восприятия театральных представлений, писания пьес и т. д. Все эти вторичные навыки существуют в обществе, сформировавшись в ходе истории в течение сотен и даже тысяч лет. Ими можно овладеть как надстройками из специальных умений, воздвигнутых на основе приобретаемого всеми людьми в детстве первичного умения говорить.

Общее умение говорить, усвоение маленьким ребенком устного вербального языка требует наличия у него

двойной способности, одна из которых врождена и имеет биологический характер, а другая приобретена и социальна. Соединение этих способностей представляет собой необходимое предварительное условие для усвоения ребенком, подростком и взрослым всех разнообразных специальных потенциальных способностей, которые может предложить им современное общество. Специальные потенциальные языковые способности существуют только в обществе, воплощенные в устном и письменном слове, в выраженных или материализованных умениях прошлых и настоящих членов этого общества, вместе с результатами взаимного обмена народов мира. Природа и степень участия отдельного человека в реализации этой широкой социальной лингвистической способности, овладение им разнообразными ее сторонами будут определять уровень и объем его лингвистического умения и ту сферу реальных потенциальных возможностей, которые ему открыты.

Обширные лингвистические потенциальные способности составляют по отношению к каждому члену общества некоторую абстрактную потенциальную возможность. Конкретная же возможность для каждого данного индивида в определенный момент времени будет, однако, зависеть от того, насколько активно он до сего времени пользовался этой социальной возможностью. Она будет зависеть от врожденных факторов только в раннем детстве, когда он учится говорить, то есть при соединении врожденной структуры и социального языка. Начиная с этого времени уровень его языкового мастерства находится в прямой зависимости от его участия в жизни общества.

Язык, усвоение всеми людьми устного и письменного слова, есть решающее условие приобщения отдельного человека к великой социальной способности человеческого общества. Другим, и даже еще более существенным условием служит участие человека в решении задач, поставленных историей перед его временем. Те человеческие потенциальные способности, о которых говорит Фромм, локализуются, по существу, в обществе, в достижениях, завоеванных до настоящего времени человеком в ходе его земной жизни. Для того чтобы внести свой вклад в эти достижения и принять участие в жизни общества, индивид должен сначала приобрести разнооб-

разные *общие* атрибуты человечества, такие, например, как прямохождение, речь и искусность движений рук. Эти первичные умения он приобретает посредством соединения врожденной биологической структуры и социальных навыков. Во-вторых, он должен создать на основе этих первичных, приобретаемых в детстве способностей всю надстройку социально приобретаемых умений и знаний. Образование, школа являются методами, используемыми обществом для организованного донесения до отдельного ребенка существующих в мире возможностей, которые только и могут подготовить его к участию в жизни и познании, в производительном труде и творчестве взрослых людей.

Человеческие потенциальные способности существуют абстрактно, для всего человеческого рода, то есть в обществе, в прошлых и настоящих достижениях человека во всех сферах его деятельности. Эта концепция резко противостоит представлению Фромма о человеческих способностях как о чем-то врожденном и существующем в области расового бессознательного, дремлющего в наследственной психической природе человека. Если бы дело обстояло таким образом, как полагает Фромм, то человеку действительно требовалась бы своего рода психоаналитическая акушерка, чтобы помочь ему разрешиться от бремени его человеческих потенциальных способностей. Согласно же выдвинутой здесь гипотезе, усвоение индивидом социальных способностей путем активного участия в жизни общества — это столбовая дорога для человека стать действительно таким, каков он есть в потенции. Конкретные способности данного индивида основываются на общих и специальных умениях, которые он развивает в себе в ходе жизни. Общество может быть организовано так, что оно сделает эту цель желанной и актуальной для индивида. Но оно может быть построено и таким образом, что на пути индивида к овладению общественными возможностями будут воздвигаться препятствия. Человечество должно иметь в качестве основной двойную цель: во-первых, построение общества, которое позволило бы всем и каждому принять максимальное участие в использовании человеческих возможностей, и, во-вторых, построение общества, которое обеспечивало бы человечеству самое быстрое и эффективное развитие социальных возмож-

ностей на всех фронтах. Обе эти цели, очевидно, взаимосвязаны, так что одна усиливает другую, а вместе они составляют единую великую цель человечества.

Способность рассуждать, воображать и любить

Фромм говорит как о врожденных биологических способностях не только о прямохождении и речи, но и о таких «способностях», как умение рассуждать, воображать и любить. Эти последние еще менее правомерно относить к психически унаследованным, чем первые. Умение рассуждать, воображать и любить гораздо легче объяснить с позиций гипотезы, выдвинутой на предыдущих страницах. Разнообразные формы рассуждения, воображения и любви существуют в обществе, воплощенные в способностях и достижениях отдельных людей, в их творческой работе и во взаимоотношениях людей в настоящее время и в далеком прошлом.

Рассуждение, строго говоря,— это специальный навык, возникающий на основе свойственных всем людям элементарных и первичных умений говорить и думать. Каждое из последних включает, кроме того, язык с его элементарным словарем, грамматикой и логикой. Последние усваиваются первоначально без всякого специального обучения, параллельно с общим овладением языком в соединении с практическим опытом жизни в нашем мире. Специальное умение рассуждать, помимо обширного словаря и правильной грамматики, теперь требует прежде всего определенной степени владения двумя уровнями логики — логикой классификации и логики, с одной стороны, и логикой взаимосвязей, конфликтов и изменений — с другой, а каждая из этих двух логик имеет свои принципы, законы и выводы. Владение ими в любой степени — нешуточное дело, так как каждая из этих логик представляет сама по себе высоко развитую науку, а вместе они составляют общую науку о самой абстрактной структуре мира и мышления в двух аспектах — классификации и изменения.

Однако само по себе владение общей наукой логики независимо от его степени не обеспечивает специального умения рассуждать. Для этого умения требуется, кро-

ме того, владеть значительной частью человеческих знаний в двух их формах — науки и искусства, — включающих множество различных сфер; так, оно предполагает широкое знакомство с социальными науками: историей, экономикой и политикой; с естественными науками: астрономией, физикой, химией, биологией и физиологией; с науками о человеке: антропологией, психологией, педагогикой, медициной и психиатрией; с творческими видами искусств: архитектурой, живописью, скульптурой, прозой, поэзией и драматургией; с такими массовыми видами искусства, как кино, радио и телевидение; и наконец, с практической деятельностью человека в его повседневной жизни, человеческими отношениями, производством, организацией общества и созиданием истории.

Овладение способностью рассуждать требует одновременно обширных и глубоких знаний и участия в жизни общества. Развитие этого умения у каждого отдельного индивида будет зависеть от его успехов в познании и жизни, что в свою очередь определяется степенью его участия в общественном познании и общественной жизни.

В способности рассуждать и ее приобретении имеется еще один фактор, который дополнительно усложняет дело. Несмотря на величайшие успехи наук и искусств и, следовательно, человеческого познания, все еще сохраняется колоссальный резервуар коллективного и индивидуального суеверия и невежества. Можно подумать, что представители некоторых форм общества полагают, подобно Анаксимандру из Древней Греции, что поддержание социального порядка и закона и устойчивость общества требуют не столько знаний, сколько мифов или, подобно Платону, считают, что «королевская ложь» — это первое условие для сохранения данной социальной структуры. Во всяком случае, перед человеком встает гигантская задача отделить науку и искусство от псевдонауки и псевдоискусства. Сегодня приобретение способности рассуждать в значительной степени зависит от этого процесса различения истинного и ложного, бесконечно осложненного тем фактом, что второе часто выдают — сознательно или по неведению — за первое.

Таким образом, способность рассуждать есть *социальная* потенциальная способность человека, существую-

щая в обществе, и индивид должен усвоить ее, овладевая знаниями и одновременно отвергая невежество. Предварительное условие приобретения умения рассуждать кроется в происходящем у всех людей соединении врожденной биологической структуры с первичными социальными формами языка, то есть с приобретением рабочего уровня словаря, грамматики и логики. В отличие от этого *специальная* способность рассуждать представляет собой надстройку, воздвигнутую над базисом этой общей способности к речи. Она является врожденной только с точки зрения того, что предварительное условие ее приобретается всеми людьми. Следовательно, можно сказать в противоположность Фромму, что, по существу, способность рассуждать локализована в обществе, а не в каком-то врожденном психическом бессознательном, скрытом где-то в глубинах человеческой психики. Овладение внешней потенциальной способностью, а не интеллектуальные роды, составляет средство, с помощью которого индивид, располагающий приобретенным в детстве общим умением говорить, приходит в той или иной степени к овладению способностью рассуждать. Согласно выдвинутой здесь гипотезе, способность к воображению, точно так же как и способность рассуждать, является специальной способностью, развитой индивидом на основе приобретаемого всеми людьми умения. В данном случае универсальной основой служит единство чувственного опыта и языка, или, говоря более профессионально, соединение двух высших нервных систем: во-первых, первой, или сенсорной, сигнальной системы, и, во-вторых, второй, или вербальной, сигнальной системы.

В довербальный период у ребенка развивается первая, или сенсорная, сигнальная система на основе врожденной, или безусловнорефлекторной, системы. Путем формирования и уточнения связей посредством положительного и отрицательного подкрепления ребенок приобретает в первые годы жизни свойственное всем людям умение реагировать на сенсорные сигналы, такие, как запах, внешний вид и звук. В течение этого периода он приобретает — и это свойственно опять-таки всем людям — умение формировать из разнообразных сенсорных сигналов чувственные образы окружающего его мира. Отражение окружающей среды в сенсорных обра-

зах чрезвычайно расширяется вместе с приобретением способности к прямохождению и умения пользоваться рукой, а также обонянием, зрением и слухом для исследования окружающей среды.

На каком-то этапе этого процесса приобретения чувственных образов, обычно в возрасте между одним-полутора и тремя годами, ребенок постепенно научается говорить, овладевает языком. Речь — это вторая сигнальная система, в которой слова действуют как сигналы, представляющие не только сенсорные сигналы, но и рефлексорные образы, в которые они были сгруппированы. В это время постепенно возникает новая связь между сенсорными образами мира и словами, соответствующими им. Эта новая связь преобразует чувственный опыт в *восприятие*. Восприятие представляет собой единство первой и второй — сенсорной и вербальной — сигнальных систем. Оно позволяет ребенку добиться громадного расширения исследования окружающего мира и взаимодействия с ним. Соединение образов и слов в сложное восприятие — это умение универсального порядка. Одно из свойств этого умения состоит в том, что перцептивные образы могут быть вызваны и в отсутствие реального объекта либо с помощью связанных с ними слов, либо по сопутствующим им запахам, зрительным сигналам или звукам. Подобное вызывание образов, или цепей образов, составляет один из элементов умения воображать, но само по себе еще не является этим самым специальным умением. Оно составляет все еще часть приобретаемой всеми людьми связи чувственного опыта с речью. Это восприятие и способность воспроизведения или воспоминания по ассоциации.

Более специальная способность воображать включает в себя сочетание определенной степени научного и художественного познания, с одной стороны, и универсальной способности воспринимать и воспроизводить воспринятое — с другой. Воображение, которое не следует путать с фантазией, — важный элемент творческого мышления и труда. Это умение комбинировать осмысленные *восприятия* в новые и еще более осмысленные *представления*, которые могут облечься в форму перцептивных образов, имеющих в распоряжении индивида в результате его прошлого опыта. Это не простое умение думать о новых возможностях в жизни, в искусстве

или науке, но умение воплощать подобные размышления в образах. Это умение по-новому комбинировать образы и таким способом обогащать понимание жизни, людей, их взаимоотношений, общества и мира в целом.

Специальная способность воображать играет особенно важную роль при формулировании научных гипотез и создании подлинно художественных произведений. Это умение существует в социальной форме, воплощенное в произведениях искусства, литературы, науки, математики, философии. Оно существует в жизни, во взаимоотношениях и разговорах людей, овладевших в той или иной степени умением воображать. Чтобы приобрести эту специальную способность, индивид должен сначала приобрести общую способность к воспроизведению воспринятого. На основе этой способности он может затем развить в себе благодаря приобщению к социальным формам воображения специфически человеческую способность воображения. Эта способность имеет, конечно, бесконечное множество вариаций и может быть приобретена в самой различной степени, начиная от простейшего образного представления о некоторых возможных переживаниях и до сложнейшего образного мышления, необходимого в науке, искусстве, технике и производстве.

Таким образом, вопреки утверждению Фромма о том, что воображение есть врожденная способность, глубоко скрытая в бессознательной психике человека, и что задача врача души состоит в ее высвобождении, предлагаемая нами здесь гипотеза говорит о том, что воображение существует социально вне человека и что приобретение этой способности основано на общей способности и специальных умениях. Единственный врожденный элемент кроется не в специальной способности, а лишь в одном аспекте общего предварительного условия, а именно в происходящем до овладения речью соединении сенсорных сигналов с безусловнорефлекторной деятельностью.

В применении к любви та же самая гипотеза оспаривает утверждение Фромма о том, что родительская любовь, любовь мужчины и женщины, любовь к детям и любовь к человечеству — это врожденные проявления человеческого бессознательного. В отношении каждого

из этих случаев общая гипотеза предполагает наличие приобретаемой всеми людьми основы, состоящей из комбинации врожденных элементов и приобретенных социальных способностей, и надстройки из специальных способностей, вырастающей на этой основе благодаря все увеличивающемуся и все более индивидуализированному приобщению человека к различным формам любви, существующей в окружающем его обществе. Специальные способности, усваиваемые данным индивидом, зависят, вероятно, от уровня его приобщения к тем формам любви, которые предлагает ему конкретное общество.

Любовь детей к родителям существует в форме двух потенциальных способностей, одна из которых является общей, а другая специальной. Формирующаяся у всех способность ведет свое происхождение из двух источников — врожденных безусловнорефлекторных потребностей ребенка, с одной стороны, и удовлетворения этих потребностей родителями — с другой. Первичные потребности, удовлетворяемые родителями, — это потребности в пище и защите. Кормление и обеспечение безопасности — тот минимум, что требуется от родителей по закону и, следовательно, считается, по крайней мере отчасти, социальной обязанностью родителей. Она не представляется одним только родительским инстинктам. Однако законный минимум не считается достаточным. Общество возлагает на родителей *моральные и этические* обязанности удовлетворять жизненные потребности своих детей с *любовной заботой*, другими словами, они дают ребенку чувство любви. Ребенок учится любить родителей, приобщаясь к социальной эмоции, воплощенной в родительских заботах, радостях, печалях и т. д. Родители учат его улыбаться, смеяться, играть и сдерживать слезы. Они учат его любить их, превращая ребенка в адресат их родительской любви.

Но тогда эта приобретаемая всеми людьми способность любить родителей представляет собой комбинацию врожденных биологических потребностей со стороны ребенка и существующих вне его эмоций нежной заботы и удовлетворения потребностей ребенка со стороны самых близких к нему представителей общества — родителей.

На основе приобретаемой всеми способности любить своих родителей ребенок *может* развить в себе и более

совершенные и специальные формы любви. Разовьются ли они в действительности, будет зависеть и от качеств родителей, и от его приобщения к этим качествам. Если родители будут по-прежнему относиться с нежной заботой к удовлетворению все возрастающих потребностей ребенка, его эмоциональных, интеллектуальных и культурных запросов, то любовь ребенка может возрастать, соединяясь с уважением, восхищением, духом соревнования и подкрепляясь ими. И напротив, если родители будут требовать такого ответа ребенка, не заслужив его, то любовь ребенка вполне может превратиться в чувство обиды, возмущения, а в крайних случаях — даже и ненависти. Поскольку обществу требуется, чтобы ребенок любил своих родителей, подобный нежелательный результат приводит к конфликту и к ощущению вины. В высокоразвитом городском обществе, где господствует конкуренция и родители очень часто обременены заботами, не касающимися ребенка, конфликт между обязанностью любить и реально ощущаемой любовью, между уважением как составной частью любви и уважением, требуемым от ребенка просто в силу авторитета родителей, вовсе не редкость. Равным образом нередко встречаются и сопутствующие этому конфликту чувства обиды и возмущения.

В отличие от этого в деревне в «добрые старые времена» отец и мать не только заботились об удовлетворении потребностей маленьких детей, но также воплощали в себе множество навыков и умений, без которых подрастающие дочери и сыновья не могли стать взрослыми. Уважение, восхищение и дух соревнования были обычными составными частями любви к родителям, и они создавали возможность для развития более специальных форм любви, выходящих за рамки общих способностей этого рода. Сегодня требуются значительные усилия и любовное взаимопонимание, а также обширные знания в области наук и искусств, социального прогресса и человеческих ценностей и любви ко всему этому, для того чтобы родители могли стимулировать и расширять потребности ребенка, удовлетворять эти потребности и тем самым вдохновлять ребенка на дальнейшее развитие у него любви, уважения, восхищения и духа соревнования. Экономическое и социальное давление жизни в больших городах и пригородах, а в наши дни

даже в маленьких городках и деревнях делает более, чем когда-либо раньше, трудной задачу родителей способствовать появлению у ребенка более совершенных форм любви.

Как бы то ни было, любовь детей к родителям не является врожденной, а существует в обществе, и ребенок может овладеть ею только при решающей роли в этом процессе родителей. Единственным врожденным элементом способности любить родителей является безусловно-рефлекторная потребность ребенка в пище и защите, которая должна удовлетворяться родителями. Врожденный элемент — это важная составная часть общей способности, и в качестве таковой она представляет собой необходимое предварительное условие этой и других, более совершенных форм, но сам по себе он недостаточен, чтобы породить общие или специальные способности. Кроме врожденных биологических потребностей ребенка, в обществе существуют потенциальные возможности любви, а в данном случае они кроются, как можно указать более конкретно, в способности родителей удовлетворять потребности детей, — потребности, уровень которых все более повышается.

Любовь мужчины и женщины, романтическая любовь, согласно нашей гипотезе, также есть человеческая потенциальная способность, существующая прежде всего в обществе, но с врожденным биологическим элементом как жизненно важной составной частью ее универсально приобретаемой способности. Без врожденного биологического элемента, составляющего часть общей для всех людей способности, более специальные формы романтической любви были бы невозможны. Таким образом, врожденный элемент есть необходимое предварительное условие генезиса универсальной формы, а эта последняя служит основанием, над которым в виде надстроек воздвигаются более совершенные ее формы.

Ребенок рождается с определенной анатомической структурой и безусловно-рефлекторным аппаратом, связанным с полом и воспроизведением рода. Этот аппарат начинает функционировать на стадии раннего детства и продолжает развиваться в период отрочества, юности и зрелости. Общая способность к романтической любви постепенно формируется в ходе всех этих стадий, но не как автоматический процесс врожденного биологическо-

го созревания. Она развивается в связи с отношениями, устанавливающимися между мальчиками и девочками, отношениями, которые они наблюдают у старших детей и взрослых, особенно родителей, видят в кино и по телевизору, о которых они читают в сказках, рассказах и романах. Процесс подыскания себе в пару подходящего товарища находится под влиянием бесчисленного множества социальных факторов и получает свое первоначальное выражение уже у дошкольников.

Моногамия есть социальный институт, который основанное на нем общество внедряет среди своих членов с раннего возраста. Романтическая любовь — это средство добровольного, а не по принуждению приобретения себе жены или мужа. Общая форма романтической любви — это соединение врожденного биологического аппарата с социальным институтом единобрачия. Поиск пары может вести человека сквозь лабиринт более или менее временных, более или менее прочных романтических отношений, составляющих широкий диапазон от детских привязанностей, «щенячьей любви» и пылкого увлечения сверстниками или более старшими по возрасту до юношеской влюбленности, серьезных любовных отношений, объявленных и расторгнутых помолвок и, наконец, до возможного брака. На основе всего этого косвенного и прямого опыта формируется общая форма способности к романтической любви. Она ограничивается минимальными критериями отбора, а именно привлекательностью и совместимостью. Иногда в ходе поиска человек начинает руководствоваться только привлекательностью в качестве единственного критерия; в этом случае объект поиска может быть утрачен, и тогда целью станет сама по себе непосредственная привлекательность. Так может сформироваться неразборчивость.

Но какой бы ни была конкретная форма этого процесса, приобретение свойственного всем людям уровня способности к романтической любви состоит в соединении врожденного биологического элемента с минимальными потенциями социального института романтической любви. Другими словами, здесь происходит соединение врожденной и приобретенной «сил».

На основе сформированной общей способности могут быть развиты и более совершенные формы романтической любви. Они могут быть приобретены в относитель-

но раннем возрасте и на любой более поздней стадии развития отношений между полами. Более высокие формы существуют в обществе, будучи отражены в лучших произведениях мировой литературы, кинематографии, в биографиях и воплощены в отношениях по крайней мере нескольких известных каждому человеку современников и сверстников. В общем, приобретение этих форм романтической любви зависит от знаний и культуры, участия в исторических процессах, познания мира в самых различных его сферах, а также от наличия у данного лица высоких критериев выбора и суждений о привлекательности, соответствии, с одной стороны, и тонкой чувствительности, понимания, нежности и взаимного обогащения при совместной жизни — с другой.

В обществе, где этот процесс происходит и в котором в то же время имеются широко доступные средства для приобретения как общей, так и более совершенных способностей к романтической любви, последняя, как самое развитое и цивилизованное средство подыскания пары и формирования прочных и богатых отношений в браке, должна быть не столько исключением, сколько правилом. Однако на деле многое в современной культуре предназначено, по-видимому, для замораживания рассматриваемой способности не только на ее общечеловеческой стадии, но и на самом низком уровне этой стадии. В частности, массовые средства пропаганды — наиболее влиятельные из замещающих, косвенных сил — обрушивают на аудиторию целой нации поток сведений о грубых половых отношениях и банальных, если не варварских, историй о любви, браке, супружеских изменах, разрывах и разводах. Еще более губительными для романтической любви являются ставшие ныне почти невыносимыми средства экономического и социального давления, оказываемого на индивида и на любовные взаимоотношения. Безличный собирательный гигант, подобно бульдозеру, сравнивает всех людей единой плоскостью конформизма, разрушая их творческие способности и взаимоотношения. «Поиски любви» становятся еще более отчаянными и окрашиваются страхом, паникой и безнадежностью.

Несмотря на все это, вопреки национальной атмосфере, в общем неблагоприятной по отношению к действительно романтической любви, особенно в ее самых

совершенных формах, сегодня, по всей вероятности, можно найти примеров подлинно добровольных и творческих романтических отношений больше, чем в любой другой период нашей истории. Это, несомненно, объясняется прежде всего тем, что последнее полу столетие явилось свидетелем по меньшей мере частичной победы в борьбе за равноправие мужчин и женщин. Только в таких условиях может существовать действительно творческая романтическая любовь между двумя полами. Сражения, разворачивающиеся между мужчинами и женщинами в попытке установить отношения, очень остры, а зачастую и горьки. Но это битвы равных, и для развития более высоких форм романтической любви они чаще необходимы, чем излишни, по крайней мере на данной стадии.

Отнюдь не будучи врожденной, любовь мужчины и женщины, как одна из человеческих способностей, существует прежде всего в обществе и в сложившемся в ходе истории социальном наследии. Врожденный фактор составляет важный элемент, даже необходимое предварительное условие любви, но сам по себе он недостаточен для формирования способности к романтической любви. Он должен соединиться с социальными формами, чтобы породить общечеловеческую способность, которая в свою очередь служит только основой, на которой могут возникнуть творческие уровни романтической любви.

Наша гипотеза говорит, что человек не должен жалеть никаких усилий в своих попытках построить общество, которое будет основываться на исторических достижениях, включающих, помимо всего прочего, романтическую любовь, моногамный брак, а также свободу и равенство женщин. Подобное общество будет сознательно создавать условия, способствующие и благоприятствующие развитию наиболее высоких форм романтической и творческой любви, как универсальной способности всего человечества.

Мы уже говорили о любви родителей к детям в связи с вопросом о том, каким образом дети приобретают способность любить родителей. В обоих случаях эта способность имеет универсальную стадию соединения врожденных биологических и приобретенных социальных способностей и более высокие формы, возникающие

на основе первой. Всегда сохраняя врожденный элемент, родительская любовь во всех ее формах и на всех уровнях в принципе представляет собой социальное явление. Следовательно, приобретение этой способности зависит от приобщения родителей к социально существующей возможности, в то время как качество их любви обусловлено размерами и глубиной подобного специального их участия в жизни общества, проявляющегося на фоне уровня их приобщения к общему человеческому социальному потенциалу.

Любовь человека к человеку, братство людей, которое Фромм считает врожденной потенциальной способностью, согласно нашей гипотезе, также есть в сущности социальное явление с обычными для него общей и более развитыми специальными формами. Однако общая форма в данном случае отличается от других, рассмотренных нами ранее, поскольку она не основывается непосредственно на врожденном биологическом элементе. Приобретение общего уровня способности любить своих собратьев, достигаемое всеми членами общества, есть соединение сформированной ранее у всех людей способности любить во всех других ее формах: любить родителей, своих детей и питать романтическую любовь. Эта наиболее общая форма способности является продолжением «кровных» и «романтических» отношений, распространяющихся на «всех нам подобных», избранных из непосредственного круга товарищей-студентов, сотрудников, соседей и членов студенческой организации, клуба и местного отделения профсоюза. Общая форма любви к человечеству начинается с товарищества и переходит в дружбу. Противоположной стороной ограниченного личного характера приобретаемой всеми людьми способности любить других людей служит сопутствующая ей способность не доверять, презирать и даже ненавидеть «тех, кто не такой, как мы», по цвету, религии или национальности.

Более высокие формы любви к людям существуют в обществе у активно работающих современных гуманистов и с давних пор в гуманистическом мировом искусстве, литературе и науке. Они основываются на общем личном уровне этой способности, но в то же время представляют собой развитие ее благодаря знанию о великих деяниях человека в прошлом и благодаря активному

участию в его сегодняшних достижениях. Таким образом, человек начинает любить человека в общей борьбе за построение мира, независимо от расы, религии или национальности. Недоверие, презрение и ненависть направляются против тех идеологий, институтов и индивидов, которые противостоят человеку, препятствуют полной реализации его человеческих потенциальных способностей и устанавливают социальные преграды.

Способности человека

Все способности человека — и среди них способности ходить, разговаривать, рассуждать, воображать, любить,— согласно выдвинутой здесь гипотезе, прямо или косвенно представляют собой соединение врожденных средств и социальных способностей к формированию свойственного всем людям уровня вместе с надстройкой из умений более высокого порядка, возвышающейся над этим общим базисом до высот, которые человек пока еще не может охватить глазом. Миллион или более лет эволюции вида привели к созданию врожденных биологических, анатомических, физиологических потенциальных способностей, которые являются неотъемлемыми составными частями этого целостного исторически сложившегося человеческого потенциала, который существует в обществе. Биологические врожденные потенциальные способности приобретаются автоматически в результате зачатия, внутриутробного развития и рождения; они, по существу, одинаковы для всего человечества, хотя и различны у каждого индивида, независимо от типа общества. Приобретение общей формы человеческих социальных потенциальных способностей происходит «автоматически», посредством неизбежного участия индивида в общей повседневной жизни внутри его социального окружения — как единственного способа продолжения жизни, — и, *по существу*, является одинаковым для всех живущих в обществах сходного типа, хотя его внешние проявления и детали могут быть различны. Приобретение социальных способностей более высокого порядка не происходит «автоматически» и не является «универсальным»; оно, скорее всего, зависит от широты и степени участия индивида в жизни общест-

ва. Это участие само по себе зависит, с одной стороны, от доступности для него имеющихся внутри данного общества возможностей, а с другой — от его решимости преодолеть все препятствия, встающие на пути их реализации. Неудача в приобретении данным индивидом более высоких форм человеческих потенциальных способностей не может быть отнесена целиком ни за счет господствующих социальных условий, ни за счет характера самого человека. Если есть, однако, определенная историческая необходимость определить меру ответственности, то первостепенной по важности причиной является данная организация общества, поскольку именно она в конечном счете ответственна также и за формирование характера. При таком распределении ответственности ясно, что заветной мечтой человека должно стать построение таких общества и мира, которые сделали бы доступной реализацию максимальных человеческих потенциальных возможностей и позволили бы всем людям приблизиться к ним и таким образом превратить их в универсальные интериоризованные способности.

Фромм, создавая свою теорию врожденных потенциальных способностей человека, ошибочно принял видимость за сущность. В частности, он неправильно истолковал тот факт, что то, что является социально внешним по отношению к индивиду, становится интериоризованным благодаря его приобщению к нему. Внешние потенциальные возможности становятся внутренними способностями. Начав не с того конца, то есть идя от уже приобретенных и интериоризованных способностей, Фромм рассматривал человеческие потенциальные способности как способности, каким-то образом биологически прирожденные той сфере, которую он, как до него Карл Юнг, называл «расовым бессознательным». Его психоаналитическая направленность помешала ему начать с самого начала, от новорожденного ребенка, снабженного всеми структурами и врожденными функциями, которые делают возможным для него использование человеческих потенций, существующих в обществе.

Фромм рассматривал эту проблему как проблему экстериоризации внутренних потенциальных способностей. Это, по существу, значит подойти к делу не с того конца. Взятая в целом, эта проблема, напротив, предполагает прежде всего интериоризацию внешних соци-

альных потенциальных способностей, превращение их в способность индивида, и только во-вторых,—экстериоризацию этих интериоризованных потенциальных способностей, использование индивидом своих способностей в процессе производительного труда и творческой жизни. В действительности оба эти процесса происходят одновременно и непрерывно на протяжении всей жизни, от рождения и до смерти. Приобретение способностей и их применение составляют развитие по спирали, приводящее ко все более широкой реализации способностей, которая в свою очередь влечет за собой усвоение еще более совершенных способностей.

Если считать, что врожденные потенциальные способности сводятся к анатомической структуре и физиологическому функционированию безусловных рефлексов, а человеческие возможности являются социальными и внешними, то реализация индивидом социальных возможностей требует взаимодействия врожденных и социальных способностей. Это взаимодействие принимает форму активного участия индивида в жизни общества, физиологической основой которого является высшая нервная деятельность. Участие в социальной жизни становится опосредствующим звеном между врожденными и внешними возможностями, приводя тем самым к формированию индивидуальных способностей, которые в свою очередь активизируют дальнейшее участие индивида в общественной жизни. Располагая природными биологическими способностями, индивид становится человеческим существом благодаря своему участию в жизни общества. Уровень приобретаемой им человечности обусловлен уровнем его активности в общественной жизни, то есть его реального бытия.

В отличие от этого Фромм полагает, что человек рождается с вложенной в него человечностью и нуждается в помощи только для того, чтобы выразить ее, или, пользуясь терминологией Фромма, «дерепрессировать» ее. Средствами, предлагаемыми для подобной дерепрессии, являются прежде всего психоаналитические методы превращения бессознательного в осознанное, а во-вторых,—лестница дзен-буддистской парадоксальной логики, завершающаяся кульминационным пунктом прыжка в эмоциональное отождествление путем «познания чревом».

Цели Фромма были гуманны, но его психоаналитическая направленность сделала их иррациональными и недостижимыми. Всякое представление о полной *врожденности* человеческих потенциальных способностей предполагает вопрос не только о средствах реализации этих способностей, но и о том, как возникли эти способности и каким образом идеи и ценности могут биологически наследоваться. В целом концепция об исключительно врожденном характере человеческих потенциальных способностей настолько чужда науке и разуму, что она безнадежно опутывает ее защитников бесконечной паутиной немыслимых предпосылок и толкований.

В отличие от этого противоположная гипотеза, пусть ее абрис и отличается чрезвычайной абстрактностью и обобщенностью, помогает размышлениям о человеческих потенциальных способностях выйти на рациональный и научный путь, ведущий к окончательному пониманию очень сложного, но универсального явления превращения младенца в взрослого человека, зрелого в полном смысле этого слова.

Послесловие

Первые две монографии американского философа Г. Уэллса — «И. П. Павлов» и «З. Фрейд», объединенные в одну книгу, были изданы у нас в 1959 г. В них автор сравнивал жизнь и научный поиск двух привлекающих внимание людей всего мира ученых. Сопоставляя учение о высшей нервной деятельности И. П. Павлова с умозрительной концепцией З. Фрейда, Уэллс с полной объективностью обосновывал последовательный материализм первого и субъективный идеализм второго.

В последней части этой, если так можно выразиться, научной трилогии — «Крах психоанализа» автор описывает историю распространения фрейдизма в США, суть и причины его реформы и радикального преобразования.

США по праву называют второй родиной психоанализа. Концепция, созданная Фрейдом в Вене, продолжительное время отвергалась психиатрами и психологами большинства стран Европы как граничащая с шарлатанством. Лишь в Цюрихе у Э. Блейлера и К. Юнга фрейдизм нашел свое признание и применение при анализе содержания психозов.

Некоторое, очень ограниченное распространение получил фрейдизм в те же годы в России, где был издан в переводе ряд сочинений Фрейда («Толкование сновидений», «Психопатология обыденной жизни» и некоторые другие). Этот новый вид психотерапии пропагандировался и в отдельных статьях выходившего в те годы (1910—1914) журнала «Психотерапия».

После Великой Октябрьской социалистической революции в 20-х годах некоторые, уже нового поколения, психиатры в Москве и Одессе также отдали дань увлечению психоанализом. В то время было переведено на русский язык еще несколько работ Фрейда

(«Лекции по психоанализу» и др.). Но так же, как и до революции, психоанализ не получил у нас большого распространения и не оказал влияния на развитие отечественной психиатрии. Он был вскоре оставлен и его приверженцами. Клинические традиции отечественной психиатрии, физиологическая направленность русской психологии, диалектический материализм исключали влияние учения Фрейда в нашей стране.

Иное положение сложилось в США. Проникнув первоначально в практику психиатрии, учение Фрейда в дальнейшем распространилось в психологии, социологии, философии, художественной литературе, кино. За годы между двумя мировыми войнами психоанализ постепенно стал господствующим мировоззрением в США, особенно в среде американской творческой интеллигенции.

Этому способствовало многое: кроме особенностей общественного уклада жизни в США, застой в познании физиологии головного мозга, кризис психологии и отставание в развитии психиатрии как медицинской, естественнонаучной дисциплины. Интенсивное развитие промышленности, бурный рост городов с перемещением сельского населения в индустриальные центры, глубокие противоречия капиталистического общества предъявляли исключительно высокие требования к приспособлению человека, живущего в неустойчивом, расшатанном мире. Эти требования выявили у очень многих людей скрытую ранее несостоятельность, недостаточность психической адаптации. Такого рода несостоятельность проявлялась в форме неврозов, обострения психопатий, обострения скрытых психических патологических процессов, то есть всего того, что объединяется под общим названием «малой» или «пограничной» психиатрии. Подобные больные не нуждались в лечении в больницах, тем более психиатрических. Это был новый, количественно все возрастающий контингент амбулаторных больных, требующих особой психиатрической помощи. Новые условия жизни заставили психиатров выйти из стен психиатрических больниц. Границы компетенции психиатрии расширились. Но психиатры, соприкоснувшись с еще недостаточно изученными болезненными состояниями, оказались довольно беспомощными. Современных психотропных лекарств еще не было, методы психотерапии, за исключением гипноза и только что складывавшейся рациональной психотерапии, отсутствовали. Этот вакуум и был заполнен психоанализом.

Наибольшая потребность в амбулаторной помощи была именно в США, где общественные противоречия были выражены особенно остро. История американского психиатра А. Брилла, его мучитель-

ные поиски понимания и овладения новой областью психиатрии, живо описанные Уэллсом, типичны для многих психиатров того времени. Вместе с тем направление исследования и поиски способов лечения нового массового состава больных полностью определялись научным мировоззрением психиатров. Одни, сохраняя преемственность с клинической психиатрией и медициной, принялись за поиски материалистической основы пограничной психиатрии. Другие, вслед за Фрейдом, отчаявшись в успехе естественнонаучного метода исследования, искали ответ в иррациональном. Произошло трагическое повторение прошлого психиатрии.

В начале XIX века, когда учение о психических болезнях только начало складываться в научную дисциплину, также возникли два направления, две школы — «психиков» и «соматиков». Первые видели причины психоза в греховности, страстях, то есть в мистической психологии. Вторые — в материальной патологии организма. Если в области выраженных психозов теория «психиков» воспринималась в последующем как наивное заблуждение, порожденное незнанием, то в области пограничных состояний она возродилась вновь, правда внешне не в столь уже наивном виде, фундированная спекулятивным использованием эволюционной теории, антропологии, волюнтаристической философии. Несмотря на претензии психоанализа на универсальность, крах этого учения, так же как и его предшественника — учения «психиков», был неизбежен. Он произошел в последние годы, описанию чего и посвящена предлагаемая читателям книга Уэллса.

В области психиатрии это совершилось в результате успехов естествознания, создания учения о высшей нервной деятельности, развития клинической психиатрии, успехов биологической терапии психических заболеваний. Шаг за шагом вытеснялся фрейдизм по мере заполнения вакуума в учении о пограничных состояниях естественнонаучными фактами. Но иррационализм уступает место клиническому, естественнонаучному знанию лишь постепенно. Во Франции, например, психоанализ сохраняет свои позиции в двух клинически еще мало изученных областях: в детской психиатрии и в сфере так называемых психосоматических заболеваний.

Постепенно уступая место медицине в области лечения пограничных состояний и выраженных психозов, психоанализ в его реформированном виде, как показывает Уэллс, претендует на лечение характеров людей.

Область малой психиатрии — учение о неврозах, психопатиях, патологических психических реакциях, легких формах психических

расстройств — теснее, чем другие области медицины, связана с проблемой характера, личности. Перед исследователем всякий раз неизбежно встает вопрос о внутренних, индивидуальных, а следовательно, личностных предпосылках возникшего расстройства. Не случайно поэтому одновременно с изучением неврозов и патологических реакций в психиатрии возникло учение о патологических характерах, дисгармонических личностях (неполноценные личности Коха, психастеники Жане, тревожно-мнительные личности Суханова и Ганнушкина, шизоиды и циклоиды Кречмера, эпилептоиды Минковской и многие другие). В этой области психиатрия вплотную соприкасается с психологией, с ее еще далеко не разработанной главой о личности, характере, темпераменте. И в эту недостаточно исследованную область неизбежно должен был проникнуть психоанализ, создав свою концепцию склада личности, обусловленную комплексами оральной и анальной эротики, комплексом Эдипа, нарциссизмом, инстинктом агрессивности, стремлением к смерти. Личность и ее судьба, по Фрейду, фатально предопределены этими комплексами и инстинктами.

Ответ на присущую империализму трагическую контрастность — с одной стороны, грандиозное развитие производительных сил, накопление материального богатства и, с другой, подавление индивидуальности, конформизм, постоянное господство чувства неуверенности, бесперспективности и одиночества — психоанализ искал в глубинах личности, подменяя социальный анализ психологически-индивидуальным. При внешней научности он оставался на уровне беллетристически художественной трактовки, чем и подкупал широкие круги интеллигенции. Успехи естествознания, развитие исторических наук все более явно обнаруживали научную несостоятельность фрейдизма, умозрительный схематизм его основных положений. Для сохранения психоанализа понадобилась коренная его реформа. Ее и пытались осуществить К. Хорни и Э. Фромм — основатели неопрейдизма.

Реформа была вызвана диктуемой развитием науки необходимостью признания определяющей роли социального в психическом развитии человека. В результате реформы от основных положений учения Фрейда осталось немного. Агрессивное, полное вождельений, властвующее над человеческим «я» бессознательное после преобразования превратилось в носителя любви, добра, размышления. Но такого рода исконно гуманистическую основу человека, по утверждению реформаторов, извращает капиталистическое, как, впрочем, и социалистическое общество. Фромм ищет третий путь — перевоспитание человека путем осознания присущего ему бессознательного

гуманистического начала. Таким образом, как отмечает Уэллс, психоанализ превращается в своего рода религию, которая состоит из смеси утопического социализма и буддизма. Сектантский характер учения Фрейда, свойственный ему с самого начала, нашел в этой концепции свое окончательное завершение.

Реформе подвергается в последние годы и терапевтический психоанализ. Она осуществляется в двух направлениях. Во-первых, под влиянием неофрейдизма происходит социологизация, и, во-вторых, под влиянием прогресса естествознания — нейрофизиологизация психоанализа. Первое направление ищет причины нервных и психических болезней во внешних, то есть социальных, условиях. Правда, последние ограничиваются изучением травмирующего влияния на психическую деятельность межличностных отношений в микросоциальных группах (семья, класс школы, взаимоотношения с соседями, с сослуживцами на работе). В такого рода интраперсональных отношениях решающую роль по-прежнему играют бессознательные комплексы — агрессивности, неполноценности, любви и т. п.

Второе течение все свои усилия направляет на поиски материальных основ бессознательного. В качестве таковой умозрительно привлекается подкорковая область головного мозга, ретикулярная формация и т. д. Но все такого рода попытки оказываются несостоятельными.

Фрейдовской концепции врожденных идей, доброго и злого начал в душе человека, Уэллс противопоставляет, как он и сам отмечает, схематическое толкование развития психической деятельности. Пользуясь понятием «интериоризация», он обосновывает приобретение физиологическими функциями головного мозга под влиянием социальных воздействий свойств психических процессов. К этому следует добавить, что последователи эволюционного направления в психологии и психиатрии (Модсли, Рибо, Корсаков, Джексон и др.) со времен Дарвина рассматривали бессознательное как максимально организованную автоматическую психическую деятельность, как продукт сознания, а не наоборот (насиловственное видоизменение его темными силами бессознательного, по Фрейду и Фромму). Акты ходьбы, речи, чтения, письма, счета и все обучение человека, включая и профессиональное, первоначально осуществляются в результате деятельности сознания и лишь в дальнейшем автоматизируются, становятся бессознательными, освобождая тем самым сознание для дальнейшего, еще более совершенного деятельного приспособления к окружающей среде. Но такого рода автоматизация относительна. Сознание в любой момент может взять под свой

контроль, лишить автономности любые автоматизированные действия, примером может быть ходьба в трудных условиях, чтение неразборчивого текста и т. д. Лишь в исключительно патологических случаях автоматизированные функции могут стать полностью автономными: импульсивные болезненные действия, действия при помрачении сознания и т. д. В подобной трактовке обнаруживается единство биологического и социального, реализация биологических механизмов в социальном существовании человека. Бессознательное в таком понимании выступает в качестве одного из важнейших механизмов приспособления организма к изменяющимся условиям существования.

Беспредельное приспособление организма к условиям существования — всеобщий и основной закон жизни — Фрейд и Фромм превратили в никогда в полной мере не достигаемое приспособление к самому себе, к своей одержимой темными силами душе.

Перефразируя высказывание Мопассана, о человеке можно сказать, что он не так плох, как думает о нем Фрейд, и не так хорош, как это утверждает Фромм. Хорошими или плохими люди становятся лишь в результате социально обусловленной реализации их потенциальных способностей. Эту идею довольно подробно, как уже говорилось, развивает автор книги «Крах психоанализа». Реализация индивидуальных свойств неповторима, как, впрочем, неповторим и тот отрезок развития человеческого общества, в котором осуществляется эта реализация. Вне общества невозможно развитие биологических (физиологических) механизмов. Вместо диалектического биосоциального единства человека, социальное как у Фрейда, так и у Хорни и Фромма биологизируется. Социальный аспект бессознательного в таком виде отнюдь не превращает психоанализ в научную концепцию. Это лишь попытка приспособления к современности, не меняющая его теологической сущности, как это последовательно обосновывает в своей книге Уэллс.

Вместе с тем следует отметить, что Уэллс — философ, а не медик, он не всегда правильно противопоставляет научную психиатрию фрейдизму. В книге его содержится ряд устаревших положений. Современная психиатрия не проводит жестких границ между органическим и функциональным. Структура и функция, как показывают исследования, осуществленные на молекулярном уровне, неотделимы друг от друга. Структурные изменения обнаруживаются и при так называемых функциональных расстройствах высшей нервной деятельности. В современной психиатрии речь идет уже не об органическом и функциональном, а о необратимых или обра-

тимых патологических расстройствах. Не обнаруживается теперь и жестких границ между физиологическим и патологическим. При многих состояниях трудно бывает провести резкую границу между физиологически акцентуированным и патологическим.

Но подобные неточности автора ничуть не умаляют его основательной критики как классического, так и реформированного психоанализа.

«Трилогия» Уэллса принадлежит к лучшим критическим исследованиям учения Фрейда в современной мировой литературе.

А. В. Снежневский

Указатель

- Августин, св. 224
Адлер Альфред 25, 93
Аксельрод Джордж 59
Александр Франц 50, 241
Американская неврологическая ассоциация 32
Американская психоаналитическая ассоциация 34, 55—61, 64
«American Journal of Sociology» 35
Анаксимандр 259
Анализ характера 24, 182
Антропология 46—49
Аристотель 176, 213, 243, 244, 246

Безусловный рефлекс 73—75
Бенедикт Рут 49
Бергсон Анри 114
Берд Чарлз 179
Бёр Чарлз У. 36
Бессознательная мотивация 41, 112—123, 133—146, 157, 158
Бессознательное 37—40, 48
— символический язык 48, 69, 70, 121, 158
Блейк Уильям 210
Блейлер Э. 17, 23, 24
Боас Франц 28, 48
Бог 221, 223, 226, 231, 232, 236
Браминская философия 213
Брилл А. А.
— жизнь 11—27
— история болезни «dog-God» 23—24
— в клинике Бургхёльцли 17
— обращение к психоанализу 17—20
— открытие частного кабинета 27
— перевод работ Фрейда на английский язык 26
— поездка в Париж 16
— привозит фрейдизм в Америку 26—27
— проверка фрейдовских теорий на самом себе 21—22
— профессиональные трудности 13—16
— с Фрейдом в Кларкском университете 27—28
Буддизм 239
Бургхёльцли, клиника 17—21, 24, 26

Вера 218, 225, 226, 236
Вернике Карл 11
Воображение 260—262
Восприятие 261

Гартман Хайнц 50, 51, 53, 54, 123
Гегель 129, 177, 213
Гераклит 213
Гипноз 14, 15
Гипнотический сон 14, 15
Гипнотическое внушение 13—15
Грин Джулиан 134

Даосизм 239
Дарвин 108
Демокрит 243

Детская сексуальность 40, 44, 45, 47, 49
Джелифф С. Э. 32
Джемс Уильям 28—31, 103, 108, 114
Джонс Эрнест 27, 28, 30, 31, 32
Дзен-буддизм 196, 212—216, 218, 219, 239, 240, 272
Диалектическая логика 176—178, 213, 216
Диалектическое мышление — Хорни 108—110
Душа 223, 231, 239, 240, 242, 244
Дьюн Джон 220
Дюбуа, д-р 15, 16
Дюбуа Кора 49

Жане Пьер 13
«Journal of Nervous and Mental Disease» 32

Забывание 68, 72, 73, 77—87
Закс Бернард 36
Защитные механизмы «я» 50—52, 89, 158, 159, 188

Идея 186, 187
Идолопоклонство 229, 230
Изоляция 51
Индж Уильям 59
Инстинкты 72—76, 125
Истерия 12
Исторический материализм 124, 128, 220
Иррациональность 181
Иудаизм 229, 240

Каббала 213
Камю Альбер 219, 221
Кантовский практический разум 13
Капитализм — и любовь 196—218 — и отчуждение 199—206, 217 — Фромм 170—171, 196
Кардинер Абрам 49, 50
Кастрация 71
Кафка Франц 134
Кеннеди Фостер 36
Клакхон Клайд 49

Кларкский университет 27, 28, 30, 31
Компромисс 51, 119
Конформизм автомата 143—145, 192
Крепелин Эмиль 11
Криз Э. 51
Кузкенбос Джон Д. 15
Кьеркегор Сорен 134, 222

Ланге Карл 103
Лао-цзы 213
Левенфельд 14
Левенштейн Р. 51
Либи́до, теория 103—104, 121
Линтон Ральф 49
Логика 175—179, 212—216, 258
Локк Джон 244
Лоуренс Артур 59
Лоуренс Д. Г. 210, 211
Лукреций 243
Любовь 195—218 — критика теории Фромма 206—218, 262—270 — пять типов 195 — теория 196—199
Льюс Клэр Бут 59

Магия 229
Мазохизм 140—142, 148
Майер Адольф 11, 28, 32
Маймонид 210
Малиновский Бронислав 48, 96
Маркс Карл 110, 124, 126, 129, 151, 152, 154, 177, 213
Меннингер Карл А. 50
Механистическое мышление 108—110
Мид 96
Мид Маргарет 49
Миллер Артур 173, 174
Мистицизм 224
Миф о первобытной орде 38, 47
Молитва 223
«Maladie du siècle» 221, 222, 224, 229, 236, 240

Навязчивое повторение 105—108, 110
Насильственно навязанная мотивация 133—146, 158, 159, 181, 186—192

Неврастения 12
 Неврологи 12, 28, 33
 Невротики, амбулаторные 13
 Ницше 114, 134, 222
 Нью-Йоркская государственная больница 11
 Нью-Йоркский государственный комитет по психическим заболеваниям 17
 Нью-Йоркский институт психиатрии 11
 О'Нил Юджин 59
 «Оно» 38, 40, 47, 50—52, 70, 110, 156, 157, 192, 195, 223, 231
 Органические психические заболевания 12—13
 Откровение 235, 239
 Отчуждение 129, 144, 150
 — критика теории Фромма 201—206, 228
 — теория Фромма 199—201
 Оуэн Роберт 153
 Пансексуализм 100, 101
 Парадоксальная логика 212—216, 272
 Патнем Дж. Дж. 28, 31, 32
 Патофизиология 13, 65, 136
 — пробел 64—65
 Перевоспитание 183, 186
 Петерсон Фредерик 17
 Платон 243, 244, 259
 Подавление 51, 68, 77—80, 85—87
 Прагматизм 55, 220
 Практикующий врач 12, 13
 Предопределение 38, 100, 105, 119
 Предписание Вандербильтской клиники 12
 Предпосылки реформированного психоанализа 170—181
 Принс Мортон 14, 32
 Принцип удовольствия 53
 Противоречие 173—175, 177, 180, 192, 204, 212—218
 Прудон 153
 Прямохождение 247—252
 Психастения 12
 Психиатр 13, 27, 28, 32, 64
 Психиатрия 13, 17, 18, 23, 27

Психические структуры 29, 50
 Психоанализ 17, 18, 24—27, 32—37
 — альтернатива классического 68—87
 — Американская психоаналитическая ассоциация 55—60
 — будущее 88—90
 — главная посылка 137
 — две предпосылки реформированного 170—192
 — и дзен-буддизм 212—218, 224, 231
 — источники влияния 58—66
 — классический 54, 55—66
 — критика Хорни 95—123
 — ортодоксальный 37—40
 — от ортодоксального к ревизованному 39—40
 — противоречие реформированного 164—169
 — ревизия 50—54
 — ревизованный, факторы, приведшие к ревизии 40—50
 — реконструкция 193—242
 — и религия 235—242
 — реформация 156—169
 — реформация Фроммом 133—147
 — и театр 59
 — и теология 223—234
 — факторы, приведшие к реформации 162—164
 Психоаналитическое общество 25, 26, 32, 34
 — процедура приема 56—58
 — члены 58—60
 Психоз 17
 Психология 26, 27
 Психотерапия 13, 14, 55, 60—63
 Психотерапевтические методы 13—15
 Психотерапевты 13
 Рапарт Д. 51
 Рассуждение 258—260
 Рационализм 220
 Рациональная мотивация 113, 165
 Раш Бенджамин 18
 Реальность
 — отрицание 51
 — принцип 53

Ревизия психоанализа
 — академическая экспериментальная психология 41—42
 — практический опыт аналитиков 41
 — сравнительная антропология 46—49
 — факторы, вызвавшие 40
 — экспериментальное исследование постулатов психоанализа 43—46
 Религия 219
 — обращение к психоанализу 220—240
 Рефлекторная теория сознания 181, 186—188
 Речь 255—256
 Риверс У. Г. 49
 Робек А. А. 29
 Родовое бессознательное 37—40, 48, 75—77
 Рокейм Геца 48
 Руссо 210

 Садизм 140, 141
 Салливан Гарри Стэк 40, 52, 93, 140, 157, 160, 166, 167, 181, 241
 Сальпетриер 16
 Сартр Жан-Поль 221
 Сатори 239, 240
 «Сверх-я» 47, 70, 71
 Свободная ассоциация 20—24, 69, 78, 114, 123, 138, 158
 Сенсорные сигналы 82—85, 260, 261
 Сидис Борис 14
 Сирс Роберт 43—46
 «Смертельная болезнь» 221
 Смещение 51
 Сопротивление 117
 Социализм 155
 — научный 180
 — утопический 155, 180
 Социальный психиатр 60—61
 Сублимация 119

 Теология 218, 219, 222, 223
 — и психоанализ 220, 223, 224, 242
 Терапия 13, 24, 51, 107, 152, 182, 185
 Терапия словом 13, 17

Титченер 28
 Толкование сновидений 20—24, 69, 114, 122, 123, 138, 158
 Тревога 134, 144, 172, 221, 222
 Трилинг Лионель 35

 Уайт У. Э. 32
 — Институт психиатрии Уайта 124
 Удивление 236
 Уильямс Теннесси 171—174
 Условный рефлекс 82—87, 113
 Учение о высшей нервной деятельности 73, 80—87, 182—185
 Уэйр Митчелл
 — лечение покоем 17
 Уэст Джемс 49

 Ференци Шандор 24, 25, 28
 Фетишизм товарный 129
 Физиология 13
 Фиксация 106
 Философия 219
 — обращение к психоанализу 220—223
 Фома Аквинский, св. 210, 244
 Форель Огюст 14
 Формальная логика 176—178, 216
 Формирование реакции 51
 Фрейд Анна 50—52, 123, 241
 Фрейд Зигмунд 11—17, 19—32, 34, 36, 40—42, 44—55, 58, 67, 68, 69, 72, 75, 153, 161, 168, 224, 234, 241
 — в Америке 27—36
 — и У. Джемс 29—31
 — критика Фрейда Хорни 95—110, 116, 117, 122, 123
 Фрейдизм ортодоксальный 37
 Фромм Эрих 40, 93, 96, 110, 124, 157, 158, 165
 — взаимодействие социологического и психологического факторов 147—150
 — вклад в новую теологию 223—235
 — «Здоровое общество» 124, 150—155, 168.
 — капитализм в понимании Фромма 170—180

- о насильственно навязанной мотивации 181—192
- отчуждение 129
- преобразование психоанализа в религию 235—242
- психологический фактор 134—146
- и религия, дзен-буддизм и экзистенциализм 219—242
- социологический фактор 125—133
- теория любви 195—218
- теория отчуждения 199—201
- утопия Фромма 165, 166, 180
- о человеческих потенциальных способностях 246, 271, 272
- Функциональные психические заболевания 12, 13, 18, 19, 65
- Фурье 153
- Харт Мосс 59
- Хеллман Лилиан 59
- Холл Дж. Стенли 27, 28, 32
- Холт Э. Б. 28, 32
- Хорни Карен 40, 52, 93—123, 137, 241
- жизнь 93—95

- критика Фрейда 95—110
- реформация психоанализа 111—123, 133, 157—160, 165—167, 181, 241
- Христианство 219, 229, 240

Центральная государственная ислипская больница 11, 12

Человеческие потенциальные способности 242, 243—273

Шарко Ж. М. 14, 16, 17
Шопенгауэр 114

Эдипов комплекс 29, 34, 38, 40, 44, 45, 47, 48, 54, 55, 57, 99, 100, 104, 105, 156, 172

Экзистенциализм 219, 221, 222, 240

Экхарт Мейстер 213

Эмоция 186—188, 222

Энгельс Фридрих 110

Эпикур 243

Юнг К. Г. 17, 23—28, 93, 271

«Я» 50—54, 158, 159, 235

— вторичные процессы «я» 42, 50, 51, 53, 54

Оглавление

Предисловие	7
ЧАСТЬ I. ПСИХОАНАЛИЗ ФРЕЙДА	
Глава 1. Психоанализ появляется в Америке	11
А. А. Брилл	11
Фрейд в Америке	27
Глава 2. Классический психоанализ: ортодоксальный и ревизи- зованный	37
Факторы, вызвавшие ревизию психоанализа	40
Ревизия психоанализа	50
Глава 3. Влияние классического психоанализа	55
Американская психоаналитическая ассоциация	56
Психотерапия	60
Глава 4. Альтернатива классического психоанализа	68
О природе инстинктов	73
Фрейдизм и природа забывания	77
Будущее классического психоанализа	87
ЧАСТЬ II. РЕФОРМИРОВАННЫЙ ПСИХОАНАЛИЗ	
Глава 5. Карен Хорни	93
Как Хорни критикует Фрейда	95
Как Хорни реформировала психоанализ	111
Глава 6. Эрих Фромм	124
«Социологический фактор» Фромма	125
Реформация Фроммом бессознательной насильствен- но навязанной мотивации	133
Взаимодействие между психологическими и социо- логическими факторами у Фромма	147
«Здоровое общество» Фромма	150

Глава 7. Реформация психоанализа	156
Факторы, приведшие к реформации психоанализа	162
Основное противоречие реформированного психоанализа	164
Глава 8. Две предпосылки реформированного психоанализа	170
Капитализм как нечто совершенно иррациональное и разрушительное	170
Иррациональность и насильственный характер мотивации	181
ЧАСТЬ III. РЕКОНСТРУКЦИЯ ПСИХОАНАЛИЗА	
Глава 9. Психофилософия любви	195
Теория любви, созданная Фроммом	196
Созданная Фроммом теория отчуждения	199
Критика теории отчуждения Фромма	201
Критика теории любви Фромма	206
Глава 10. Врачеватель души	219
Слияние психоанализа с религией, экзистенциализмом и дзен-буддизмом	219
Философия и теология обращаются к психоанализу	220
Вклад Фромма в новую теологию	223
Преобразование Фроммом психоанализа в религию	235
Глава 11. Потенциальные способности человека	243
Альтернатива психоаналитическому бессознательному	243
Приобретение первичных навыков	247
Специальные навыки и общество	252
Способность рассуждать, воображать и любить . .	258
Способности человека	270
Послесловие	274
Указатель	281

Г. УЭЛЛС
КРАХ ПСИХОАНАЛИЗА
От Фрейда к Фромму

Редактор Э. М. Пчелкина
Художник Ю. А. Максимов
Художественный редактор Л. Ф. Шканов
Технический редактор Г. Н. Калининцева

Сдано в производство 7/XII 1967 г.
Подписано к печати 7/VI 1968 г.
Бумага 84×108¹/₃₂, 4,5 бум. л. 15,12 печ. л.
Уч.-изд. л. 13,71. Изд. № 9/7919
Цена 96 к. Заказ 426

Издательство «Прогресс»
Комитета по печати при Совете Министров
СССР
Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 21

Московская типография № 20 Главполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров СССР
Москва, 1-й Рижский пер., 2

96 коп.